

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

- Подкорытова М. И., Раскин И. В., Ненько А. Е.* Идея города для людей как фактор локализации протестного голосования в новых жилых комплексах ... 302
- Афанасьева Ю. А., Понарин Э. Д.* Влияние (не)схожести эмансипативных ценностей индивидов на субъективное благополучие..... 322
- Сердюков Б. В.* Гражданская солидарность в условиях пандемии COVID-19 340

СОЦИОЛОГИЯ ЭКОНОМИКИ, ТРУДА И ПРОФЕССИЙ

- Веселов Ю. В.* Доверие в предпринимательской среде Санкт-Петербурга: опыт эмпирического исследования 366

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНЫ

- Лехциер В. Л., Готлиб А. С.* Пациентские нарративы из ковидных отделений в социальных сетях..... 384
- Савин С. Д., Смирнова А. Н.* Профилактическая медицина в России: проблема общественного (не)доверия..... 405

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЙ, НАУКИ И ИННОВАЦИЙ

Балашов А. И., Васильева Е. А., Столярова Д. А. Социальные инновации
в городах России: оценка потенциала менеджмента услуг 424

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Синютин М. В. Призвание историка русской философии и социологии.
Столетний юбилей профессора Галактионова 441

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет
На журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология»
можно подписаться по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс 80829

Свидетельство о регистрации СМИ № ФС77-73022
от 06 июня 2018 г. (Роскомнадзор)

Главный редактор *В. И. Дудина*, д-р социол. наук, проф.
Редактор *А. М. Никитина*
Корректор *И. П. Журова, Т. В. Хорошавина*
Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*

Дата выхода в свет 00.00.2023. Формат 70×100¹/₁₆.
Усл. печ. л. 0,0. Уч.-изд. л. 0,0. Тираж — 00 экз. Заказ № . Цена свободная.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.
Адрес Издательства СПбГУ: 199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.
Тел./факс 328-44-22

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская л., д. 5.
Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.

CONTENTS

SOCIAL PROCESSES AND SOCIAL DYNAMICS

- Podkorytova M. I., Raskin I. V., Nenko A. E.* The idea of a city for people as a factor in the localization of protest voting in new residential complexes..... 302
- Afanasyeva Yu. A., Ponarin E. D.* The influence of individuals' emancipative values (mis)match on subjective well-being 322
- Serdyukov B. V.* Civic solidarity in the context of the COVID-19 pandemic 340

SOCIOLOGY OF ECONOMICS, LABOR AND PROFESSIONS

- Veselov Yu. V.* Trust in the entrepreneurial environment of St Petersburg: The empirical study 366

SOCIOLOGY OF HEALTH AND MEDICINE

- Lekhtsier V. L., Gotlib A. S.* Patient narratives from COVID-19 wards in social media.... 384
- Savin S. D., Smirnova A. N.* Preventive medicine in Russia: The problem of public (dis)trust..... 405

SOCIOLOGY OF KNOWLEDGE, SCIENCE AND INNOVATION

- Balashov A. I., Vasilieva E. A., Stolyarova D. A.* Social innovation in Russian cities: Assessing service management potential 424

HISTORY OF SOCIOLOGY

- Sinyutin M. V.* Vocation of the Russian philosophy and sociology historian. Centennial of Professor Galaktionov..... 441

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

УДК 324

Идея города для людей как фактор локализации протестного голосования в новых жилых комплексах*

М. И. Подкорытова¹, И. В. Раскин², А. Е. Ненько¹

¹ Институт дизайна и урбанистики Университета ИТМО,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, 14

² Международный институт мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения
избирательных прав граждан государств — участников МПА СНГ,
Российская Федерация, 191015, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., 47

Для цитирования: Подкорытова М. И., Раскин И. В., Ненько А. Е. Идея города для людей как фактор локализации протестного голосования в новых жилых комплексах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 302–321.
<https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.401>

Постепенное формирование сегрегации по доходам в постсоветском городе приводит к локализации протестного голосования. Важную роль в этом процессе играют новые жилые комплексы (ЖК), где аккумулируется население со схожими уровнем дохода и представлениями о качестве жилой среды. Разрыв между ожиданиями и реальностью при покупке строящегося жилья, а также несоответствие между качеством городской среды внутри и снаружи жилого комплекса приводят к появлению очагов протестного голосования в новых ЖК. Ключевыми понятиями для объяснения такого протестного голосования становятся «право на город» и «город для людей». Первоначально эти термины были сопряжены с политической активностью, направленной на расширение участия горожан в управлении городами. На территории России представление о «городе для людей» становится тождественно воспроизводству его физических характеристик вне политической составляющей. Атрибуты города для людей, в том числе безопасность, доступность, комфортность среды, продвигаются застройщиками в рамках маркетинговых кампаний и влияют на спрос. Однако систематиче-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31874 (в части изучения взаимосвязи между электоральным поведением и общением в социальных сетях), а также РНФ в рамках научного проекта № 21-77-10098 (в части изучения формирования внутригородской сегрегации).

ская нехватка заявленных элементов в новых жилых комплексах приводит жителей к политическому протесту, который можно интерпретировать как реализацию права на город, проявляющегося в критическом отношении к ущемлению прав жителей со стороны застройщиков и городской администрации и запросе на равноправное участие в управлении городом. В статье подробно рассмотрен пример протестного голосования в новом жилом комплексе «Я — Романтик», расположенном на намывных территориях Санкт-Петербурга. Избирательный участок, расположенный на территории жилого комплекса, выделяется на фоне соседних участков по уровню протестного голосования, особенно ярко выраженному на выборах губернатора Санкт-Петербурга. Разрыв между ожиданием и реальностью и между внутренним пространством жилого комплекса и внешней по отношению к нему городской средой подталкивает жителей к протестному голосованию.

Ключевые слова: электоральное поведение, городская сегрегация, протестное голосование, город для людей, право на город.

Введение

Социальное разнообразие является одним из ключевых свойств городского пространства [1]. Однако субъективные переживания дискомфорта и небезопасности в крупных городах подталкивают жителей к гомогенизации личного окружения, например проживанию рядом с людьми со схожими ценностями и образом жизни [2; 3]. Одним из результатов гомогенизации является пространственная сегрегация городской среды, которая формируется вследствие, с одной стороны, стремления людей жить рядом с себе подобными, а с другой — подстраивания среды под потребности людей с определенным стилем жизни. Определение пространственной сегрегации в современных исследованиях размыто, однако ученые соглашаются, что невозможно говорить только об экономических аспектах неравномерного расселения на основании данных официальной статистики; необходимо осмысливать сегрегацию повседневных практик, обусловленную стилем жизни. При этом ключевым фокусом исследований пространственной сегрегации остается неравномерное развитие административно-территориальных единиц в структуре города, тогда как пространственная сегрегация может не подчиняться административному делению и проявляться на уровне неформальных пространств повседневной активности [4]. В данной работе мы рассматриваем пространственную сегрегацию города как разделение социальных групп, имеющих выраженный стиль жизни и потребности в отношении качества городской среды и проявляющих эти потребности в своем электоральном поведении.

После распада СССР сегрегация в российских городах была выражена слабо. Плановая система распределения жилья и массовое жилищное строительство привели к смешению социальных групп в советских городах. При этом внутригородское неравенство проявлялось в доступе к качественным товарам и услугам [5; 6]. Представители различных социальных и этнических групп и люди с разным уровнем дохода проживали по соседству [5–7]. В большей части постсоветских городских агломераций данная ситуация сохраняется до сих пор, чему способствует неразвитость рынка аренды и высокая доля собственников в результате приватизации [8; 9]. Отсутствие ярко выраженной сегрегации приводит к сравнительно однородным результатам выборов внутри городских территорий. Так, анализ

избирательных кампаний 1995–2016 гг. в разрезе городских округов, муниципальных и внутригородских районов показал высокий уровень электоральной гомогенности на локальном уровне; при этом на региональном уровне данный тренд для большинства партий не наблюдался [10].

Новое строительство и появление новых жилых комплексов вносят коррективы в структуру расселения городского населения, формируют новые пространства ежедневной активности, а также влияют на электоральную географию городов. Позиционирование новых жилых комплексов на рынке ориентировано на определенные группы покупателей — с достаточным уровнем экономического дохода, а также зачастую с определенными запросами относительно качества городской среды и стиля жизни [11; 12]. Маркетинговые стратегии предлагают набор определенных качественных характеристик и ценностей жилой среды, которые можно приобрести вместе с квадратными метрами. При этом такие наборы не всегда реализуются, что оставляет жителей новых ЖК неудовлетворенными и стимулирует протестное поведение. Кроме того, крупные жилые комплексы зачастую формируют отдельный избирательный участок. Таким образом, можно выдвинуть гипотезу о том, что электоральное поведение жителей новых комплексов может отражать установки социальной группы, сформировавшейся в силу своих экономических возможностей и предпочтений относительно жилой среды, и может отличаться от электорального поведения жителей близлежащих территорий, в частности по протестности.

Целью данной работы является анализ новых ЖК как части пространства современного мегаполиса, жители которой имеют выраженный стиль жизни и запросы относительно качества городской среды, проявляющиеся в электоральном поведении. Исследовательскими вопросами статьи стали следующие: как особенности стиля жизни в новых жилых комплексах отражаются в результатах голосования? Проявляется ли протестное голосование в контексте новых ЖК, чьи жители ориентированы на определенное (повышенное) качество городской среды?

Особым городским контекстом, который рассматривается в статье, являются новые жилые комплексы на окраинах крупных постсоветских городов. Данная среда обитания оказывается привлекательной для определенных социальных групп. В первую очередь, это молодые семьи с детьми, для которых важны невысокая цена квадратного метра и сниженный процент по ипотеке в новом строительстве. Кроме того, новые жилые комплексы привлекательны для внутренних мигрантов, прибывающих в мегаполисы из других городов [13]. В то же время позиционирование новых комплексов на рынке жилья может оказывать влияние на состав населения, привлекая покупателей с определенным набором ценностей и представлений о городской жизни. Таким образом, новое жилищное строительство стимулирует гомогенизацию по экономическим и ценностным характеристикам жителей, что приводит к сегрегации жилых комплексов относительно окружающей городской среды.

Электоральное поведение как предмет исследования

Электоральные исследования рассматривают выборы во всем их многообразии: от географических закономерностей распределения голосов до представительства различных социальных групп среди электората и специфики избирательных

систем [14]. Как было указано выше в гипотезе исследования, предполагается, что в электоральном поведении жителей новых ЖК может проявляться повышенный уровень протестного голосования. Под протестным голосованием здесь понимается голосование за кандидата или партию, не представляющих провластную политическую позицию [15].

Первые масштабные работы, посвященные исследованию электорального поведения, относятся к середине XX в. Исследования президентских выборов в США позволили сделать вывод о конформности электорального поведения и его существенном отличии от поведения потребительского. Была сформирована концепция электорального поведения как устойчивой социальной характеристики, передающейся из поколения в поколение [16–18]. Таким образом, в ранних электоральных исследованиях внешние факторы, такие как место проживания избирателей, не рассматривались как значимые.

По мере развития электоральных исследований роль локальности в формировании электорального поведения была изучена более подробно. Наиболее очевидным примером, демонстрирующим значение локального контекста и характера местного сообщества в электоральном поведении индивида, является «эффект друзей и соседей» (friends-and-neighbors effect). Избиратели склонны отдавать предпочтение кандидатам, которые связаны с местом их проживания (с которыми избиратель разделяет локальную идентичность, например такие кандидаты долгое время прожили или начинали политическую карьеру «по соседству») [14].

Расширение возможностей количественного анализа электорального поведения с помощью ГИС-технологий позволило углубить понимание роли места в электоральном поведении [14]. Объяснение локализации электорального поведения с помощью исследования мест и сообществ на микроуровне получило широкое распространение. Были выделены пять возможных механизмов влияния локальности на результаты выборов:

- социальное взаимодействие (коммуникация на местном уровне влияет на электоральные предпочтения);
- выбор места (люди выбирают места проживания в зависимости от социально-демографических характеристик соседства, которые также определяют электоральное поведение);
- подражание (избиратели воспроизводят электоральное поведение как местную социальную норму);
- восприятие окружения (электоральное поведение является реакцией на качество среды проживания);
- политическая мобилизация (неравномерность агитации приводит к мобилизации электората в разных локациях) [19].

Социальное взаимодействие оказывает влияние не только на электоральные предпочтения, но и на вовлеченность в процесс голосования [20–22]. При исследовании взаимосвязи между обсуждением политики и степенью политического участия оказывается сложно разделить причину и следствие. Вовлеченность в социальное взаимодействие по поводу политических вопросов может усиливать политическое участие. В то же время активная гражданская позиция может влиять на структуру социального взаимодействия [20]. Наличие в местных сообществах политически активных жителей и коммуникация с ними всего сообщества могут

влиять на результаты голосования в целом. Избиратели, слабо информированные о политике, зачастую опираются на мнения внутри местного сообщества при голосовании [23].

Эффект подражания широко обсуждается в контексте публикации результатов опросов перед голосованием. Т. Роджерс (T. Rogers) и соавторы показали, что рассылка результатов голосования на местном уровне оказывает существенное влияние на результаты выборов [24]. Давление в рамках социальной группы, в том числе местного сообщества, может изменить электоральные предпочтения индивида [25]. А. Смит (A. Smith) показывает, что социальное взаимодействие и давление наиболее существенно влияют на политические предпочтения избирателей с низким доходом, хотя для избирателей с высоким доходом характерна более активная коммуникация на политические темы [26].

Механизмы восприятия окружения и выбора места тесно взаимосвязаны. Согласно теориям зарубежных исследователей, чувство исключенности, социальной закрытости, низкий уровень доходов могут стимулировать протестное голосование [27]. Районы, плохо обеспеченные инфраструктурой, рассматриваются как перспективные очаги протестного голосования, поскольку там сконцентрированы жители с более низкими доходами [28–31]. Согласно К. Тибо (C. Tiebout), жители «голосуют ногами»: те, кого не устраивает текущая ситуация, переезжают, те же, кто остается, не имеют такой возможности, соответственно имеют более низкие доходы и потенциально являются протестным электоратом [32]. Похожую ситуацию описывает теория «эффекта тоннеля», предложенная А. Хиршманом (A. Hirschman) и М. Ротшильдом (M. Rothschild). «Эффект тоннеля» предполагает существенное экономическое неравенство в сочетании с ощущением безнадежности у протестного электората [33]. А. Галлего (A. Gallego) подчеркивает, что возраст, уровень образования и принадлежность к определенному социальному классу — наиболее значимые факторы, влияющие на уровень политического участия в Европе [34]. Все они также существенны в аспекте формирования пространственного неравенства. Дизайн избирательных кампаний и особенности их ведения в разрезе регионов также зависят от социальных характеристик избирателей и результатов прошедших избирательных кампаний [35]. Так, партия «Яблоко» на муниципальных выборах 2019 г. использовала анализ результатов протестного голосования прошлых лет [36].

Большинство из описанных работ прямо или косвенно опираются на социально-экономические характеристики населения при объяснении локализации протестного голосования. Однако они не до конца раскрывают роль местного контекста в понимании результатов голосования. Данная статья демонстрирует, как контекст нового жилого комплекса и характер сформировавшегося в нем населения влияют на специфику избирательного процесса. Ключевым понятием осмысления локальности в данной статье является «право на город» — термин, предложенный А. Лефевром (H. Lefebvre) [37]. В основе теории Лефевра лежит понимание о естественном праве горожан на участие в городской жизни.

Прочтение этой теории в географическом, градостроительном и архитектурном дискурсе привело к трансформации градостроительных и урбанистических подходов. Реализацией «права на город» стали комфортные и инклюзивные общественные пространства, безбарьерная среда, «пешеходизация» и экологизация сре-

ды и концепция «города для людей». Распространение концепции равноправного и инклюзивного города для людей переключало из развитых в развивающиеся страны. Однако в процессе переноса утратила политическая составляющая права на город, и на первый план вышли физические характеристики городского пространства, описываемые в российском градостроительстве как благоустройство. Это же характерно и для проектов новых жилых комплексов. Урбанистический «карго-культ» — ставка на благоустройство общественных зон без содержательного осмысления социокультурной и политической сути общественных пространств — становится элементом маркетинговых стратегий многих застройщиков. Образ жилого комплекса как места для комфортной жизни «как в европейских городах» все чаще используется в проектах нового жилищного девелопмента не только бизнес- и комфорт-, но и эконом-класса.

Однако на практике даже физические характеристики города для людей зачастую реализуются частично и/или некачественно; общественные зоны новых ЖК обустроиваются в последнюю очередь и со множеством градостроительных ошибок. Разница между ожидаемым и получаемым качеством среды вызывает неудовлетворенность и может стимулировать жителей новых ЖК сформулировать запрос на повышение качества среды и защиту их права на город. Жителям новых ЖК, объединенным в соседские группы в социальных сетях и мессенджерах, привычно обсуждать проблемы, возникающие в процессе эксплуатации жилья и придомовой территории, выявлять и решать конфликты сообща. В дискурсе соседей зарождается практика обсуждений «права на город», а сама идея такого права проходит путь от воспроизводства физических элементов города для людей без политической составляющей к актуализации политической повестки на соседском уровне [38].

Запрос на европейское качество городской среды среди жителей новых жилых комплексов, преимущественно граждан со средним уровнем дохода, отчасти можно рассматривать с точки зрения теории праздного класса (theory of the leisure class) Т. Веблена (Th. Veblen) [39]. Люди с более низкими доходами копируют модели потребления «праздного класса» (leisure class) [40], в том числе повышенные требования к жилой городской среде, которая в данном контексте интерпретируется как разновидность экономического и символического блага.

Новый жилой комплекс как объект исследования

В качестве объекта исследования рассматривается жилой комплекс «Я — Романтик», расположенный на намывных территориях Васильевского острова Санкт-Петербурга. Данный выбор обусловлен особенностями комплекса. Во-первых, ЖК «Я — Романтик» достаточно велик. На данный момент в него входит 11 корпусов, от 6 до 18 этажей, сданных с 2016 по 2019 г. Всего в жилом комплексе 5715 квартир площадью от 17 до 77 м² [41]. Во-вторых, в морфотипе жилого комплекса сочетаются две важные характеристики. С одной стороны, это сравнительно недорогое, негабаритное жилье. В структуре объекта почти 75 % составляют однокомнатные квартиры средней площадью 31,4 м² (рис. 1). Все квартиры передавались дольщикам с чистовой отделкой и мебелью [41], что важно как для будущих арендодателей, так и для покупателей с невысоким доходом. С другой стороны, жилой комплекс включает обустроенное общественное пространство и оборудо-

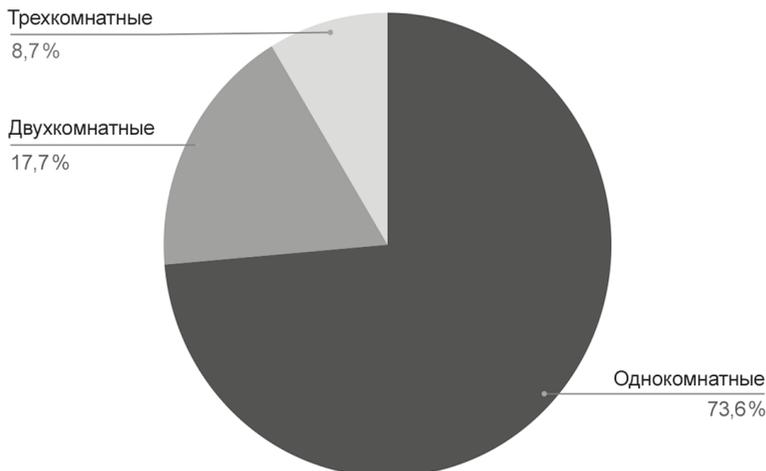

Рис. 1. Распределение площадей по различным типам квартир в ЖК «Я — Романтик». По данным разрешений на ввод в эксплуатацию [42]

ванные внутриворонные территории, которые на сайте проекта позиционировались как элементы «города для людей» [42]. Средняя стоимость квадратного метра на данный момент близка к среднегородской [41; 43], то есть покупатели квартир в ЖК «Я — Романтик» могли бы позволить себе недвижимость большей площади на окраине города, но предпочли близость к городскому центру и Финскому заливу.

ЖК «Я — Романтик» относится к числу проектов комплексного освоения территории (КОТ), что предполагает наряду с масштабным жилищным строительством обеспечение социальной, транспортной и инженерной инфраструктурой. В России проекты КОТ преобладают на перифериях крупных городов [44]. Так, на 2022 г. около 60 % всех новостроек на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области относятся к числу проектов КОТ [45]. Проекты КОТ находятся в непосредственной зависимости от скоординированного взаимодействия между застройщиками и городскими властями: четкое разграничение обязанностей и полномочий по обеспечению инфраструктурой является одной из ключевых проблем при их реализации.

ЖК «Я — Романтик» входит в состав МО «Морской», где преобладают дома советской застройки. Несмотря на ввод в эксплуатацию нового жилого комплекса, численность населения МО «Морской» снизилась между 2015 и 2019 гг. [46]. К сожалению, открытых данных о социально-экономических характеристиках населения жилого комплекса нет. Тем не менее полевые наблюдения авторов статьи осенью 2021 г. демонстрируют преобладание молодых пар, бездетных молодых людей и молодых семей с маленькими детьми в открытых общественных зонах жилого комплекса. Все этапы строительства ЖК «Я — Романтик» сопровождала масштабная рекламная кампания, нацеленная преимущественно на молодое население. Близость к центру города и Финскому заливу на этапе покупки нивелировала очевидные недостатки жилого комплекса: отсутствие транспортной и социальной инфраструктуры, близость скоростной автомагистрали и отсутствие зеленых зон. Тем не менее эти проблемы жители стали обсуждать уже на этапе

переезда в соседских сообществах в социальной сети «ВКонтакте». Обсуждение права на комфортную городскую среду — одна из наиболее актуальных тем соседского сообщества [47].

Анализ результатов выборов губернатора 2019 г.

На выборах губернатора Санкт-Петербурга 8 сентября 2019 г. голосование граждан, зарегистрированных в домах жилого комплекса «Я — Романтик», осуществлялось на избирательном участке № 183. К территории участка были отнесены адреса первой и второй очередей жилого комплекса, сданных и заселенных ко времени проведения выборов. Кроме указанных адресов, в состав территории участка № 183 других адресов не входило [48].

Всего на выборах губернатора Санкт-Петербурга 8 сентября 2019 г. в список избирателей на участке было включено 2017 граждан. Учитывая, что в территорию участка входило 9 многоквартирных домов новой постройки, можно констатировать слабую «официальную» заселенность ЖК. Для сравнения: в территорию участка № 145 (2166 избирателей) входит 5 домов, из которых 4 — дома в «старой» части Васильевского острова и один новый дом — ЖК «Капитан Немо».

В голосовании приняли участие (получили избирательные бюллетени) 539 избирателей, или 26,72 % от внесенных в списки. Этот показатель ниже, чем в среднем по Санкт-Петербургу (30,11 %) и по Василеостровскому району (31,79 %). Явка избирателей на соседних избирательных участках была выше на 0,3–7,8 % (рис. 2) [48].

Число бюллетеней, признанных недействительными на участке № 183, составило 14, или 2,6 % от общего числа бюллетеней установленного образца, обнаруженных в ящике для голосования. Данный показатель не является аномальным. Результаты голосования на участке за «провластного» кандидата А. Д. Беглова составили 176 голосов, или 32,65 % от числа принявших участие в голосовании. Этот показатель значительно ниже, чем в среднем в Санкт-Петербурге (64,35 %) и в Василеостровском районе (56,09 %), а также ниже, чем на соседних участках (рис. 3).

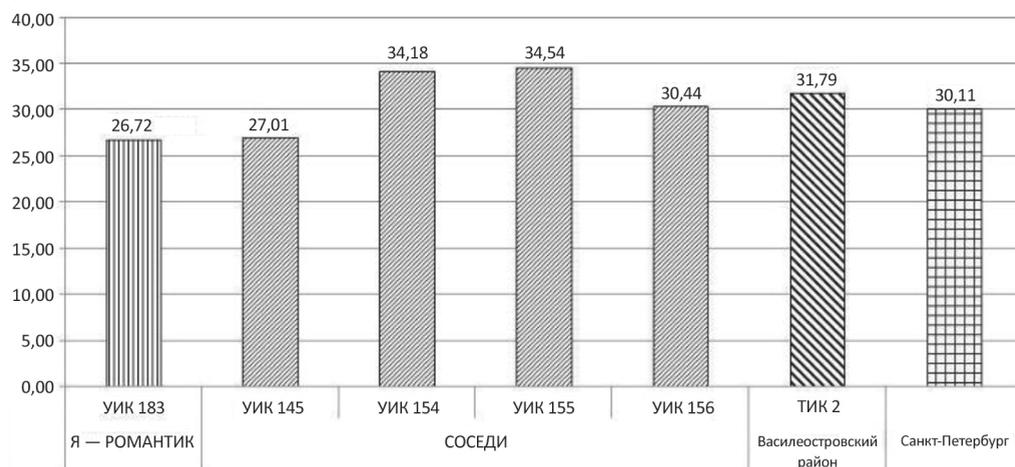

Рис. 2. Показатель явки избирателей [48]

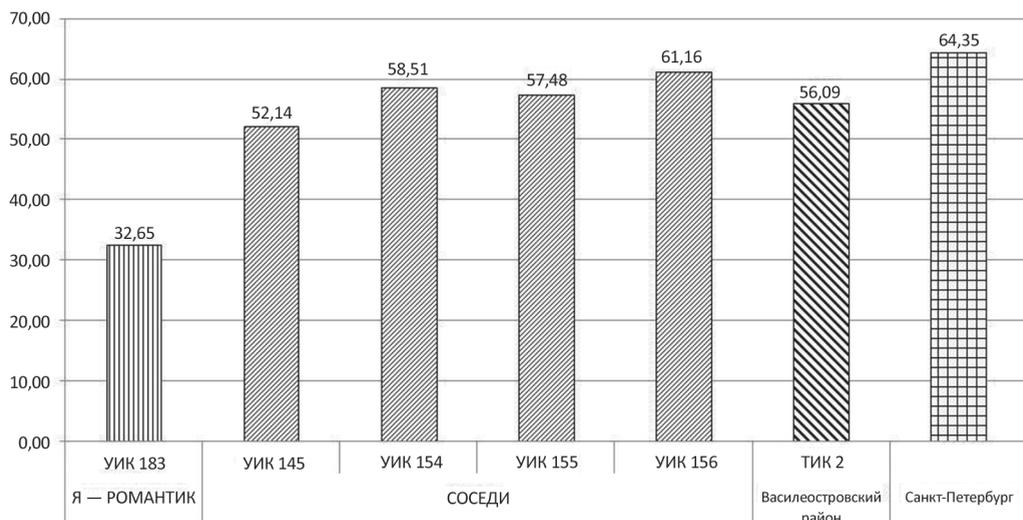

Рис. 3. Результаты голосования за А. Д. Беглова [48]

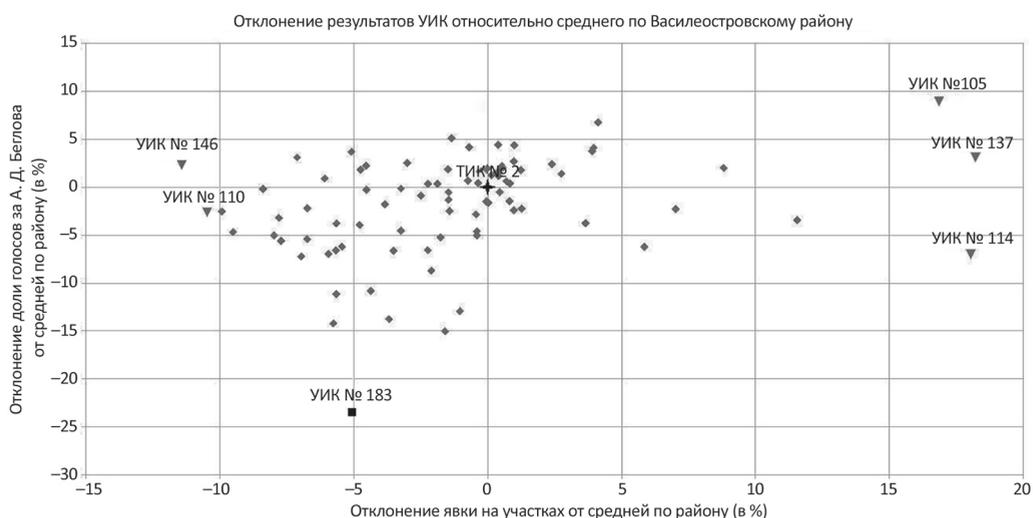

Рис. 4. Отклонение результатов по участкам от среднего по району [48]

Соседние избирательные участки демонстрируют заметно более высокий процент голосов за А. Д. Беглова. Среди них наименьшей поддержкой «провластного» кандидата характеризуется участок № 145, в территорию которого входит дом на намывных территориях Васильевского острова.

Мы сравнили голосование жителей ЖК «Я — Романтик» (УИК № 183) с голосованием на других участках Василеостровского района (ТИК № 2), исключив из анализа участки в местах временного пребывания граждан и за пределами Санкт-Петербурга. Среди 80 «стационарных» избирательных участков Василеостровского района участок № 183 выделяется максимальным отрицательным

отклонением в голосовании за А. Д. Беглова. В то же время по уровню явки данный участок занимает среднее положение среди совокупности участков, демонстрирующих уровень явки ниже средней по району (рис. 4).

Анализ результатов выборов депутатов муниципального совета МО «Морской» 2019 г.

Выборы депутатов муниципального совета внутригородского муниципального образования Санкт-Петербурга муниципальный округ «Морской» проводились одновременно с выборами губернатора Санкт-Петербурга 8 сентября 2019 г. Голосование проходило на тех же избирательных участках, что и выборы губернатора.

В МО «Морской» было сформировано два многомандатных избирательных округа — № 19 и 20. Территория ЖК «Я — Романтик» входит в пятимандатный избирательный округ № 20. Явка избирателей составила в округе 30,33 %, по участку № 183 — 26,69 % [48]. Распределение явки и голосов избирателей в МО «Морской» представлено на рис. 5.

Необходимо отметить, что данные по участкам избирательного округа № 19 представлены относительно среднего по соответствующему избирательному округу. Прямое сравнение участков в избирательных округах № 19 и 20 некорректно из-за различных списков кандидатов.

На муниципальных выборах избиратели ЖК «Я — Романтик» продемонстрировали минимальную активность из всех участков округа при самой низкой лояльности партии власти. Явно выраженной зависимости уровня явки и поддержки кандидатов от партии «Единая Россия» в округе не наблюдается. Это принципиально отличает результаты муниципальных выборов от результатов выборов губернатора.

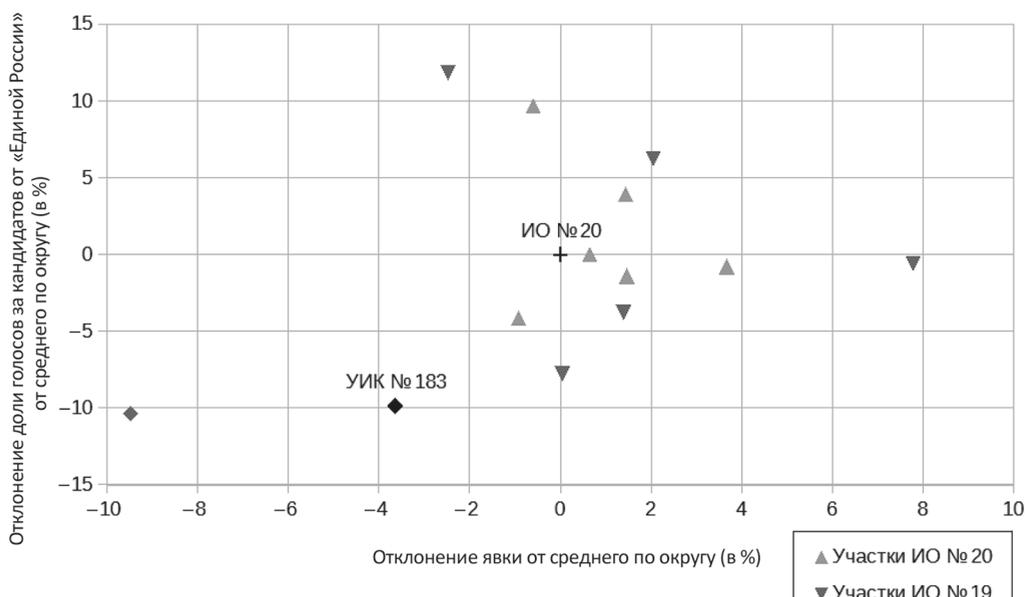

Рис. 5. Отклонение явки и доли голосов за кандидатов от партии «Единая Россия» от среднего по округу [48]

Обобщенный анализ результатов голосования

Необходимо обратить внимание на несоответствие между масштабами жилого комплекса и численностью зарегистрированных избирателей. По данным Федеральной службы государственной статистики, на конец 2020 г. в среднем на одного петербуржца приходится 27 м² жилой площади [49]. Можно предположить, что, разделив суммарную площадь жилых помещений в комплексе на среднегородской показатель, получим приблизительную оценку численности его населения — около 7500 человек. Однако на избирательном участке, охватывающем жилой комплекс, на выборах 2019 г. было зарегистрировано лишь 2017 избирателей. Таким образом, можно с уверенностью говорить о высокой доле непрописанных жильцов и/или сдаваемого в аренду жилья. Развитость теневого рынка аренды и система регистрации избирателей по месту прописки осложняют электоральные исследования на микроуровне, в особенности в новых ЖК. Кроме того, ввод сервиса «Мобильный избиратель» не позволяет отследить общее количество открепительных удостоверений для каждого участка [48].

В случае выборов 2019 г. возможно высчитать число прикрепившихся к участку избирателей по разнице между проголосовавшими на губернаторских и муниципальных выборах. В 2019 г. разница в количестве избирателей в списках на выборах губернатора и муниципальных депутатов составила 1 человека — 2017 против 2016. Таким образом, голосовали на выборах собственники жилья, а не арендаторы. Электоральная активность была проявлена людьми, которые вложились в недвижимость в жилом комплексе и продолжали проживать там несмотря на очевидный недостаток инфраструктуры. В связи с низким числом рабочих мест на намывных территориях и в непосредственной близости от них можно предположить, что логистические преимущества не определяли выбор недвижимости для большинства проголосовавших. Избиратели ЖК «Я — Романтик», как было указано выше, объединены экономическими возможностями и стилевыми предпочтениями — престиж Васильевского острова, относительная близость к центру города, комфортная городская среда, задекларированными и в маркетинговой кампании застройщика. Ранее мы провели анализ дискурса соседского сообщества, сформированного в социальной сети «ВКонтакте» [50]. Жители комплекса имеют сильную локальную идентичность, например называют друг друга «романтиками», обсуждают нормы совместного проживания и регулирование девиантного поведения, а также свои ожидания относительно жилой среды. Недостаток инфраструктуры приводит к формированию практик кооперации и взаимной поддержки, как, например, обмен услугами среди соседей, самоорганизация для решения проблем (ямочный ремонт дороги), сбор подписей для привлечения внимания к проблемам комплекса, коммуникация с управляющей компанией и органами власти, обмен новостями и информацией о комплексе, муниципальном округе и районе [46; 50].

На фоне данных особенностей мы интерпретируем результаты электорального поведения жителей комплекса следующим образом. Жители «Я — Романтика» демонстрируют ярко выраженное протестное голосование на губернаторских выборах, более отчетливое, чем на муниципальных. До 2018 г. «провластный» кандидат на губернаторских выборах А. Д. Беглов не был известен широким слоям избирателей Санкт-Петербурга и не был связан с инфраструктурными проблемами

намывных территорий. Тем не менее протестное голосование жителей комплекса может говорить о том, что они воспринимают «провластного» кандидата как «наследующего ответственность» за действия предшествовавших городских властей.

Еще более примечательно протестное голосование жителей ЖК «Я — Романтик» на губернаторских выборах, с учетом показателя явки, близкого к среднему по району. На территории России протестное голосование чаще всего связано с пониженной явкой [51; 52], что мы и наблюдаем на муниципальных выборах в ЖК «Я — Романтик». Однако в случае губернаторских выборов потери по явке несопоставимы с потерями в лояльности «провластному» кандидату. Исходя из описанного ранее, можно предположить концентрацию в ЖК молодого активного населения, вовлеченного в политическую жизнь, как минимум в масштабе намывных территорий, о чем также свидетельствуют ремонт дорог и создание системы раздельного сбора мусора инициативными группами жителей [46]. С точки зрения электорального поведения протест этой группы избирателей направлен персонально на А. Д. Беглова.

Можно предположить, что интенсивность протестного голосования связана с недостатком инфраструктуры, за которую отвечают городские власти. При этом многие территории Санкт-Петербурга, хуже обеспеченные инфраструктурой и характеризующиеся более низкой стоимостью недвижимости, на губернаторских выборах демонстрировали большую приверженность «провластному» кандидату. Например, результаты голосования в МО «Шушары» и МО «Парнас» близки к среднегородским и не отличаются от среднего по району [48]. Кроме того, исходя из показателя рождаемости, в обоих МО превышающего среднегородской примерно в 1,5 раза в 2019 г., можно предположить, что там сконцентрировано молодое население [47].

Также мы не можем рассматривать низкий уровень дохода в качестве фактора, определяющего протестное голосование. В голосовании в ЖК «Я — Романтик» принимают участие прописанные собственники, то есть люди, обладающие достаточным уровнем дохода для покупки квартиры. Несмотря на очевидные недостатки комплекса, жители не переезжают, хотя имеют такую возможность. Отсутствие инфраструктуры сочетается с близостью к центру города, что повышает стоимость покупки и аренды в ЖК «Я — Романтик». На июнь 2021 г. средняя цена покупки квартиры по Санкт-Петербургу составляла 175 320 рублей за 1 м², по Василеостровскому району 191 297 рублей за 1 м² [53]. По данным сервиса «Яндекс. Недвижимость», средняя стоимость квадратного метра в ЖК «Я — Романтик» составляла 178 459 рублей за 1 м² на 26 декабря 2021 г. [43]; это означает, что стоимость покупки была примерно равна средней по городу, без учета изменений рынка за полгода. Стоимость аренды однокомнатной квартиры в ЖК, согласно тому же сервису, составила в среднем 28 652 рубля в месяц [43] при среднем показателе по городу в 23 900 рублей в месяц на апрель 2021 г. [54]. Таким образом, и цена покупки, и цена аренды близки к среднегородским показателям.

Кроме того, наряду с недовольством инфраструктурными проблемами в ЖК «Я — Романтик» присутствует сформированная в советский период практика лояльности к запаздыванию обеспечения инфраструктурой. Практики самостоятельного решения инфраструктурных проблем местным сообществом являются примером такой лояльности [46; 50]. В истории Ленинграда можно выделить три ключевых периода нормализации острого недостатка инфраструктуры — миграция из деревень в крупные города в период индустриализации 1930-х гг., восстановление города по-

сле Великой Отечественной войны и расселение коммунальных квартир в 1960-е гг. (строительство «хрущевок»). Поколения горожан привыкли к недостатку инфраструктуры в массовом жилье. Подобная практика не уникальна и характерна для большинства советских городов. Массовое постсоветское строительство воспроизводит эту практику, добавляя к ней коммерческий интерес в отстающей инфраструктуре и опираясь на лояльность покупателей к проблеме. В Санкт-Петербурге массовое строительство дополнительно стимулируется активной внутренней миграцией после распада СССР и отменой ограничений, связанных с пропиской [55].

Таким образом, объяснение локализации протестного голосования в ЖК «Я — Романтик» особенностями восприятия жителями жилой среды представляется наиболее релевантным. Запрос на повышенное качество городской среды сочетается с ее ярко выраженными инфраструктурными проблемами и существенным разрывом между ожидаемым и реальным качеством среды, которые активно обсуждаются жителями в социальных сетях [46; 50]. Экстраполируя, можно предположить, что запрос на повышенное качество среды в соответствии с теорией Т. Веблена будет распространяться дальше к горожанам с более низкими доходами. В перспективе такое же несоответствие ожиданий и реальности и сопутствующее протестное голосование может возникнуть в периферийных районах массовой застройки на границе Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Например, ЖК «iD Murino» и «iD Кудрово» предлагают своим покупателям уникальный общественный центр в каждом доме, услуги «психолога жилой среды», интеграцию в квартиры системы «умный дом», комфортное дворовое пространство для всех возрастов [56; 57]. Первый дом ЖК «iD Кудрово» уже сдан, но не подключен к пешеходной инфраструктуре города. Все пешеходные переходы, ведущие к дому, небезопасны, в непосредственной близости от дома продолжается строительство и полностью отсутствует тротуар [58]. ЖК «Мой мир» в Мурино предлагает покупателям «эксклюзивный ландшафтный дизайн», безбарьерную среду и полностью закрытую территорию [59]. Застройщики жилых комплексов «Авиатор», «Урбанист» и «Цвета Радуги» объединились для создания многофункционального общественного пространства [60]. При этом в районе Мурино — Девяткино с численностью населения более 80 тыс. человек наблюдается острый недостаток транспортной, пешеходной и социальной инфраструктуры [61–63].

Ситуация усугубляется высоким темпом внутренней миграции и развитием сервисов дистанционной покупки жилья в период пандемии коронавируса [64]. Во многих случаях новоселы впервые посещают свой дом уже во время получения ключей от квартиры. При этом ответственность за несоответствие реальности ожиданиям ложится на городские власти. На фоне падения доходов, роста цен на недвижимость и усиления экономического неравенства в период пандемии проекты комфорт-класса «распространяются» с намывных территорий в пригороды массовой застройки Санкт-Петербурга, такие как Мурино и Кудрово, что в перспективе грозит ростом протестного потенциала этих районов. Кроме того, из-за недостатка земель под застройку в историческом центре происходит выход на периферию элитного жилья [65], где разрыв между качеством внутренней среды комфортного комплекса и качеством окружающей городской среды еще более драматичен. Так, группа RBI, специализирующаяся на жилье бизнес- и элит-класса, анонсировала строительство жилого комплекса в районе станции метро

«Проспект Просвещения», где преобладает массовая жилая застройка 1970-х гг. [66; 67]. Подобные проекты также могут усилить протестный потенциал окраинных районов Санкт-Петербурга.

Заключение

Особенности постсоветского города способствуют локализации протестного поведения горожан. На примере ЖК «Я — Романтик» мы наблюдаем, как в новом жилом комплексе концентрируется население со схожими экономическими возможностями и ценностными предпочтениями, в том числе артикулированным «правом на город», и формируется очаг протестного голосования. Электоральное поведение жителей ЖК «Я — Романтик» существенно отличается от электоральных предпочтений жителей соседних домов уровнем протестности. При этом сформированная в советское время привычка горожан к недостатку инфраструктуры в новостройках замедляет фактическое «голосование ногами», поэтому жители выражают свое недовольство в голосовании за кандидатов, которые не представляют провластную партию. Таким образом, можно рассматривать разнообразие электорального поведения как отражение процесса формирования мест проживания людей с определенным стилем жизни и процесса сегрегации в постсоветском городе.

Степень протестного голосования меняется в зависимости от уровня избирательной кампании; так, наибольший протестный потенциал в ЖК «Я — Романтик» был реализован на губернаторских выборах. Можно говорить о различном уровне ответственности разных групп власти в глазах избирателей и персонализации ответственности этой ответственности.

Трансформация электорального ландшафта Санкт-Петербурга была проинтерпретирована с точки зрения восприятия жилой городской среды в новых жилых комплексах. Восприятие среды в новых ЖК Санкт-Петербурга опирается на два взаимосвязанных процесса. Во-первых, это активная эксплуатация концепции города для людей в проектах жилых комплексов, постепенно приходящая во все более бюджетные сегменты строительства. Во-вторых, это постепенное вытеснение проектов комфорт- и бизнес-класса на окраины в связи с недостатком территорий под новое жилищное строительство. В результате потребители чувствуют разрыв как между ожидаемым и реальным образом своего жилья, так и между внутренней территорией жилого комплекса и окружающей городской средой. Восприятие этих разрывов и несоответствий приводит к осознанию права на город и попыткам его реализации на локальном уровне, которые проявляются в практиках солидаризации и взаимопомощи жителей в управлении качеством жилой городской среды. Однако отечественная политическая система пока что не учитывает подобный повышенный запрос.

Литература

1. Ланто Г. Города России. Взгляд географа. М.: Новый Хронограф, 2012.
2. Чешкова А. Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации // Российское городское пространство: попытка осмысления. М., 2000. С. 13–38.
3. Peach C. Good segregation, bad segregation // Planning perspectives. 1996. No. 4 (11). P. 379–398.
4. Louf R., Barthelemy M. Patterns of residential segregation // PLoS ONE. 2016. No. 6 (11). P. e0157476.

5. Аксенов К. Э. Социальная сегрегация пространств личной деятельности в посттрансформационном метрополисе (на примере Санкт-Петербурга) // Известия Русского географического общества. 2009. № 1 (141). С. 9–21.
6. Трущенко О. Е. Престиж центра. Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995.
7. Вендина О. И. Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: Центр миграционных исследований, 2005.
8. Сергеева Д. П. Правовое регулирование рынка аренды недвижимости // Московский экономический журнал. 2019. № 7. С. 524–532.
9. Пузанов А. Жилищная политика в России — мифы, заблуждения и реальность // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2006. № 10. С. 68–74.
10. Корнеева Е. М. Локальный уровень голосования в России: пространственно-эконометрический подход // Политическая наука. 2021. № 3. С. 229–250.
11. Gunko M., Bogacheva P., Medvedev A., Kashnitsky I. Path-dependent development of mass housing in Moscow, Russia // Baldwin Hess D., Tammaru T., Ham M. van (eds). Housing estates in Europe. Cham: Springer Nature, 2018. P. 289–311.
12. Zavisca J. R. Housing the new Russia. Cornell: Cornell University Press, 2012.
13. Kurichev N. K., Kuricheva E. K. Relationship of housing construction in the Moscow urban agglomeration and migration to the metropolitan area // Regional Research of Russia. 2018. No. 1 (8). P. 1–15.
14. Forest B. Electoral geography: From mapping votes to representing power // Geography Compass. 2018. No. 1 (12). P. e12352.
15. Вайсберг А. Протестное голосование в российских регионах — случайность или новая политическая реальность? // Публичная политика. 2019. № 1 (S2). С. 37–46.
16. Campbell A., Converse P., Miller W., Stokes D. The American Voter. Chicago; London: University of Chicago Press, 1960.
17. Franklin M., Gibson R., Cantijoch M., Wlezin C. The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion. New York: Routledge, 2018.
18. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice. How the Voter Makes up His Mind in a Presidential Campaign. New York, Chichester, West Sussex: Columbia University Press, 1968.
19. Weaver R. Contextual influences on political behavior in cities: Toward urban electoral geography // Geography Compass. 2014. No. 12 (8). P. 874–891.
20. Leighley J. E. Social interaction and contextual influences on political participation // American Politics Quarterly. 1990. No. 4 (18). P. 459–475.
21. McClurg S. D. Social networks and political participation: The role of social interaction in explaining political participation // Political research quarterly. 2003. No. 4 (56). P. 449–464.
22. Partheymüller J., Schmitt-Beck R. A “social logic” of demobilization: The influence of political discussants on electoral participation at the 2009 German federal election // Journal of Elections, Public Opinion & Parties. 2012. No. 4 (22). P. 457–478.
23. Cutler F. Context and attitude formation: Social interaction, default information, or local interests? // Political Geography. 2007. No. 5 (26). P. 575–600.
24. Rogers T., Green D. P., Ternovski J., Young C. F. Social pressure and voting: A field experiment conducted in a high-salience election // Electoral Studies. 2017. No. 46. P. 87–100.
25. Blais A., Galais C., Coulombe M. The effect of social pressure from family and friends on turnout // Journal of social and personal relationships. 2019. No. 9 (36). P. 2824–2841.
26. Smith A. E. Talking it out: Political conversation and knowledge gaps in unequal urban contexts // British Journal of Political Science. 2018. No. 2 (48). P. 407–425.
27. Tubadji A., Colwill T., Webber D. Voting with your feet or voting for Brexit: The tale of those stuck behind // Regional Science Policy & Practice. 2021. No. 2 (13). P. 247–277.
28. Ihara R., Machikita T. Voting for highway construction in economic geography // The Annals of Regional Science. 2007. No. 4 (41). P. 951–966.
29. Kim S., Jung C. The influence of urban planning-related pledge budget on local election votes: A city case in Korea // Land. 2020. No. 12 (9). P. 493–506.
30. Lei Z., Zhou J. Private returns to public investment: Political career incentives and infrastructure investment in China // The Journal of Politics. 2022. No. 1 (84). P. 455–469.
31. Cho J., Lee J., Song B. Mind the electoral gap: the effect of investment in public infrastructure on authoritarian support in South Korea // Studies in Comparative International Development. 2019. No. 4 (54). P. 473–500.

32. *Tiebout C.* A pure theory of local expenditures // *Journal of political economy.* 1956. No. 5 (64). P. 416–424.
33. *Hirschman A., Rothschild M.* The changing tolerance for income inequality in the course of economic development: With a mathematical appendix // *The Quarterly Journal of Economics.* 1973. No. 4 (87). P. 544–566.
34. *Gallego A.* Unequal political participation in Europe // *International Journal of Sociology.* 2007. No. 4 (37). P. 10–25.
35. *Качуровский Д. И.* Особенности оценки эффективности избирательных кампаний на местном уровне // *АНИ: экономика и управление.* 2017. № 3 (20). С. 396–399.
36. Встречная мобилизация. Московские протесты и региональные выборы — 2019. Аналитический доклад / под ред. К. Рогова. М.: Либеральная миссия, 2019. (Серия «Либеральная миссия — Экспертиза»; № 7).
37. *Lefebvre H.* *Le droit à la ville.* Paris: An, 1968.
38. *Marcuse P.* Reading the Right to the City // *City.* 2014. No. 1 (18). P. 4–9.
39. *Веблен Т.* Теория праздного класса / пер. С. Сорокина. М.: Прогресс, 1984.
40. *Bagwell L., Bernheim B.* Veblen effects in a theory of conspicuous consumption // *The American economic review.* 1996. No. 3 (86). P. 349–373.
41. ЖК «Светлый мир “Я — Романтик”» // SPBHomes. 2021. 20.12. URL: https://spbhomes.ru/svetliy_mir_ja_romantik/ (дата обращения: 25.03.2022).
42. ЖК «Я — Романтик». URL: <https://ya-romantik.ru/> (дата обращения: 23.03.2022).
43. Яндекс.Недвижимость. URL: <https://realty.yandex.ru/sankt-peterburg/> (дата обращения: 26.12.2022).
44. *Прохорова Е. А.* Комплексное освоение территорий в условиях современного города // *Integral: Международный журнал прикладных наук и технологий.* 2019. № 3. С. 22–28.
45. *Сидорова А. А.* Комплексное освоение территорий в г. Санкт-Петербург // *Международный форум молодых исследователей: сборник статей III Международной научно-практической конференции.* Петрозаводск, 2022. С. 390–396.
46. База данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения: 30.06.2022).
47. Группа жителей ЖК «Я — Романтик» в социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/yaromantic> (дата обращения: 20.12.2022).
48. ЦИК РФ. URL: <http://www.cikrf.ru/> (дата обращения: 23.03.2022).
49. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 23.03.2022).
50. *Ненько А. Е., Недосека Е. В.* Ценности городской среды в дискурсе соседских онлайн-сообществ // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2022. № 1 (25). С. 217–251.
51. *Чернев А., Попов П.* Протестное электоральное поведение в Иркутске и Иркутской области // *Вестник Поволжского института управления.* 2018. № 2 (18). С. 125–132.
52. *Шатилов А. Б.* Электорально-политическая активность в российских регионах в период 2013–2017 годов: стабильность и/или инновационное развитие // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2017. № 30 (6). С. 81–87.
53. Что происходит с ценами на жилье в 2021 году: рейтинг районов Петербурга по стоимости // SPBHomes. 2021. 30.06. URL: <https://spbhomes.ru/science/stoimost-kvadratnogo-metra-zhilya-2021/> (дата обращения: 25.03.2022).
54. *Воробьева Ю.* В Петербурге резко подешевела аренда жилья // РБК. 2021. 14.04. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/14/04/2021/607690299a7947471d3d0325 (дата обращения: 24.12.2022).
55. Международный жилищный конгресс: Доля региональных сделок на первичке Петербурга приблизилась к 30 % // *Бюллетень недвижимости.* 2021. 11.11. URL: <https://www.bn.ru/gazeta/news/266856/> (дата обращения: 21.03.2022).
56. iD Kudrovo: официальный веб-сайт. URL: <https://id-kudrovo.ru/> (дата обращения: 21.03.2022).
57. iD Murino: официальный веб-сайт. URL: <https://idmurino.ru/> (дата обращения: 21.03.2022).
58. *Кудинов Д.* Об отсутствии пешеходной инфраструктуры — Кудрово, Строителей, 3 // Депутат Кудинов в социальной сети VKontakte. 2021. 22.11. URL: https://vk.com/doc-184828670_619820387?hash=b3e9a5419fee77bf14&dl=905a688313de3b474e (дата обращения: 21.03.2022).
59. ЖК «Мой мир»: официальный веб-сайт группы компаний «Полис». URL: https://polis-group.ru/project/zhk-moy-mir?utm_source=cian&utm_medium=referral&utm_campaign=kartochka_zhk (дата обращения: 21.03.2022).
60. ИСГ «Мавис». URL: <https://mavis.ru/accomplishment/> (дата обращения: 23.03.2022).

61. Агафонова М. В Мурине открыли транспортное кольцо, чтобы разгрузить дороги — а пробки только выросли // СПб Собака Ru. 2021. 08.10. URL: <https://www.sobaka.ru/city/urbanistics/136997> (дата обращения: 19.03.2022).

62. Муринцы вынуждены проходить полосу препятствий на пути в Петербург // Piter.tv. 2021. 15.11. URL: https://piter.tv/event/Murinci_vinuzhdeni_prohodit_polosu_prepyatstvij_na_puti_v_Peterburg/ (дата обращения: 21.03.2022).

63. Нестеров Н. Город-ошибка: когда в Мурино появится что-то, кроме новостроек // Комсомольская правда. 2021. 20.10. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/28346/4492489/> (дата обращения: 21.03.2022).

64. Как купить квартиру в Питере иногороднему? Лично и онлайн // SPbHomes. 2019. 28.08. URL: <https://spbhomes.ru/science/kak-kupit-kvartiru-v-pitere-inogorodnemu/> (дата обращения: 21.03.2022).

65. Жилье премиум-класса приходит на периферию Петербурга // Бюллетень недвижимости. 2021. 11.12. URL: <https://www.bn.ru/gazeta/news/267249/> (дата обращения: 21.03.2022).

66. RBI построит жилой комплекс на ул. Шостаковича // RBI: Официальный веб-сайт компании. 2021. 27.04. URL: https://www.rbi.ru/about/news/2021/rbi_shostakovicha_27042021/ (дата обращения: 25.03.2022).

67. Как зародился проспект Просвещения // Новости Выборгского района Санкт-Петербурга. 2018. 16.07. URL: <http://www.vybnews.ru/news/2018-07-16/kak-zarozhdalsya-prospekt-prosveshcheniya/> (дата обращения: 21.03.2022).

Статья поступила в редакцию 10 мая 2022 г.;
рекомендована к печати 31 октября 2022 г.

Контактная информация:

Подкорытова Мария Ивановна — mpodkorytova@itmo.ru

Раскин Илья Владимирович — ilja.raskin@gmail.com

Ненько Александра Евгеньевна — канд. социол. наук; al.nenko@itmo.ru

The idea of a city for people as a factor in the localization of protest voting in new residential complexes*

M. I. Podkorytova¹, I. V. Raskin², A. E. Nenko¹

¹ Institute of Design and Urban Studies, ITMO University,
14, Birzhevaya liniya, St Petersburg, 199034, Russian Federation

² International Institute for Monitoring Democracy Development, Parliamentarianism and Suffrage Protection of Citizens of IPA CIS Member Nations,
47, ul. Shpalernaya, St Petersburg, 191015, Russian Federation

For citation: Podkorytova M. I., Raskin I. V., Nenko A. E. The idea of a city for people as a factor in the localization of protest voting in new residential complexes. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2022, vol. 15, issue 4, pp. 302–321. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.401> (In Russian)

The gradual formation of income segregation in the post-Soviet city leads to the localization of protest voting. New residential complexes are significant spatial elements of this process. The new housing attracts citizens with similar income levels and perception of the quality of the living environment, empowering urban segregation. Moreover, the gap between expected and experienced urban life is usually observed in the new housing, supported by frequent prac-

* The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research and Expert Institute for Social Research (EISR) within the framework of scientific project no. 21-011-31874 (in terms of studying the relationship between electoral behavior and communication in social networks), as well as by the Russian Science Foundation within the framework of scientific project no. 21-77-10098 (in terms of studying formation of intra-city segregation).

tices of deceptive marketing and concluding real estate transactions long before the construction is over. Following that, the discrepancy between the character of the urban environment inside and outside the residential complex forces the localization of protest voting within the new housing. The key concept in explaining that kind of a protest vote localization is “city for people”. The external attributes of the city for people, including safety, accessibility, sustainability, are promoted by developers as part of marketing campaigns and shape a latent demand from the buyers. However, the systematic lack of these claimed elements in new residential complexes leads residents to political protest and focus on the political component of the city for people. Citizens adopt a critical attitude towards the infringement of the rights of residents by developers and urban administration and a request for equal participation in city management. The paper critically observes the case of protest voting in the residential complex «Ya — Romantik» in St Petersburg. The significant lack of infrastructure empowers citizens there to manifest political claims and exercise solidarity. Also the prospective locations of the protest voting are discussed.

Keywords: electoral behavior, urban segregation, protest voting, geography of discontent, right to the city, city for people.

References

1. Lappo G. *Russian cities. Geographer's view*. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2012. (In Russian)
2. Cheshkova A. Methodological approaches to urban spatial segregation research. *Rossiiskoe gorodskoe prostranstvo: popytka osmysleniia*. Moscow, 2000, pp. 13–38. (In Russian)
3. Peach C. Good segregation, bad segregation. *Planning perspectives*, 1996, no. 4 (11), pp. 379–398.
4. Louf R., Barthelemy M. Patterns of Residential Segregation. *PLoS ONE*, 2016, no. 6 (11), p. e0157476.
5. Aksenov K. E. Social segregation of personal activity spaces in post-transformational metropolis (case study of St Petersburg). *Izvestiia Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*, 2009, no. 1 (141), pp. 9–21. (In Russian)
6. Truschenko O. E. *The prestige of the center. Urban social segregation in Moscow*. Moscow, Sociologos Publ., 1995. (In Russian)
7. Vendina O. I. *Migrants in Moscow: Is Ethnic Segregation Threatening the Russian Capital?* Moscow, Progress Publ., 2005. (In Russian)
8. Sergeeva D. P. Legal regulation of real estate rent market. *Moskovskiy ekonomicheskii zhurnal*, 2019, no. 7, pp. 524–532. (In Russian)
9. Puzanov A. Housing policy of Russia myths, delusions, and reality. *Imushchestvennye otnosheniia v Rossiiskoi Federatsii*, 2006, no. 10, pp. 68–74. (In Russian)
10. Korneeva E. M. Local level of voting in Russia: a spatial econometric approach. *Politicheskaiia nauka*, no. 3, pp. 229–250. (In Russian)
11. Gunko M., Bogacheva P., Medvedev A., Kashnitsky I. Path-dependent development of mass housing in Moscow, Russia. Baldwin H. D., Tammaru T., Ham M. van (eds). *Housing estates in Europe*. Cham, Springer Nature, 2018, pp. 289–311.
12. Zavisca J. R. *Housing the new Russia*. Cornell, Cornell University Press, 2012.
13. Kurichev N. K., Kuricheva E. K. Relationship of housing construction in the Moscow urban agglomeration and migration to the metropolitan area. *Regional Research of Russia*, 2018, no. 1 (8), pp. 1–15.
14. Forest B. Electoral geography: From mapping votes to representing power. *Geography Compass*, 2018, no. 1 (12), p. e12352.
15. Vaisberg A. Protest voting in Russian regions — accident or new political reality? *Publichnaia politika*, 2019, no. 1 (S2), pp. 37–46. (In Russian)
16. Campbell A., Converse P., Miller W., Stokes D. *The American Voter*. Chicago, London, University of Chicago Press, 1960.
17. Franklin M., Gibson R., Cantijoch M., Wlezin C. *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion*. New York, Routledge, 2018.
18. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. *The People's Choice. How the Voter Makes up His Mind in a Presidential Campaign*. New York, Chichester, West Sussex, Columbia University Press, 1968.
19. Weaver R. Contextual influences on political behavior in cities: Toward urban electoral geography. *Geography Compass*, 2014, no. 12 (8), pp. 874–891.

20. Leighley J.E. Social interaction and contextual influences on political participation. *American Politics Quarterly*, 1990, no. 4 (18), pp. 459–475.
21. McClurg S. D. Social networks and political participation: The role of social interaction in explaining political participation. *Political research quarterly*, 2003, no. 4 (56), pp. 449–464.
22. Partheymüller J., Schmitt-Beck R. A “social logic” of demobilization: The influence of political discussants on electoral participation at the 2009 German federal election. *Journal of Elections, Public Opinion & Parties*, 2012, no. 4 (22), pp. 457–478.
23. Cutler F. Context and attitude formation: Social interaction, default information, or local interests? *Political Geography*, 2007, no. 5 (26), pp. 575–600.
24. Rogers T., Green D. P., Ternovski J., Young C. F. Social pressure and voting: A field experiment conducted in a high-salience election. *Electoral Studies*, 2017, no. 46, pp. 87–100.
25. Blais A., Galais C., Coulombe M. The effect of social pressure from family and friends on turnout. *Journal of social and personal relationships*, 2019, no. 9 (36), pp. 2824–2841.
26. Smith A. E. Talking it out: Political conversation and knowledge gaps in unequal urban contexts. *British Journal of Political Science*, 2018, no. 2 (48), pp. 407–425.
27. Tubadji A., Colwill T., Webber D. Voting with your feet or voting for Brexit: The tale of those stuck behind. *Regional Science Policy & Practice*, 2021, no. 2 (13), pp. 247–277.
28. Ihara R., Machikita T. Voting for highway construction in economic geography. *The Annals of Regional Science*, 2007, no. 4 (41), pp. 951–966.
29. Kim S., Jung C. The Influence of Urban Planning-Related Pledge Budget on Local Election Votes: A City Case in Korea. *Land*, 2020, no. 12 (9), pp. 493–506.
30. Lei Z., Zhou J. Private returns to public investment: Political career incentives and infrastructure investment in China. *The Journal of Politics*, 2022, no. 1 (84), pp. 455–469.
31. Cho J., Lee J., Song B. Mind the electoral gap: the effect of investment in public infrastructure on authoritarian support in South Korea. *Studies in Comparative International Development*, 2019, no. 4 (54), pp. 473–500.
32. Tiebout C. A pure theory of local expenditures. *Journal of political economy*, 1956, no. 5 (64), pp. 416–424.
33. Hirschman A., Rothschild M. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development: With a mathematical appendix. *The Quarterly Journal of Economics*, 1973, no. 4 (87), pp. 544–566.
34. Gallego A. Unequal political participation in Europe. *International Journal of Sociology*, 2007, no. 4 (37), pp. 10–25.
35. Kachurovskiy D. I. Specificities of evaluation of electoral campaigns in a local level. *ANI: ekonomika i upravlenie*, 2017, no. 3 (20), pp. 396–399. (In Russian)
36. Counter mobilization. Protests in Moscow and regional elections — 2019. Analytical report / ed. by K. Rogov. Moscow, Fond “Liberalnaia missiia” Publ., 2019. (In Russian)
37. Lefebvre H. *Le droit à la ville*. Paris, An, 1968.
38. Marcuse P. Reading the right to the city. *City*, 2014, no. 1 (18), pp. 4–9.
39. Veblen T. *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. New York, Macmillan, 1899.
40. Bagwell L., Bernheim B. Veblen effects in a theory of conspicuous consumption. *The American Economic Review*, 1996, no. 3 (86), pp. 349–373.
41. ZHK “Svetlyi mir ‘Ia — Romantik’” // *SPBHome*, 2021, 15.12. Available at: https://spbhomes.ru/svetliy_mir_ia_romantik/ (accessed: 25.03.2022). (In Russian)
42. ZHK “Ia — Romantik”. Available at: <https://ya-romantik.ru/> (accessed: 23.03.2022). (In Russian)
43. *Yandex.Nedvizhimost*. Available at: <https://realty.yandex.ru/sankt-peterburg/> (accessed: 26.12.2021). (In Russian)
44. Prohorova E. A. Integrated development of territories in conditions of contemporary city. *Integral*, 2019, no. 3, pp. 22–28. (In Russian)
45. Sidorova A. A. Integrated development of territories in St Petersburg. *Mezhdunarodnyi forum molodykh issledovatelei*, 2022, pp. 390–396. (In Russian)
46. *Gruppa zhitel'ev ZHK “Ia — Romantik” v sotsial'noi seti VKontakte*. Available at: <https://vk.com/yaromantic> (accessed: 20.12.2022). (In Russian)
47. *Database of Statistical Indexes of Municipalities*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (accessed: 30.06.2022). (In Russian)
48. *Central Election Commission of the Russian Federation*. Available at: <http://www.cikrf.ru/eng/> (accessed: 23.03.2022) (In Russian)

49. Federal State Statistics Service. Available at: <https://eng.rosstat.gov.ru/> (accessed: 23.03.2022). (In Russian)
50. Nenko A. E., Nedoseka E. V. Urban environment values in discourse of online neighbouring communities. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2022, no. 1 (25), pp. 217–251. (In Russian)
51. Cherennev A., Popov P. Protest electoral behavior in Irkutsk and Irkutskaiia oblast. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia*, 2018, no. 2 (18), pp. 125–132. (In Russian)
52. Shatilov A. B. Electoral and Political Activity in Russian Regions in 2013–2017: Stability and/or Innovative Development. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2017, no. 30 (6), pp. 81–87. (In Russian)
53. What's going on with house prices in 2021: Rating of St Petersburg districts. *SPBHomes*. 2021, 30.06. Available at: <https://spbhomes.ru/science/stoimost-kvadratnogo-metra-zhilya-2021/> (accessed: 25.03.2022). (In Russian)
54. Vorobieva U. House rent fell suddenly in St Petersburg. *RBK*, 2021, 14.04. Available at: https://www.rbc.ru/spb_sz/14/04/2021/607690299a7947471d3d0325 (accessed: 24.03.2022). (In Russian)
55. International House Congress: Rate of regional deals on the Petereburg's market of new houses come to 30% // *Bulleten nedvizhimosti*, 2021, 11.11. Available at: <https://www.bn.ru/gazeta/news/266856/> (accessed: 21.03.2022). (In Russian)
56. *iD Kudrovo*. Available at: <https://id-kudrovo.ru/> (accessed: 21.03.2022). (In Russian)
57. *iD MuriNo*. Available at: <https://idmurino.ru/> (accessed: 21.03.2022). (In Russian)
58. Kudinov D. On the absence of infrastructure — Kudrovo, Stroiteley, 3. “*Deputat Kudinov*” v sotsial'noi seti VKontakte, 2021, 22.11. Available at: https://vk.com/doc-184828670_619820387?hash=b3e9a5419fee77bf14&dl=905a688313de3b474e (accessed: 21.03.2022). (In Russian)
59. ZHK “Moi mir”. *Polis Group: official web-site of the company*, 2021, 19.12. Available at: https://polis-group.ru/project/zhk-moy-mir?utm_source=cian&utm_medium=referral&utm_campaign=kartochka_zhk (accessed: 21.03.2022). (In Russian)
60. ISG “Mavis”. Available at: <https://mavis.ru/accomplishment/> (accessed: 23.03.2022). (In Russian)
61. Agafonova M. In Murino, transport ring has opened to reload roads, but traffic jams just increased! What to do now — the urbanist is explaining. *SPb Sobaka Ru*, 2021, 08.10. Available at: <https://www.sobaka.ru/city/urbanistics/136997> (accessed: 19.03.2022). (In Russian)
62. Citizens of Murino need to complete the obstacle cross on the way to St Petersburg. *Piter.tv*, 2021, 15.11. Available at: https://piter.tv/event/Murinci_vinuzhdeni_prohodit_polosu_prepyatstvii_na_puti_v_Peterburg/ (accessed: 21.03.2022). (In Russian)
63. Nesterov N. City-error: When will something but new buildings appeal in Murino. *Komsomol'skaia Pravda*, 2021, 20.10. Available at: <https://www.spb.kp.ru/daily/28346/4492489/> (accessed: 21.03.2022). (In Russian)
64. How to buy an apartment in Piter if you are non-resident? Personally and online. *SPbHomes*. 2019. 28.08. Available at: <https://spbhomes.ru/science/kak-kupit-kvartiru-v-pitere-inogorodnemu/> (accessed: 21.03.2022). (In Russian)
65. Houses of premium-class come to St Petersburg's periphery. *Bulleten' nedvizhimosti*, 2021. 11.12. Available at: <https://www.bn.ru/gazeta/news/267249/> (accessed: 21.03.2022). (In Russian)
66. RBI will build the residential complex on the Shostakovich street. *RBI: Official Website*, 2021, 27.04. Available at: https://www.rbi.ru/about/news/2021/rbi_shostakovicha_27042021/ (accessed: 25.03.2022). (In Russian)
67. How was Prosveshcheniia prospect born. *Novosti Vyborgskogo raiona Sankt-Peterburga*, 2018, 16.07. Available at: <http://www.vybnews.ru/news/2018-07-16/kak-zarozhdalsya-prospekt-prosveshcheniya/> (accessed: 21.03.2022). (In Russian)

Received: May 10, 2022
Accepted: October 31, 2022

Authors' information:

Maria I. Podkorytova — mpodkorytova@itmo.ru
Ilja V. Raskin — ilja.raskin@gmail.com
Aleksandra E. Nenko — PhD in Sociology; al.nenko@itmo.ru

Влияние (не)схожести эмансипативных ценностей индивидов на субъективное благополучие*

Ю. А. Афанасьева, Э. Д. Понарин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

Для цитирования: Афанасьева Ю. А., Понарин Э. Д. Влияние (не)схожести эмансипативных ценностей индивидов на субъективное благополучие // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 322–339. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.402>

В настоящее время социальные науки уделяют много внимания последствиям схожести или отличия человека от своего окружения. Одним из аспектов таких исследований являются исследования ценностных установок, то есть максимально обобщенных целей индивида, на основании которых различные явления оцениваются как хорошие или плохие. Чаще всего исследователи изучают именно вопрос схожести и приходят к выводу, что схожесть с другими делает людей счастливее, увереннее в себе и улучшает качество отношений с людьми. Лишь немногие исследования изучают влияние отличий человека от большинства, что открывает новые горизонты для исследований. На основе данных последних волн Европейского и Всемирного исследований ценностей ($N=122\,224$) эта статья рассматривает вопрос, влияет ли отличие ценностных установок, измеренных как эмансипативные ценности (ЭЦ) по Вельцелю, от среднестрановых показателей на субъективное благополучие (СБ) индивида. В результате проведенного анализа мы установили, что индивидуальные отличия имеют разные эффекты на СБ в зависимости от (1) знака их отклонения от среднестрановых показателей и (2) уровня ЭЦ страны. В низкоэмансипативных странах менее эмансипативные по сравнению с большинством люди отличаются более высоким уровнем СБ. В странах с высоким уровнем ЭЦ индивидуальные отличия ЭЦ не влияют на СБ. При этом высокий уровень ЭЦ страны сам по себе влияет на СБ значительно сильнее, чем индивидуальные отличия.

Ключевые слова: субъективное благополучие, гипотеза схожести, эмансипативные ценности, анализ поверхности отклика.

Введение

Тема влияния схожести индивида с обществом, в котором он живет, в последние годы стала особенно популярна среди социальных ученых. С конца прошлого века стали появляться исследования в области организационной психологии, в которых были обнаружены положительные эффекты схожести ценностей сотрудника и ценностей компании на производительность сотрудника и его психологическое благополучие [1; 2].

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Вслед за организационной психологией тема влияния схожести индивида и окружения стала распространяться в других социальных науках. Исследовались эффекты схожести от таких характеристик, как личностные черты [3–5], эмоции [6; 7], политические взгляды [8; 9]. Однако одним из самых распространенных подходов при оценке влияния схожести характеристик человека и общества является подход, основанный на сходстве ценностей [10; 11].

Было выяснено, что в общем случае схожесть характеристик человека и окружения положительно влияет на уровень субъективного благополучия индивида [10; 12], самооценку [4; 13], национальную гордость [14] и гражданскую активность [15].

Хотя во многих исследованиях изучался эффект схожести ценностей, никто не рассматривал влияние схожести эмансипативных ценностей на благополучие.

Эмансипативные ценности (ЭЦ) — это ценности, которые показывают значимость для человека свободы выбора и равенства возможностей. Они включают в себя приоритеты личной автономии, репродуктивного выбора, гендерного равенства и голоса народа [16; 17].

Понятие эмансипативных ценностей было введено К. Вельцелем (C. Welzel) как теоретическое улучшение ценностей самовыражения из теории эволюционной модернизации, предложенной Р. Инглхартом (R. Inglehart) в конце 1970-х гг. [18]. Согласно данной теории, после первого этапа модернизации, который заключался в переходе от традиционного общества к обществу эпохи модерна, начался следующий ее этап, основным содержанием которого становится изменение ценностей людей: от рациональных материалистических ценностей, распространенных в индустриальную эпоху, к ценностям постматериалистическим, или, словами теории Инглхарта, ценностям самовыражения, которые подчеркивают важность свободы выбора и автономии других людей. Именно ценностные изменения в теории эволюционной модернизации являются основой для дальнейших институциональных изменений общества. Информация о том, что в мире происходит ценностный сдвиг, была проверена многочисленными исследованиями, в том числе и на российских данных [19].

Концепция эмансипативных ценностей позволяет оценить происходящие культурные изменения в странах, а также текущий этап модернизации. К тому же состав индекса эмансипативных ценностей отражает позицию общества по таким важным вопросам, как свобода образа жизни, гендерное равенство, личная автономия и голос народа, которые показывают наименьшую степень схождения как между отдельными людьми, так и странами [20; 21].

Опираясь на теорию Вельцеля, можно ожидать, что приверженность индивида эмансипативным ценностям будет положительно влиять на его благополучие [16], то есть можно предположить: если человек похож на большинство, его благополучие будет выше. Возникает случай неэмансипативного индивида в неэмансипативной стране, который конфликтует в двух подходах. В теории Вельцеля низкий уровень эмансипативных ценностей связан с низким субъективным благополучием; с точки зрения теории схожести, схожесть уровня ценностей, пусть и на низком уровне, положительно повлияет на субъективное благополучие.

Также бóльшая часть исследований, тестирующих гипотезу схожести, упускает из вида то, как будут чувствовать себя индивиды, непохожие на большинство. Лишь немногие исследования пытались выяснить этот вопрос эмпирически.

В исследовании [22] было продемонстрировано, что несогласованность ценностей индивида и общества может вызывать культурное отчуждение. В миграционных исследованиях на тему влияния несхожести было выявлено, что проживание среди непохожих людей ведет к чувству отвержения и стремлению переехать туда, где соеди будут разделять образ жизни индивида и его взгляды [8; 23].

Цель данной работы — выяснить, влияет ли (не)схожесть эмансипативных ценностей индивида и страны, в которой он проживает, на его благополучие. К задачам этой статьи также относится анализ зависимости влияния схожести ценностей на благополучие от уровня эмансипативных ценностей страны. В качестве основного метода используется метод анализа регрессионной поверхности (response surface analysis, RSA), который позволяет представить взаимосвязь между двумя предикторами и зависимой переменной в трехмерном пространстве.

Обзор научной литературы по теме исследования

(Не)схожесть и субъективное благополучие. Понятие субъективного благополучия используется исследователями из разных областей, таких как экономика, социология или психология, как показатель качества жизни с точки зрения самого человека [24; 25]. Эту характеристику использует не только научное сообщество, но и политики и политические организации. Измерение субъективного благополучия включается в межстрановые исследования как в качестве отдельного показателя, так и в составе группы показателей в Индексе лучшей жизни от Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Субъективное благополучие (СБ) объединяет в себе высокую удовлетворенность жизнью (когнитивный компонент СБ) с высоким уровнем позитивного аффекта и низким уровнем негативного аффекта (эмоциональный компонент СБ) [26]. СБ человека зависит от множества факторов, начиная от личных характеристик человека и заканчивая условиями, в которых он живет, поэтому изучать его сложно. Существуют свидетельства того, что уровень удовлетворенности человека жизнью предсказывается генетически и даже наследуется. При этом средние оценки наследуемости колеблются от 32 до 41 % [27]. Учитывая оценки наследуемости, можно ожидать, что от 60 до 70 % СБ связано с негенетическими факторами [28].

В литературе выделяют две основные группы факторов, которые влияют на СБ. Первая группа факторов, оказывающих влияние на субъективное благополучие, связана с индивидуальными характеристиками человека. Среди них изучаются такие факторы, как пол [29], возраст [30], доход [31; 32], состояние здоровья [33] и семейное положение [34]. Есть также свидетельства того, что религиозные люди более удовлетворены жизнью [35]. Однако, скорее всего, эти тезисы [39] применимы только к религиозным странам [36].

Вторая группа факторов связана с переменными на уровне страны. Так, в среднем люди, проживающие в более богатых странах, отличаются более высоким уровнем субъективного благополучия, чем население менее богатых стран [37]. Еще одним фактором на уровне страны является уровень социально-экономического неравенства. Люди склонны сравнивать себя с другими, и в странах с высоким уровнем неравенства такие сравнения могут расстраивать людей и снижать их удовлетворенность жизнью [38]. Уровень политической свободы и демократии

также может влиять на удовлетворенность жизнью; в странах с высоким уровнем демократической культуры люди более счастливы, чем в странах с недемократической культурой [39]. Такой же эффект можно наблюдать в странах с низким уровнем коррупции [40].

Тем не менее даже объединение всех вышеперечисленных факторов не объясняет полностью, что может влиять на уровень СБ [41].

Новой главой изучения субъективного благополучия стало появление исследований о взаимодействии переменных индивидуального и странового уровня [42]. Выделяют два направления исследований такого влияния. Институциональное направление объединяет исследования о том, что характеристики индивида способствуют субъективному благополучию в той мере, в какой условия макроуровня благоприятны для людей с такими характеристиками. Второе направление — это вышеупомянутая гипотеза схожести, согласно которой характеристики индивидов способствуют СБ в той мере, в какой эти характеристики широко распространены среди населения и, следовательно, социально желательны в той или иной стране [43].

В исследованиях, которые изучают схожесть, были обнаружены различия влияния схожести на СБ в зависимости от того, какой тип оценки схожести используется: субъективный или объективный. Субъективный подход (воспринимаемая схожесть) основан на том, что индивид сам оценивает, насколько его ценности совпадают или не совпадают с ценностями других. Напротив, объективный подход (реальная схожесть) сравнивает субъективные оценки одного человека с агрегированными ценностями других [10]. Исследования показывают, что реальная схожесть не играет значимой роли в постоянных отношениях. В отношениях с близкими важнее оказывается воспринимаемая схожесть [44].

При этом реальная схожесть играет значимую роль в отношении с теми людьми, с которыми нет или почти нет взаимодействия в повседневной жизни. В таком случае схожие характеристики могут служить способом оценки и сравнения себя с другими. Так, вывод о положительной связи между согласованностью ценностей человека и удовлетворенностью жизнью был сделан на выборке немецких школьников [10], которые могли быть не знакомы между собой, а просто составляли единую социально-демографическую группу. Аналогичные результаты о положительном влиянии схожести с людьми из одной социально-демографической группы были получены на российской выборке [45].

Среди психологических причин, которые могли бы объяснить влияние схожести на субъективное благополучие, были предложены: возможности социальной среды (environmental affordances), социальные санкции, эффект притяжения схожести, механизм социального сравнения, теория разделяемой реальности [45; 46]. В конечном счете большая часть этих гипотез сходится на том, что схожесть характеристик упрощает общение и способствует быстрому нахождению взаимопонимания между людьми, снижая в свою очередь уровень стресса. В случае несхожести с обществом, напротив, есть возможность почувствовать отчуждение от общества и страх быть исключенным из него.

(Не)схожесть эмансипативных ценностей и субъективное благополучие. Эмансипативные ценности положительно связаны с субъективным благополучием индивида [17; 47]. Распространение эмансипативных ценностей приводит к тому,

что люди начинают больше ценить внутреннюю, а не внешнюю мотивацию, то есть им становятся менее важны деньги и статус и все более важны свободный выбор и право высказывать свое мнение [16]. Ориентация на внутренние цели в свою очередь приводит к росту субъективного благополучия [11].

Собственный высокий уровень ЭЦ и высокий уровень ЭЦ страны будут оказывать положительное влияние на СБ как с точки зрения теории Вельцеля, так и с точки зрения гипотезы схожести. Однако остается нерассмотренным, как себя будут чувствовать индивиды, непохожие на большинство. Будет ли на индивида с неэмансипативными ценностями, живущего в эмансипативной стране, сильнее влиять уровень эмансипативности страны или его собственный уровень эмансипативности? И наоборот, если индивид имеет высокий уровень эмансипативных ценностей, но живет в неэмансипативной стране, то отразится ли это на субъективном благополучии, или же человек будет вполне самодостаточным, чтобы не ощущать давления общества? В исследованиях по данному вопросу отсутствуют выводы о влиянии типа общества на взаимосвязь между сходством эмансипативных ценностей индивида и страны и субъективным благополучием.

Опираясь на теорию схожести, можно предположить, что люди, отличные от большинства, будут иметь более низкий уровень СБ по сравнению с большинством.

Гипотеза 1. Если уровень эмансипативных ценностей индивида отличается от уровня эмансипативных ценностей большинства, проживающего в стране, то уровень его субъективного благополучия будет ниже, чем у большинства.

Также, учитывая влияние уровня эмансипативности страны, можно ожидать, что в эмансипативных странах уровень СБ будет выше у индивидов со средним и выше среднего уровнем эмансипативных ценностей, потому что они будут находиться в окружении, благоприятном для выражения их ценностей. И наоборот, в неэмансипативных странах выше уровень СБ у тех индивидов, чей уровень ЭЦ средний или ниже.

Гипотеза 2. Связь (не)схожести ценностей индивида с его субъективным благополучием зависит от уровня эмансипативных ценностей в стране. В неэмансипативных странах менее счастливы более эмансипативные индивиды, а в эмансипативных странах менее счастливы менее эмансипативные индивиды.

Также можно ожидать, что в странах с высоким уровнем эмансипативных ценностей, в которых люди больше ценят свободу и независимость других, влияние общества на личность будет иметь менее выраженный эффект. Наоборот, в странах, где уровень эмансипативных ценностей ниже, влияние общества на индивида, ценности которого не совпадают с ценностями большинства, будет выше из-за давления, которое будет оказывать окружение.

Гипотеза 3. В более эмансипативных странах влияние (не)схожести на СБ меньше, чем в менее эмансипативных странах.

Данные и методы

Данные. Основным источником данных для анализа стали седьмая волна Всемирного исследования ценностей (World Values Survey, WVS) [48] и пятая волна Европейского исследований ценностей (European Values Study, EVS) [49]. Исследования

проводились с 2017 по 2021 г. Оба исследования посвящены измерению культурных ценностей, отношения и убеждений в отношении пола, семьи и религии, отношения и опыта бедности, образования, здоровья и безопасности, социальной терпимости, доверия к людям и институтам, культурным различиям и сходствам между регионами и обществами. Начиная с 2017 г. EVS и WVS ведут совместную работу по сбору данных. Вопросы, на основе которых был проведен анализ в данной работе, задавались в обоих исследованиях идентично и имели одинаковые шкалы.

Финальный набор данных, использованных в статье, содержит данные по 81 стране и 122 224 наблюдениям.

Зависимая переменная. В качестве зависимой переменной используется индекс субъективного благополучия, который измеряется на основании двух вопросов, измеряющих удовлетворенность жизнью и уровень счастья:

1. С учетом всех обстоятельств, насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в эти дни? Используя эту карту, на которой 1 означает, что Вы «полностью недовольны», а 10 означает, что Вы «полностью удовлетворены», куда бы Вы поставили удовлетворенность своей жизнью в целом?

2. Суммируя все вместе, Вы бы сказали, что Вы: 1 — очень счастливы; 2 — скорее счастливы; 3 — не очень счастливы; 4 — совсем не счастливы.

Индекс СБ¹ рассчитывается на основе предложенной в статье формуле [39]:

$$SWB = \text{life satisfaction} - 2,5 \times \text{happiness},$$

где *SWB* — уровень субъективного благополучия; *life satisfaction* — удовлетворенность жизнью; *happiness* — уровень счастья.

Независимые переменные. Для проверки гипотез (не)схожести используются две независимые переменные, (не)схожесть которых нужно проверить. В данной работе это уровень эмансипативных ценностей индивида и уровень эмансипативных ценностей страны.

Уровень эмансипативных ценностей индивида рассчитывается на основе ответов на 12 вопросов, которые представлены в анкетах WVS и EVS. Эти вопросы объединяются в четыре субиндекса, измеряющие важность для индивида ценностей автономии, равенства, выбора и голоса. На основе четырех субиндексов конструируется финальный индекс эмансипативных ценностей индивида.

Для того чтобы измерить *уровень эмансипативных ценностей страны*, используется арифметическое среднее ЭЦ респондентов из каждой страны.

$$EVcountry_m = \text{mean}(EVind_m) = \frac{\sum EVind_m}{n_m},$$

где *m* — страна; *n_m* — количество респондентов в стране *m*.

В качестве *контрольных* используются переменные, которые, согласно предыдущим исследованиям, влияют на уровень субъективного благополучия: пол [29; 40], возраст [30], уровень образования [50].

Методы. Несмотря на то что тема влияния (не)схожести привлекает много внимания, не существует общепризнанного математического аппарата, использу-

¹ При использовании индекса субъективного благополучия, рассчитанного как простое среднее вопросов о счастье и удовлетворенности жизнью, были получены аналогичные результаты.

ющегося для тестирования гипотезы схожести. Среди способов решения используются такие методы, как оценка разности схожести (difference score) и его аналоги [51–53], индексы корреляции профилей [12; 45; 54], RSA [3; 8; 14], индекс сходства профилей [5].

В этой статье для проверки гипотез будет использован метод RSA² с полиномиальной регрессией следующего вида:

$$\text{Level 1: } SWB_I = \beta_{0m} + \beta_1 \cdot EVind_I + \beta_2 \cdot EVcountry_I + \beta_3 \cdot EVind_I^2 + \beta_4 \cdot EVind_I \cdot EVcountry_I + \beta_5 \cdot EVcountry_I^2 + \varepsilon_I;$$

$$\text{Level 2: } \beta_{0m} = \gamma_{00} + \gamma_{02}EVcountry_m + \gamma_{05}EVcountry_m^2 + \eta_{0m},$$

где SWB_I — субъективное благополучие индивида I в стране m ;

$EVind_I$ — уровень эмансипативных ценностей индивида страны m ;

$EVcountry_m$ — уровень эмансипативных ценностей страны m ;

$\beta_{0m}, \beta_1, \beta_2, \beta_3, \beta_4, \beta_5$ — оценки эффектов соответствующих переменных;

$\gamma_{00}, \gamma_{02}, \gamma_{05}$ — оценки эффектов предикторов второго уровня; ε_I — необъясненный остаток на первом уровне; η_{0m} — необъясненный остаток на втором уровне.

Основной плюс метода RSA заключается в том, что он учитывает все возможные комбинации двух предикторов и их влияние на зависимую переменную [55]. Взаимодействие между двумя предикторами и зависимой переменной можно визуализировать с помощью анализа поверхности отклика (рис. 1).

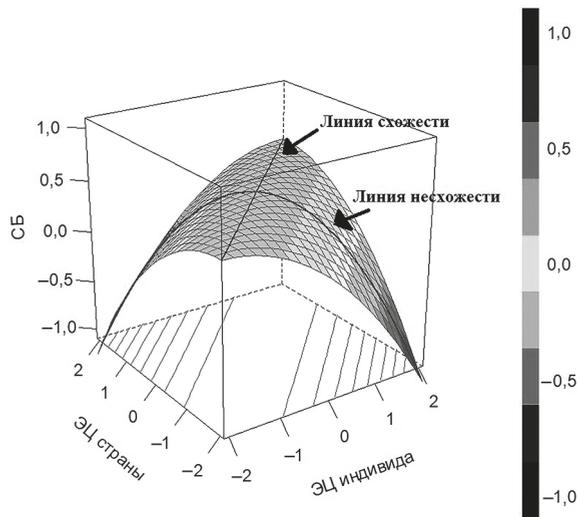

Рис. 1. Визуализация графика поверхности отклика

² Помимо метода RSA, для проверки гипотез также был использован метод оценки разности схожести, который дал аналогичные результаты.

Наличие эффекта схожести можно оценить, визуально проанализировав график поверхности отклика. На рис. 1 изображен случай, когда уровень зависимой переменной будет выше в случае схожести предикторов. Линия схожести (LOC) на графике соответствует ситуации, когда предиктор полностью соответствует предиктору 2, — ситуация, когда ценности страны и индивида полностью совпадают. Линия несхожести (LOIC) соответствует ситуации, когда значения предикторов 1 и 2 противоположны.

Для подтверждения гипотезы 1 с помощью визуального анализа необходимо, чтобы линия схожести соответствовала высшему значению СБ. Для оценки гипотезы 2 методом RSA необходимо найти линию на плоскости, отвечающую за высоко(низко)эмансипативные страны, и проверить, действительно ли для низко(высоко)эмансипативных индивидов значение по оси SWB ниже. Для оценки гипотезы 3 необходимо спроецировать линию, которая отвечает высокоэмансипативным странам, на ось SWB и аналогично спроецировать линию, которая отвечает низкоэмансипативным странам, на ось SWB. В случае, если длина проекции линии высокоэмансипативных стран короче, чем длина проекции низкоэмансипативных стран, это будет указывать на подтверждение гипотезы 3.

Помимо визуального анализа графика поверхности отклика, существует еще два способа подтвердить или опровергнуть гипотезу (не)схожести.

Первый метод основан на вычислении пяти параметров поверхности отклика a_1 – a_5 , интерпретация которых проще, чем интерпретация графика [56]. Данные параметры связаны с коэффициентами регрессии следующим образом:

$$\begin{aligned}a_1 &= b_1 + b_2; \\a_2 &= b_3 + b_4 + b_5; \\a_3 &= b_1 - b_2; \\a_4 &= b_3 - b_4 + b_5; \\a_5 &= b_3 - b_5.\end{aligned}$$

Коэффициенты (a_1 , a_3) связаны с наклоном плоскости графика поверхности отклика, а коэффициенты (a_2 , a_4) — с изгибом. Для возникновения эффекта схожести (гипотеза 1) необходимо, чтобы коэффициент a_4 был значимо отрицательным, и желательно, чтобы остальные коэффициенты были равны нулю. Ограничением данного метода является то, что квадратичные эффекты имеют в два раза больший вес, чем член взаимодействия при вычислении a_4 , маскируя эффекты схожести на крайних концах предикторов, на что указывает член взаимодействия [46].

Другой подход основан на анализе коэффициентов полиномиальной регрессии. Для наличия эффекта схожести важными являются коэффициенты квадратичных эффектов и эффектов взаимодействия. Наличие значимых эффектов взаимодействия будет указывать на наличие эффекта схожести.

Для отбора оптимальной модели полиномиальной регрессии в работе использовался тест ANOVA [57], который показывает, приводит ли добавление новой переменной к улучшению объяснительной способности модели. В качестве вспомогательных методов отбора моделей использованы критерии AIC и BIC [58].

Весь анализ был произведен с использованием языка программирования R.

Результаты

При исследовании полученного в результате анализа графика поверхности отклика (рис. 2) можно заключить, что гипотеза 1 не подтверждается: наиболее высокий уровень СБ соответствует индивидам с высоким уровнем ЭЦ, проживающим в высокоэмансипативной стране. Далее идут неэмансипативные индивиды, которые также проживают в высокоэмансипативной стране. Отсюда можно сделать вывод о том, что проживание в высокоэмансипативной стране — это более значимый фактор СБ, чем личный уровень ЭЦ.

Если индивид живет в неэмансипативной стране, уровень его субъективного благополучия будет выше, если уровень его ЭЦ будет средним или ниже среднего по стране. Самый низкий уровень СБ соответствует тем, чей уровень ЭЦ высокий, выше среднего, но они проживают в неэмансипативной стране. Это говорит о важности того, среди людей с каким уровнем ценностей живет индивид. Таким образом, гипотеза 2 подтверждается, но только для неэмансипативных стран, в эмансипативных странах различия СБ незначимы. Влияние типа страны также ниже в высокоэмансипативной стране, что подтверждает верность гипотезы 3.

Анализ параметров поверхности отклика a_1 – a_5 показывает только два значимых коэффициента a_1 и a_3 (табл. 1). Значимый положительный коэффициент a_1 говорит о том, что СБ выше тогда, когда уровни ЭЦ индивида и страны находятся на высоких уровнях, а не на низких. Отрицательный коэффициент a_3 говорит о том, что для увеличения уровня СБ более важным является уровень ЭЦ страны, нежели индивида.

Коэффициент a_4 , который является коэффициентом, подтверждающим или опровергающим гипотезу схожести, в модели незначим, что говорит о том, что схожесть или несхожесть ЭЦ индивида и страны не влияют на его уровень СБ. Этот результат показывает то, что гипотеза 1 не может быть подтверждена.

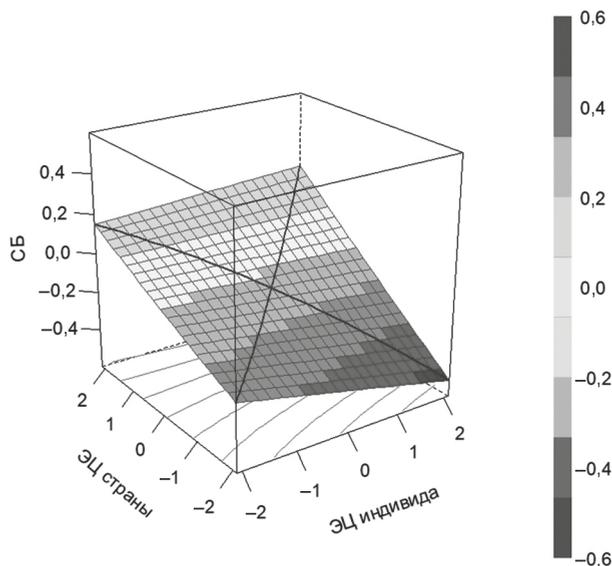

Рис. 2. Связь между эмансипативными ценностями и уровнем СБ (стандартизованные коэффициенты)

Таблица 1. Стандартизованные параметры поверхности отклика

Параметр	Значение	SE	t.value	p.value
a ₁	0,86	0,30	2,84	0,00**
a ₂	0,04	1,90	0,02	0,99
a ₃	-1,18	0,31	-3,85	0,00**
a ₄	0,10	1,90	0,05	0,96
a ₅	-0,07	1,90	-0,04	0,97

Примечание: *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Анализ коэффициентов полиномиальной регрессии (табл. 2) показывает наличие значимых линейных эффектов и эффекта взаимодействия. Положительный эффект взаимодействия говорит о наличии эффекта схожести, однако стандартные отклонения коэффициента, оценивающего эффект взаимодействия, очень большие — значимость этого коэффициента близка к границе. К тому же из графика (рис. 2) можно видеть, что эффект взаимодействия не является доминирующим. Главным определяющим фактором для высокого СБ остается высокий уровень ЭЦ страны.

Выводы и обсуждение результатов

Обсуждение результатов. Целью данной работы было изучение вопроса влияния (не)схожести ЭЦ индивида и страны на СБ индивида. С помощью метода RSA было проверено несколько гипотез о том, как именно может быть связана (не)схожесть ЭЦ индивида и страны с уровнем СБ.

Несхожесть эмансипативных ценностей сама по себе не является сильным фактором, ведущим к снижению уровня субъективного благополучия индивида. В то же время влияние (не)схожести ценностей различается в зависимости от уровня ЭЦ страны. Так, (не)схожесть ценностей почти не влияет на СБ в высокоэмансипативных странах. При этом в низкоэмансипативных странах разница СБ для людей с разным уровнем ЭЦ значима. Данный результат подтверждает предположение о том, что в более эмансипативных странах влияние (не)схожести на СБ меньше, чем в менее эмансипативных странах (гипотеза 3), и предположение о различиях во влиянии (не)схожести на СБ в зависимости от уровня ЭЦ страны, но только для низкоэмансипативных стран (гипотеза 2).

Отсутствие влияния на СБ (не)схожести ЭЦ в высокоэмансипативных странах, по-видимому, подтверждает описанный Вельцелом эффект того, что высокая значимость ЭЦ в обществе в целом усиливает эффект ЭЦ и для каждого индивида в отдельности [16]. Наличие в этих странах высокой значимости личной свободы и уважения чужих границ, вероятно, ведет к тому, что люди, отличающиеся от большинства, тем не менее ощущают себя вполне комфортно. В низкоэмансипативных странах может сохраняться давление норм, более строгий надзор за личной жизнью и взглядами людей. Это может приводить к тому, что высокоэмансипативные индивиды в низкоэмансипативных странах будут ощущать себя белыми воронами и испытывать проблемы с выражением своих взглядов.

Таблица 2. Влияние схожести на субъективное благополучие

Параметры	Зависимая переменная					
	Субъективное благополучие					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
ЭЦ индивида	-0,02	0,00	-0,00	-0,08	-0,07	-0,16***
	(0,02)	(0,06)	(0,06)	(0,06)	(0,06)	(0,06)
ЭЦ страны	0,96***	1,02***	1,02***	1,14***	1,13***	1,02***
	(0,30)	(0,30)	(0,30)	(0,30)	(0,30)	(0,30)
Квадрат ЭЦ индивида	0,06	0,06	0,06	0,07	0,03	-0,00
	(0,09)	(0,09)	(0,09)	(0,09)	(0,09)	(0,09)
Квадрат ЭЦ страны	1,33	0,03	0,03	0,04	0,02	0,07
	(1,94)	(1,89)	(1,89)	(1,89)	(1,89)	(1,90)
ЭЦ индивида : ЭЦ страны	0,88***	1,10**	1,09**	0,96**	1,04**	0,93**
	(0,14)	(0,45)	(0,45)	(0,44)	(0,44)	(0,44)
Пол (ref= женский)	-	-	-0,02***	-0,02***	-0,02***	-0,03***
	-	-	(0,01)	(0,01)	(0,01)	(0,01)
Возраст	-	-	-	-0,07***	-0,07***	-0,06***
	-	-	-	(0,00)	(0,00)	(0,00)
Квадрат возраста	-	-	-	-	0,03***	0,03***
	-	-	-	-	(0,00)	(0,00)
Образование (ref= начальное)	-	-	-	-	-	-
Среднее	-	-	-	-	-	0,07***
	-	-	-	-	-	(0,01)
Высшее	-	-	-	-	-	0,19***
	-	-	-	-	-	(0,01)
(Intercept)	-0,03	-0,00	0,01	0,01	-0,02	-0,11**
	(0,05)	(0,05)	(0,05)	(0,05)	(0,05)	(0,05)
Observations	122,224	122,224	122,224	122,224	122,224	122,224
Log Likelihood	-166,673	-166,437	-166,431	-166,180	-166,133	-165,835
Akaike Inf. Crit.	333,363	332,895	332,884	332,384	332,292	331,700
Bayesian Inf. Crit.	333,440	332,992	332,991	332,500	332,419	331,846

Примечание: Центрированные коэффициенты полиномиальной регрессии: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

В результате анализа было обнаружено, что в странах со средним и низким уровнем ЭЦ более высокий уровень СБ имеют индивиды менее эмансипативные, чем большинство. Такой эффект может быть связан с тем, что политический режим, который установлен в менее эмансипативных странах, больше удовлетворяет людей с низким уровнем ЭЦ. Однако для подтверждения данного предположения необходимы дальнейшие исследования.

В целом можно сделать вывод, что основным фактором, влияющим на СБ, являются ЭЦ страны. Важнее, чем большая схожесть, оказалось скорее общее направление взглядов относительно важных вопросов.

Ограничения. Одним из ограничений данной работы является использование индекса субъективного благополучия как зависимой переменной. Есть мнения о том, что удовлетворенность жизнью и счастье измеряют немного разные аспекты субъективного благополучия и их не стоит объединять в один индекс.

Гетерогенность эмансипативных ценностей в разных странах также могла повлиять на результаты. Несмотря на то что Вельцель пишет, что разница в уровне ценностей в каждой стране относительно небольшая (стандартное отклонение в среднем: 0,19), иногда разница отклонений от среднего уровня ЭЦ в стране превосходит разницу ЭЦ между странами.

Заключение

В результате проведенного анализа было выяснено, что в странах с разным уровнем ЭЦ (не)схожесть ценностей влияет на СБ по-разному. Так, в странах с низким и средним уровнями ЭЦ более высокий уровень СБ имеют люди менее эмансипативные, чем большинство, в то время как в высокоэмансипативных странах разница в уровне ЭЦ не является значимым фактором для СБ. Тем не менее самым важным фактором для СБ, связанным с уровнем ЭЦ, является проживание в стране с высоким уровнем ЭЦ, что, по-видимому, удовлетворяет и материальные потребности индивида, и потребности в свободе выбора образа жизни.

Литература

1. Edwards J. R., Cable D. M. The value of value congruence // *Journal of applied psychology*. 2009. Vol. 94, no. 3. P. 654.
2. Kristof-Brown A. L., Zimmerman R. D., Johnson E. C. Consequences of Individuals' Fit at Work: A Meta-Analysis of Person — Job, Person — Organization, Person — Group, and Person — Supervisor Fit // *Personnel Psychology*. 2005. Vol. 58, no. 2. P. 281–342.
3. Bleidorn W., Schönbrodt F., Gebauer J. E., Rentfrow P. J., Potter J., Gosling S. D. To live among like-minded others: Exploring the links between person-city personality fit and self-esteem // *Psychological Science*. 2016. Vol. 27, no. 3. P. 419–427.
4. Fulmer C. A., Gelfand M. J., Kruglanski A. W., Kim-Prieto Ch., Diener E., Pierro A., Higgins E. T. On “feeling right” in cultural contexts: How person-culture match affects self-esteem and subjective well-being // *Psychological Science*. 2010. Vol. 21, no. 11. P. 1563–1569.
5. Götz F. M., Ebert T., Rentfrow P. J. Regional cultures and the psychological geography of Switzerland: Person — environment — fit in personality predicts subjective wellbeing // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. P. 517.
6. Anderson C., Keltner D., John O. P. Emotional convergence between people over time // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 84, no. 5. P. 1054–1068.

7. *De Leersnyder J., Kim H., Mesquita B.* Feeling right is feeling good: psychological well-being and emotional fit with culture in autonomy- versus relatedness-promoting situations // *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 6. P. 630.
8. *Chopik W.J., Motyl M.* Ideological fit enhances interpersonal orientations // *Social Psychological and Personality Science*. 2016. Vol. 7, no. 8. P. 759–768.
9. *Stavrova O., Luhmann M.* Are conservatives happier than liberals? Not always and not everywhere // *Journal of Research in Personality*. 2016. Vol. 63. P. 29–35.
10. *Musiol A.-L., Boehnke K.* Person-Environment value congruence and satisfaction with life // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2013. Vol. 3, no. 9. P. 9.
11. *Sortheix F.M., Schwartz S.H.* Values that underlie and undermine well-being: Variability across Countries // *European Journal of Personality*. 2017. Vol. 31, no. 2. P. 187–201.
12. *Sortheix F.M., Lönnqvist J.-E.* Person-Group value congruence and subjective well-being in students from Argentina, Bulgaria and Finland: The role of interpersonal relationships // *Journal of Community and Applied Social Psychology*. 2015. Vol. 25, no. 1. P. 34–48.
13. *Lönnqvist J.-E., Verkasalo M., Helkama K., Andreyeva G.M., Bezmenova I., Ratazzi A. M. M., Niit Th., Stetsenko A.* Self-esteem and values // *European Journal of Social Psychology*. 2009. Vol. 39, no. 1. P. 40–51.
14. *Du H., Chen A., Chi P., King R.* Person-culture fit boosts national pride: A cross-cultural study among 78 societies // *Journal of research in personality*. 2019. Vol. 81. P. 108–117.
15. *Sanderson R., Prentice M., Wolf L., Weinstein N., Kasser T., Crompton T.* Strangers in a strange land: Relations between perceptions of others' values and both civic engagement and cultural estrangement // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. P. 559.
16. *Welzel C.* *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
17. *Inglehart R., Welzel C.* *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The consequences of value change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
18. *Inglehart R.* *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton: Princeton University Press, 1977.
19. *Алмакаева А. М., Мавлетова А. М.* Модернизационные процессы в России: ожидать ли сдвига в сторону эмансипативных ценностей? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018. № 6 (148). С. 91–112.
20. *Graham J., Nosek B. A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P. H.* Mapping the moral domain // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 101, no. 2. P. 366–385.
21. *Hanel P. H., Maio G. R., Manstead A. S.* A new way to look at the data: Similarities between groups of people are large and important // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2019. Vol. 116, no. 4. P. 541.
22. *Bernard M. M., Gebauer J. E., Maio G. R.* Cultural estrangement: The role of personal and societal value discrepancies // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. Vol. 32, no. 1. P. 78–92.
23. *Florida R.* *Who's Your City? How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life*. New York: Basic Books, 2009.
24. *Авдеев Е. А., Аллардт Э., Беляева Л. А., Бессокирная Г. П., Великая Н. М., Воробьев С. М., Галкин К. А., Гафизова Н. Б., Демидова Е. Е., Епихина Ю. Б., Караханова Т. М., Козловский В. В., Козопольская М. В., Кученкова А. В., Лайхихала Т., Махмудул Х. Л., Пасовец Ю. М., Римский В. Л., Симпура Ю., Струченков А. В., Татарова Г. Г., Терин Д. Ф., Ткачева Н. А., Усугитало Х., Цалко Е. А., Черныш М. Ф., Чиркова А. В., Шушпанова И. С., Юдашкин А. В.* Социологические подходы к изучению социального благополучия / отв. ред. М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина. М.: ФНИСЦ РАН, 2021.
25. *Татарова Г. Г., Кученкова А. В.* Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // *Социологические исследования*. 2016. № 10 (390). С. 21–32.
26. *Diener E., Suh E. M., Lucas R. E., Smyth R. E.* Subjective well-being: Three decades of progress // *Psychological bulletin*. 1999. Vol. 125, no. 2. P. 276–302.
27. *Røysamb E., Nes R. B., Czajkowski N. O., Vassend O.* Genetics, personality and wellbeing. A twin study of traits, facets and life satisfaction: 1 // *Scientific reports*. 2018. Vol. 8, no. 1. P. 12298.
28. *Diener E., Oishi S., Tay L.* Advances in subjective well-being research: 4 // *Nature Human Behaviour*. 2018. Vol. 2, no. 4. P. 253–260.
29. *Blanchflower D. G., Oswald A. J.* Well-being over time in Britain and the USA // *Journal of public economics*. 2004. Vol. 88, no. 7. P. 1359–1386.
30. *Blanchflower D. G.* Is happiness U-shaped everywhere? Age and subjective well-being in 145 countries // *Journal of Population Economics*. 2021. Vol. 34, no. 2. P. 575–624.

31. Kahneman D., Deaton A. High income improves evaluation of life but not emotional well-being // Psychological and Cognitive Sciences. 2010. Vol. 107, no. 38. P. 16489–16493.
32. Mentzakis E., Moro M. The poor, the rich and the happy: Exploring the link between income and subjective well-being // The Journal of Socio-Economics. 2009. Vol. 38. № 1. P. 147–158.
33. Черныш М. Ф. Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2 (26). С. 9–33.
34. Bian Y., Hao M., Li Y. Social networks and subjective well-being: A comparison of Australia, Britain, and China // Journal of Happiness Studies. 2018. Vol. 19, no. 8. P. 2489–2508.
35. Myers D. G. Religion and human flourishing // The science of subjective well-being. New York: Guilford Press, 2008. P. 323–343.
36. Stavrova O., Fetchenhauer D., Schlösser T. Why are religious people happy? The effect of the social norm of religiosity across countries // Social science research. 2013. Vol. 42, no. 1. P. 90–105.
37. Sacks D. W., Stevenson B., Wolfers J. Subjective Well-Being, Income, Economic Development and Growth: w16441. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 2010.
38. Kelley J., Evans M. D. R. Societal inequality and individual subjective well-being: Results from 68 societies and over 200,000 individuals, 1981–2008 // Social science research. 2017. Vol. 62. P. 1–23.
39. Inglehart R., Foa R., Peterson Ch., Welzel Ch. Development, freedom, and rising happiness: A global perspective (1981–2007) // Perspectives on Psychological Science. 2008. Vol. 3, no. 4. P. 264–285.
40. Tay L., Kuykendall L., Diener E., Ng V. Demographic factors and worker well-being: An empirical review using representative data from the United States and across the world // The Role of Demographics in Occupational Stress and Well Being. 2014. Vol. 12. P. 235–283.
41. Андреевкова Н. В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5 (99). С. 189–215.
42. Joshanloo M., Jarden A. Individualism as the moderator of the relationship between hedonism and happiness: A study in 19 nations // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 94. P. 149–152.
43. Stavrova O. How much do sources of happiness vary across countries? A review of the empirical literature // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 2019. Vol. 71, no. 1. P. 429–464.
44. Montoya R. M., Horton R. S., Kirchner J. Is actual similarity necessary for attraction? A meta-analysis of actual and perceived similarity // Journal of Social and Personal Relationships. 2008. Vol. 25, no. 6. P. 889–922.
45. Khabtsova A., Schwartz S. H. Life satisfaction and value congruence // Social Psychology. 2016. No. 47 (3). P. 163–173.
46. Hanel P. H., Wolfardt U., Wolf L. J., Coelho de G. L. H., Maio G. R. Well-being as a function of person-country fit in human values // Nature Communications. 2020. Vol. 11, no. 1. P. 1–9.
47. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Litres, 2020.
48. Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. (eds). World Values Survey: Round Seven — Country-Pooled Datafile Version 5.0. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat, 2022. <https://doi.org/10.14281/18241.20>
49. EVS. European Values Study 2017: Integrated Dataset (EVS 2017). Cologne: GESIS, 2022. ZA7500 Data file Version 5.0.0. <https://doi.org/10.4232/1.13897>.
50. Helliwell J. F., Putnam R. D. The social context of well-being // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences, 2004. Vol. 359, no. 1449. P. 1435–1446.
51. Arrindell W. A., Luteijn F. Similarity between intimate partners for personality traits as related to individual levels of satisfaction with life // Personality and Individual Differences. 2000. Vol. 28, no. 4. P. 629–637.
52. Edwards J. R. Person-job fit: A conceptual integration, literature review, and methodological critique // International review of industrial and organizational psychology. 1991. Vol. 6. P. 283–357.
53. Spokane A. R., Meir E. I., Catalano M. Person — Environment congruence and Holland's theory: A review and reconsideration // Journal of vocational behavior. 2000. Vol. 57, no. 2. P. 137–187.
54. De Leersnyder J., Mesquita B., Kim H., Eom K., Choi H. Emotional fit with culture: A predictor of individual differences in relational well-being // Emotion. 2014. Vol. 14, no. 2. P. 241.
55. Barranti M., Carlson E. N., Côté S. How to test questions about similarity in personality and social psychology research: Description and empirical demonstration of response surface analysis // Social Psychological and Personality Science. 2017. Vol. 8, no. 4. P. 465–475.

56. Nestler S., Humberg S., Schönbrodt F. D. Response surface analysis with multilevel data: Illustration for the case of congruence hypotheses // *Psychological Methods*. 2019. Vol. 24, no. 3. P. 291–308.
57. *Statistical Models in S* / Chambers J. M., Hastie T. J. (eds). New York: Routledge, 2017.
58. Burnham K. P., Anderson D. R. Multimodel inference: understanding AIC and BIC in model selection // *Sociological Methods & Research*. 2004. Vol. 33, no. 2. P. 261–304.

Статья поступила в редакцию 28 июня 2022 г.;
рекомендована к печати 31 октября 2022 г.

Контактная информация:

Афанасьева Юлия Александровна — магистр социологии; afanasye8a@mail.ru
Понарин Эдуард Дмитриевич — PhD, вед. науч. сотр., проф.; eponarin@hse.ru

The influence of individuals' emancipative values (mis)match on subjective well-being*

Yu. A. Afanasyeva, E. D. Ponarin

HSE University,
16, ul. Soyuza Pechatnikov, St Petersburg, 190008, Russian Federation

For citation: Afanasyeva Yu. A., Ponarin E. D. The influence of individuals' emancipative values (mis)match on subjective well-being. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2022, vol. 15, issue 4, pp. 322–339. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.402> (In Russian)

Social sciences pay a great deal of attention to the effects of one's (dis)similarity with one's environment. Research of values is one aspect of these studies, where values are most abstracted individual goals which help one evaluate various phenomena as either good or bad. Most often, scholars focus on similarities and conclude that being similar to one's environment makes one happier and self-confident and results in better relations with other people. There are relatively few studies that focus on the effects of dissimilarities, which leaves an opportunity for new studies. Based on the most recent waves of the World Value Survey and European Value Study ($N=122,224$), this paper investigates whether one's difference in Welzel's emancipative value index (EVI) from the mean country level affect individual subjective well-being (SWB). Our analysis suggests that this effect depends on (1) the sign of the difference and (2) the country mean EVI. In low-EVI countries people with lower levels of EVI tend to be happier than other people in their country. There is no effect in high-EVI countries. Furthermore, high levels of mean country EVI is a stronger predictor of happiness than are individual differences.

Keywords: subjective well-being, fit hypothesis, person-environment fit, value congruence, emancipative values, response surface analysis.

References

1. Edwards J. R., Cable D. M. The value of value congruence. *Journal of applied psychology*, 2009, vol. 94, no. 3, p. 654.
2. Kristof-Brown A. L., Zimmerman R. D., Johnson E. C. Consequences of individuals' fit at work: A meta-analysis of person — job, person — organization, person — group, and person — supervisor fit. *Personnel Psychology*, 2005, vol. 58, no. 2, pp. 281–342.

* The article was prepared in the course of work within the framework of the Basic Research Program of the HSE University.

3. Bleidorn W., Schönbrodt F., Gebauer J. E., Rentfrow P. J., Potter J., Gosling S. D. To live among like-minded others: Exploring the links between person-city personality fit and self-esteem. *Psychological Science*, 2016, vol. 27, no. 3, pp. 419–427.
4. Fulmer C. A., Gelfand M. J., Kruglanski A. W., Kim-Prieto Ch., Diener E., Pierre A., Higgins E. T. On “feeling right” in cultural contexts: How person-culture match affects self-esteem and subjective well-being. *Psychological Science*, 2010, vol. 21, no. 11, pp. 1563–1569.
5. Götz F. M., Ebert T., Rentfrow P. J. Regional cultures and the psychological geography of Switzerland: Person — environment — fit in personality predicts subjective wellbeing. *Frontiers in Psychology*, 2018, vol. 9, p. 517.
6. Anderson C., Keltner D., John O. P. Emotional convergence between people over time. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2003, vol. 84, no. 5, pp. 1054–1068.
7. De Leersnyder J., Kim H., Mesquita B. Feeling right is feeling good: psychological well-being and emotional fit with culture in autonomy- versus relatedness-promoting situations. *Frontiers in Psychology*, 2015, vol. 6, p. 630.
8. Chopik W. J., Motyl M. Ideological fit enhances interpersonal orientations. *Social Psychological and Personality Science*, 2016, vol. 7, no. 8, pp. 759–768.
9. Stavrova O., Luhmann M. Are conservatives happier than liberals? Not always and not everywhere. *Journal of Research in Personality*, 2016, vol. 63, pp. 29–35.
10. Musiol A.-L., Boehnke K. Person-Environment value congruence and satisfaction with life. *International Journal of Humanities and Social Science*, 2013, vol. 3, no. 9, p. 9.
11. Sortheix F. M., Schwartz S. H. Values that underlie and undermine well-being: Variability across countries. *European Journal of Personality*, 2017, vol. 31, no. 2, pp. 187–201.
12. Sortheix F. M., Lönnqvist J.-E. Person-Group value congruence and subjective well-being in students from Argentina, Bulgaria and Finland: The role of interpersonal relationships. *Journal of Community and Applied Social Psychology*, 2015, vol. 25, no. 1, pp. 34–48.
13. Lönnqvist J.-E., Verkasalo M., Helkama K., Andreyeva G. M., Bezmenova I., Ratazzi A. M. M., Niit Th., Stetsenko A. Self-esteem and values. *European Journal of Social Psychology*, 2009, vol. 39, no. 1, pp. 40–51.
14. Du H., Chen A., Chi P., King R. Person-culture fit boosts national pride: A cross-cultural study among 78 societies. *Journal of research in personality*, 2019, vol. 81, pp. 108–117.
15. Sanderson R., Prentice M., Wolf L., Weinstein N., Kasser T., Crompton T. Strangers in a strange land: Relations between perceptions of others’ values and both civic engagement and cultural estrangement. *Frontiers in Psychology*, 2019, vol. 10, p. 559.
16. Welzel C. *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013.
17. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The consequences of value change*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005.
18. Inglehart R. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton, Princeton University Press, 1977.
19. Almakaeva A. M., Mavletova A. M. Modernization processes in Russia: should we expect a shift towards emancipative values? *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny*, 2018, no. 6 (148), pp. 91–112. (In Russian)
20. Graham J., Nosek B. A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P. H. Mapping the moral domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011, vol. 101, no. 2, pp. 366–385.
21. Hanel P. H., Maio G. R., Manstead A. S. A new way to look at the data: Similarities between groups of people are large and important. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2019, vol. 116, no. 4, p. 541.
22. Bernard M. M., Gebauer J. E., Maio G. R. Cultural estrangement: The role of personal and societal value discrepancies. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2006, vol. 32, no. 1, pp. 78–92.
23. Florida R. *Who’s Your City? How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life*. New York, Basic Books, 2009.
24. Avdeev E. A., Allardt E., Belyaeva L. A., Bessokirnaya G. P., Velikaya N. M., Vorobyev S. M., Galkin K. A., Gafizova N. B., Demidova E. E., Yepikhina Yu. B., Karakhanova T. M., Kozlovskii V. V., Kozopol’yanskaya M. V., Kuchenkova A. V., Layhiala T., Makhmudul H. L., Pasovets Yu. M., Rimskii V. L., Simpura Yu., Struchenkov A. V., Tatarova G. G., Terin D. F., Tkacheva N. A., Uusitalo H., Tsalko E. A., Chernysh M. F., Chirkova A. V., Shushpanova I. S., Yudashkin A. V. *Sociology approaches to the research of social well-being*. Ed. by Chernysh M. F., Epihina Yu. B. Moscow, FNISTs RAN Publ., 2021. (In Russian)
25. Tatarova G. G., Kuchenkova A. V. Indicators of subjective well-being as type-forming features. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2016, no. 10 (390), pp. 21–32. (In Russian)

26. Diener E., Suh E. M., Lucas R. E., Smyth R. E. Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological bulletin*, 1999, vol. 125, no. 2, pp. 276–302.
27. Røysamb E., Nes R. B., Czajkowski N. O., Vassend O. Genetics, personality and wellbeing. A twin study of traits, facets and life satisfaction. *Scientific reports*, 2018, vol. 8, no. 1, p. 12298.
28. Diener E., Oishi S., Tay L. Advances in subjective well-being research. *Nature Human Behaviour*, 2018, vol. 2, no. 4, pp. 253–260.
29. Blanchflower D. G., Oswald A. J. Well-being over time in Britain and the USA. *Journal of public economics*, 2004, vol. 88, no. 7, pp. 1359–1386.
30. Blanchflower D. G. Is happiness U-shaped everywhere? Age and subjective well-being in 145 countries. *Journal of Population Economics*, 2021, vol. 34, no. 2, pp. 575–624.
31. Kahneman D., Deaton A. High income improves evaluation of life but not emotional well-being. *Psychological and Cognitive Sciences*, 2010, vol. 107, no. 38, pp. 16489–16493.
32. Mentzakis E., Moro M. The poor, the rich and the happy: Exploring the link between income and subjective well-being. *The Journal of Socio-Economics*, 2009, vol. 38, no. 1, pp. 147–158.
33. Chernysh M. F. Factors influencing the experience of happiness in Russian society. *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial'naja praktika*, 2019, vol. 7, no. 2 (26), pp. 9–33. (In Russian)
34. Bian Y., Hao M., Li Y. Social networks and subjective well-being: A comparison of Australia, Britain, and China. *Journal of Happiness Studies*, 2018, vol. 19, no. 8, pp. 2489–2508.
35. Myers D. G. Religion and human flourishing. *The science of subjective well-being*. New York, NY, Guilford Press, 2008, pp. 323–343.
36. Stavrova O., Fetchenhauer D., Schlösser T. Why are religious people happy? The effect of the social norm of religiosity across countries. *Social science research*, 2013, vol. 42, no. 1, pp. 90–105.
37. Sacks D. W., Stevenson B., Wolfers J. *Subjective Well-Being, Income, Economic Development and Growth*. Cambridge, MA, National Bureau of Economic Research, 2010.
38. Kelley J., Evans M. D. R. Societal inequality and individual subjective well-being: Results from 68 societies and over 200,000 individuals, 1981–2008. *Social science research*, 2017, vol. 62, pp. 1–23.
39. Inglehart R., Foa R., Peterson Ch., Welzel Ch. Development, freedom, and rising happiness: A global perspective (1981–2007). *Perspectives on Psychological Science*, 2008, vol. 3, no. 4, pp. 264–285.
40. Tay L., Kuykendall L., Diener E., Ng V. Demographic factors and worker well-being: An empirical review using representative data from the United States and across the world. *The Role of Demographics in Occupational Stress and Well Being*, 2014, vol. 12, pp. 235–283.
41. Andreenkova N. V. Comparative analysis of life satisfaction and factors determining it. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2010, no. 5 (99), pp. 189–215. (In Russian)
42. Joshanloo M., Jarden A. Individualism as the moderator of the relationship between hedonism and happiness: A study in 19 nations. *Personality and Individual Differences*, 2016, vol. 94, pp. 149–152.
43. Stavrova O. How much do sources of happiness vary across countries? A review of the empirical literature. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 2019, vol. 71, no. 1, pp. 429–464.
44. Montoya R. M., Horton R. S., Kirchner J. Is actual similarity necessary for attraction? A meta-analysis of actual and perceived similarity. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2008, vol. 25, no. 6, pp. 889–922.
45. Khaptsova A., Schwartz S. H. Life satisfaction and value congruence. *Social Psychology*, 2016, no. 47 (3), pp. 163–173.
46. Hanel P. H., Wolfradt U., Wolf L. J., Coelho de G. L. H., Maio G. R. Well-being as a function of person-country fit in human values. *Nature Communications*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 1–9.
47. Inglehart R. *Cultural evolution. How are human motivations changing and how does it change the world*. Moscow, Litres, 2020. (In Russian)
48. Haerper C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. (eds). *World Values Survey: Round Seven — Country-Pooled Datafile Version 5.0*. Madrid, Spain & Vienna, Austria, JD Systems Institute & WVSA Secretariat, 2022. <https://doi.org/10.14281/18241.20>
49. *EVS. European Values Study 2017: Integrated Dataset (EVS 2017)*. Cologne, GESIS, 2022. ZA7500 Data file Version 5.0.0. <https://doi.org/10.4232/1.13897>
50. Helliwell J. F., Putnam R. D. The social context of well-being. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences*, 2004, vol. 359, no. 1449, pp. 1435–1446.
51. Arrindell W. A., Luteijn F. Similarity between intimate partners for personality traits as related to individual levels of satisfaction with life. *Personality and Individual Differences*, 2000, vol. 28, no. 4, pp. 629–637.

52. Edwards J. R. Person-job fit: A conceptual integration, literature review, and methodological critique. *International review of industrial and organizational psychology*, 1991, vol. 6, pp. 283–357.
53. Spokane A. R., Meir E. I., Catalano M. Person — Environment Congruence and Holland's Theory: A Review and Reconsideration. *Journal of vocational behavior*, 2000, vol. 57, no. 2, pp. 137–187.
54. De Leersnyder J., Mesquita B., Kim H., Eom K., Choi H. Emotional fit with culture: A predictor of individual differences in relational well-being. *Emotion*, 2014, vol. 14, no. 2, p. 241.
55. Barranti M., Carlson E. N., Côté S. How to test questions about similarity in personality and social psychology research: Description and empirical demonstration of response surface analysis. *Social Psychological and Personality Science*, 2017, vol. 8, no. 4, pp. 465–475.
56. Nestler S., Humberg S., Schönbrodt F. D. Response surface analysis with multilevel data: Illustration for the case of congruence hypotheses. *Psychological Methods*, 2019, vol. 24, no. 3, pp. 291–308.
57. *Statistical Models in S*. Chambers J. M., Hastie T. J. (eds). New York, Routledge, 2017.
58. Burnham K. P., Anderson D. R. Multimodel inference: understanding AIC and BIC in model selection. *Sociological Methods & Research*, 2004, vol. 33, no. 2, pp. 261–304.

Received: June 28, 2022
Accepted: October 31, 2022

Authors' information:

Yulia A. Afanasyeva — Master of Sociology; afanasye8a@mail.ru

Eduard D. Ponarin — PhD, Leading Researcher, Professor; eponarin@hse.ru

Гражданская солидарность в условиях пандемии COVID-19

Б. В. Сердюков

Центр социальных технологий и прикладных исследований «СФЕРА»,
Российская Федерация, 196105, Санкт-Петербург, ул. Благодатная, 47

Для цитирования: Сердюков Б. В. Гражданская солидарность в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 340–365. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.403>

Пандемия COVID-19 останется в истории одним из наиболее значимых и трагических событий 2020–2021 гг. Угроза быстрого распространения коронавируса потребовала от государственных органов различных стран решительных действий, направленных на обеспечение безопасности своего населения и недопущение массового заражения. Необходимость экстренно мобилизовать людей на борьбу с эпидемиологической угрозой в большинстве стран по всему миру актуализировала работу по построению соответствующих форм гражданской солидарности. Не стала исключением и Российская Федерация. Однако насущная потребность скоординировать этот процесс в кратчайшие сроки неизбежно привела к усиленной нагрузке на интеграционную инфраструктуру российского общества, в результате чего выявились как составляющие ее компоненты, так и присущие ей особенности, а также и те проблемы, которые обычно трудно диагностировать в обществе, находящемся в состоянии равновесия. В данной статье представлены результаты социологического исследования, посвященного анализу гражданской солидарности жителей Санкт-Петербурга в условиях угрозы распространения пандемии COVID-19. В статье представлен основанный на работах классиков социологии методологический конструкт, позволивший проанализировать специфику интегрированности петербуржцев в отношении гражданской солидарности, направленные на противодействие рискам распространения коронавируса. Охарактеризованы логика развития и структура гражданской солидарности в условиях пандемии COVID-19, проведен анализ восприятия гражданами угрозы распространения коронавируса как фактора общественной жизни и ее интеграционной значимости в контексте формирования партикулярной солидарной среды. Результатом исследования явилось описание наиболее распространенных солидаризационных практик, направленных на противодействие пандемии, и раскрытие основных факторов, оказывающих влияние на гражданское поведение жителей города.

Ключевые слова: гражданская солидарность, гражданская мобилизация, социальная солидарность.

Введение

В 2020 г. в числе значимых угроз глобальной безопасности актуализировались эпидемиологические риски международного масштаба. Всемирная организация здравоохранения (далее ВОЗ) 11 марта 2020 г. объявила вспышку распространения

коронавируса COVID-19 пандемией¹. Генеральный директор ВОЗ призвал все страны к объединению в борьбе с пандемией, обозначив этот процесс как «испытание солидарности»². Однако вместо всемирного единения в ответ на угрозу планетарного масштаба мировое сообщество столкнулось с массовыми закрытиями границ, непризнанием национальных вакцин и взаимными претензиями, в очередной раз обнаружив противоречия постглобализирующегося мира [1, с. 46], выраженные в борьбе двух фундаментальных принципов организации социального порядка (сетевого и территориального) [2, с. 32]. Угроза распространения COVID-19 упрочила позицию большей части государств в наметившейся ранее тенденции к укреплению национальной повестки и усилению внимания к вопросам общественной безопасности [3, с. 9].

Противостояние различным вызовам национальной безопасности требует от общества готовности к широкомасштабной мобилизации, особенно в условиях угрозы мирового масштаба. Эффективность такой мобилизации определяется двумя основными факторами:

- способностью административных органов создать такую инфраструктуру гражданского участия, которая бы с достаточной эффективностью противостояла существующей угрозе;
- конъюнктивного потенциала гражданской солидарности, характерной для конкретного общества.

При этом не имеет большого значения, идет речь о национальных проектах или ресурсах общенациональной мобилизации. Наличие действующих практик и развитых институтов гражданской интеграции повышает резистентность общества, его способность проводить собственную политику.

Столкнувшись с пандемией, правительства в разных странах прибегли к серьезным, а в некоторых случаях и чрезвычайным ограничительным мерам, направленным прежде всего на обеспечение безопасной социальной дистанции между гражданами [4, с. 157]. В Российской Федерации наиболее значимыми оказались карантинные меры, в соответствии с которыми 30 марта 2020 г. на территории всей страны был объявлен период нерабочих дней, продлившийся вплоть до середины мая. Несмотря на административные запреты и санкции со стороны органов исполнительной власти, призывы к россиянам оставаться дома носили во многом рекомендательный характер, а сама мера социального дистанцирования опиралась преимущественно на сознательность граждан, добровольно самоизолирующихся в своих квартирах.

Необходимость сплотиться для противостояния общественной угрозе обнаружила ряд системных проблем, характерных для гражданских отношений в современном российском обществе. Наиболее очевидной проблемой здесь является отсутствие в обществе консенсуса по вопросам правовых оснований повседневно-

¹ Вступительное слово Генерального директора на пресс-брифинге по COVID-19 11 марта 2020 г. // Всемирная организация здравоохранения. 2020. URL: <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (дата обращения: 15.12.2021).

² Вступительное слово Генерального директора на пресс-брифинге по COVID-19 18 марта 2020 г. // Всемирная организация здравоохранения. 2020. URL: <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---18-march-2020> (дата обращения: 03.06.2022).

ности, уверенно диагностируемое последнее десятилетие социологами [5, с. 160]. Исследователи отмечают: несмотря на то что россияне уважают закон и воспринимают его как средство защиты, они допускают его нарушение, оправдывая это тем, что законы не соблюдаются властью. «В российском обществе прочно закрепилось благожелательное отношение к рутинным практикам нарушения законов — прежде всего к работе в “теневой” сфере, к неуплате налогов», — резюмируют по итогам исследования правовых ценностей у россиян А. Н. Покида и Н. В. Зыбуновская [6, с. 98]. В кризисе гражданского правосознания отчетливо видны очертания современных форм социальной аномии, характерных для сложного общества [7, с. 184], поскольку избирательное отношение к праву является прямым признаком ослабления поддерживающих механизмов социального контроля, обеспечивающего «включение или удержание эго в отношениях солидарности так, чтобы у него была основа чувствовать себя безусловно в безопасности» [8, с. 76]. Выраженная таким образом аномия приобретает особенную стойкость, становясь существенным элементом мировоззрения членов общества, искажая при этом само устройство общественного сознания.

Важно то, что создание инфраструктуры противоэпидемиологической мобилизации происходило в условиях формализации гражданской солидарности, эмпатической редуцированности ее микросоциальных практик в сфере общественной безопасности. Как показало авторское исследование, проведенное в 2018 г.³, большинство дезинтеграционных факторов в сфере общественной безопасности связаны с деятельностью правоохранительных органов, что, на наш взгляд, естественно, «поскольку отсутствие общественного согласия относительно основных моментов гражданственности делает невозможным конструктивное взаимодействие между различными субъектами гражданской солидарности в области общественной безопасности» [9, с. 186].

Еще в самом начале объявленного властью локдауна исследователи в крупных мегаполисах диагностировали снижение уровня солидарности при угрозе повышенного риска заражения со смертельным исходом [10, с. 141]. Эксперты «Левада-центра» (организация признана в РФ иностранным агентом) весной 2020 г. также отмечали снижение общего уровня межличностного доверия: по результатам проведенного ими опроса половина респондентов ответили, что в ситуации эпидемии люди станут больше заботиться только о себе и «своих» [11]. Проводимые позднее социологические исследования фиксировали общее снижение институционального доверия в период нерабочих дней. В представлении граждан о государственной ответственности не укладывались повсеместное введение самоизоляции, прекращение деятельности организаций, а также штрафные санкции, введенные без необходимой поддержки со стороны органов власти. В результате, как отмечают М. О. Макушева и Т. А. Нестик, «за два месяца вынужденной самоизоляции первоначальная мобилизация сил горожан сменилась истощением и неверием в эффективность предпринимаемых государством мер сдерживания» [12, с. 435].

³ Исследование проводилось на базе ООО «Центр социальных технологий и прикладных исследований “СФЕРА”» осенью 2017 г. Эмпирическая часть включала в себя количественные (фокус-группы) и качественные (поквартирный опрос) методы. Объем выборки квартирного опроса — 611 человек. В фокус-группах приняли участие 32 человека. География опроса — два муниципальных образования Красногвардейского района города Санкт-Петербурга (район Ржевка — Пороховые).

С развитием эпидемической ситуации стало очевидно, что граждане по-разному оценивают необходимость и целесообразность солидаризироваться в условиях пандемии. Г. Кузнецов связывает такое разделение с социально-экономическими факторами и утверждает, что оценка противоэпидемических мер определяется издержками, которые понесли те или иные группы в условиях пандемии (ковид-бенефициар, ковид-лоялисты и ковид-аутсайдеры) [13, с. 183]. В свою очередь, В. М. Воронов объясняет разделение в восприятии противоэпидемических мер историческими ценностями, сформированными еще в эпоху Просвещения и оказывающими влияние на культурные паттерны по всему миру. К таким ценностям он относит: стремление к человеческой субъектности через власть над природой (коронапаникеры и короналоялисты); экзистенциально-этическое самозабвение человека как внезапно смертного существа (коронапаникеры); стремление к индивидуальной свободе, которая понимается прежде всего как свобода воли (коронаскептики и коронадиссиденты) [14, с. 45].

Таким образом, проблематика данного исследования обусловлена, с одной стороны, неоднородностью интеграционной структуры российского социума, сложившейся в условиях открытого информационного пространства, а с другой стороны, преимущественно формализованным состоянием социальных отношений гражданской солидарности в сфере общественной безопасности как следствием интеграционного кризиса, переживаемого в настоящее время российским обществом. Важность изучения различных форм гражданской солидарности во время пандемии COVID-19 продиктована необходимостью обеспечивать консолидацию российского общества для преодоления глобальных вызовов. Эмпирический анализ гражданских интеграционных процессов в ситуации общественной угрозы позволяет обосновать преобразование социальных практик солидаризации в условиях национальной мобилизации.

В статье представлены результаты социологического исследования, целью которого являлся анализ гражданской солидарности петербуржцев в условиях эпидемической угрозы общественной безопасности. Для достижения поставленной цели были выполнены следующие исследовательские задачи: в рамках теоретического поля социологии составлен методологический конструкт, соответствующий исследовательской проблематике; проанализировано восприятие петербуржцами рисков распространения новой коронавирусной инфекции как фактора общественной жизни и угрозы безопасности; определены степень и характер интегрированности петербуржцев в противоэпидемическую область гражданской солидарности; проанализированы солидаризационные практики петербуржцев в условиях пандемии; выявлены факторы, оказывающие наибольшее влияние на интенсивность гражданских установок в отношении мер противоэпидемической профилактики.

Сосредоточение исследовательского фокуса в рамках территориальных границ Санкт-Петербурга обусловлено необходимостью сравнения и обобщения результатов анализа с предыдущим исследованием, которое было посвящено изучению гражданской солидарности в сфере общественной безопасности. В связи с этим объектом исследования выступили совершеннолетние жители Санкт-Петербурга, проживающие на территории двух смежных муниципальных образований Красногвардейского района. Предметом исследования являлась гражданская солидар-

ность петербуржцев в условиях эпидемиологической угрозы общественной безопасности.

Исследовательская гипотеза основывалась на следующих двух допущениях:

- в условиях общественной угрозы национального масштаба структура формируемой гражданской солидарности, определяемой необходимостью мобилизации для противодействия глобальной угрозе, полностью соответствует той тенденции к эмпатической редуцированности своих экспрессивно-символических оснований, которая ранее была диагностирована на уровне микросоциальных практик в сфере общественной безопасности;
- наибольшее влияние на формирование противоэпидемических установок оказывают ценностные аспекты общественных императивов гражданского участия, а также степень интернализации экспрессивно-символических оснований формирующейся области гражданской солидарности.

Методология исследования

В целях построения методологического каркаса гражданской солидарности целесообразно прежде всего обратиться к категории социальной солидарности. Анализируя историю генезиса и развития такого понятия, как социальная солидарность, а также изменение интереса к нему со стороны социологической науки, А. Б. Гофман весьма точно подметил: «...социология много и основательно занималась и занимается тем, что в социальной жизни плохо. И это хорошо. Но она слишком мало занималась тем, что в социальной жизни хорошо. И это плохо» [15, с. 97]. Действительно, как предмет эмпирического изучения солидарность представляет собой неочевидное и трудно верифицируемое социальное состояние. И несмотря на то что в социологии солидарность признается обязательным условием для существования социального целого, ее наличие в основном постулируется как само собой разумеющееся [16, с. 17]. Солидарность как бы становится остаточной категорией, и социологам до конца не понятно, как ее изучать эмпирически.

Для определения границ изучаемого феномена необходимо обратиться к его дефинициям, содержащимся в методологическом каркасе социологических наук. Слово «солидарность» берет свое начало в римском обязательственном праве, согласно которому группа людей была связана вместе — солидарно — в равной степени ответственными за долг. Аристотель в своих рассуждениях об общественном порядке отмечал естественный характер солидарных отношений. Он утверждал: «...государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» [17, с. 378].

О. Конт (A. Comte) объяснял существование в обществе социальной солидарности распределением различных видов человеческого труда. Согласно его взглядам, общество регулируется существованием двух противоположных процессов: разделением труда и человеческой кооперацией. Конт утверждал, что гражданин проецирует свое естественное стремление к интеграции с отношений в семье на остальное общество. Подчеркивая таким образом важность института семьи для формирования социальной солидарности, он тем не менее признавал необходи-

мость реализации силовых инструментов в процессе практической организации общества. «Как организация деятельности людей, общество господствует и не может не господствовать с помощью силы», — отмечал Конт [18, с. 118].

Э. Дюркгейм (E. Durkheim) также наделял общественное разделение труда ключевым значением, определяющим устройство отношений в социуме. Он утверждал, что основное предназначение общественного разделения труда — это «создавать между двумя или несколькими личностями чувство солидарности» [19, с. 63]. Наиболее наглядно, по убеждению Дюркгейма, солидарность проявляется в правовой структуре общества, обнаруживая тем самым принудительную природу социального факта — ключевой аналитической категории созданной им концепции. Хотя нормы права и являются принудительными механизмами социального регулирования, они все же сформированы самим обществом: «Чем более солидарны члены общества, тем более поддерживают они разнообразные отношения как друг с другом, так и с группой в целом» [19, с. 71].

В социологии М. Вебера (M. Weber) социальная солидарность раскрывается через представление о легитимном порядке. Как утверждал немецкий ученый, действия участников социальных отношений всегда взаимообусловлены, а сами действующие лица могут также апеллировать в своих решениях к некоторым максимам, сформировавшимся в смысловом содержании отношений [20, с. 87]. Общественное принятие установленного порядка в целом неоднородно, что выражается в уровне его эмпирической значимости [21, с. 512]. Легитимность порядка гарантируется внутренними установлениями (аффективная привязанность, религиозная подчиненность или ценностно-рациональная значимость), а также внешне, по принципу «права» (когда порядок гарантирован специальным органом) или конвенции (осуждение, имеющее ощутимые практические последствия).

В соответствии со взглядами А. Бергсона (H. Bergson), социальная солидарность основана на потребности сплотиться с соотечественниками против враждебно настроенных чужаков. Бергсон утверждал, что этот естественный инстинкт проистекает из глубин человеческой природы, подобно тому, как он является основой организации муравьев, пчел и других социальных животных [22, с. 31].

В социологии Т. Парсонса (T. Parsons) идея социальной солидарности обнаруживается в самом определении социальной системы — то есть конечной и сводной результирующей множества индивидуальных выборов, которые устанавливаются и воспроизводятся в ходе институционализации ценностных образцов, узаконивающих доступные альтернативные действия. Санкционное давление, направленное на обеспечение в обществе необходимых ориентаций, производится согласно ценностным эталонам. Парсонс утверждал, что вне социальной солидарности невозможно само существование социальной системы, поскольку культурная ценностная ориентация «в форме прав и обязанностей является фундаментальным компонентом социальной структуры» [23, с. 451–452].

В концепции символического интеракционизма идеи солидарности раскрываются через понятие социального мира. Г. Блумер (H. Blumer) утверждал, что частные миры, в которых протекает жизнь людей, состоят из множества объектов, которые, в свою очередь, создаются посредством символического взаимодействия. Эти миры являются своего рода оперативными пространствами, характеризующимися убеждениями и взглядами, сложившимися относительно тех

жизненных ситуаций, с которыми людям в этих мирах приходится сталкиваться [24, с. 87].

В рамках феноменологии А. Шюца (A. Schütz) социальная солидарность воспроизводится внутри конечных областей значения, формирующихся в мире повседневности. «Мы называем некоторый комплекс наших переживаний конечной областью значения, если все они проявляют специфический когнитивный стиль и — в отношении этого стиля — не только непротиворечивы сами по себе, но и совместимы друг с другом» [25, с. 424]. Подчиняясь подобному стилю, индивид своими внутренними переживаниями наделяет создаваемую им область значений онтологическими свойствами. Последние объединяются его восприятием в специфическую реальность. Шюц утверждал, что когнитивный стиль, тем не менее, существует не только внутри отдельного сознания, но и является той социально распределенной характеристикой, которая устанавливает структуру, содержание и границы применимости групповых культурных образцов, формирующих частную солидарную среду.

Отталкиваясь от взглядов классиков социологии, можно охарактеризовать солидарность как естественную форму социальности, воспроизводящуюся как на уровне группового взаимодействия, так и в более крупных общественных масштабах. Как интеграционный феномен, солидарность формируется вокруг экспрессивно-символической основы сообществ. При этом она преобразуется в групповые культурные образцы/эталоны (максимы), а поддерживается внешними и внутренними механизмами социального контроля. Социальная солидарность организуется в конечные области значения, устанавливаемые определенным когнитивным стилем и наделяемые сознанием человека чертами социальной реальности. Отношения социальной солидарности для человека — частные оперативные миры, в границах которых он взаимодействует с другими людьми. По своей структуре они неоднородны, поскольку человек участвует во множестве самых разнообразных отношений и исполняет одновременно роли, обладающие для него различной эмпирической значимостью, часто противоречащие друг другу.

Гражданская солидарность — разновидность социальной солидарности, воспроизводящаяся в национальном масштабе и обладающая социетальными свойствами. Актуализируясь в общественном поле, гражданская солидарность неразрывно связана со своими правовыми основами, конституирующими ее в рамках определенного территориального государства [26, с. 277–278]. Сохраняя некоторую отчужденность, члены общества, объединенные гражданской солидарностью, все же ощущают взаимную ответственность, которая предрасполагает их к жертвам и уступкам ради общества — например к участию в системе общественного разделения труда, исполнению налогового обязательства или несению обязательной воинской службы. Иначе говоря, суть гражданской солидарности в том, что гражданам не обязательно иметь личные отношения с теми, от имени которых они действуют⁴. В общественной структуре гражданская солидарность обнаруживается в качестве:

⁴ Rubén A. G.-F. What is solidarity? During coronavirus and always, it's more than 'we're all in this together. URL: <https://theconversation.com/what-is-solidarity-during-coronavirus-and-always-its-more-than-were-all-in-this-together-135002> (дата обращения: 12.12.2021).

- культурно-исторических императивов гражданского участия (представления об ответственности, активности, поддержке);
- экспрессивно-символических оснований общественного порядка (идеология, конституция);
- юридически конституированной общественно-нормативной среды (совокупность национальных кодексов, отдельные нормативно-правовые акты);
- институтов и практик общественного участия (участие в политике, деятельность некоммерческих организаций, правозащитная деятельность, общественная работа).

В условиях объективной общенациональной угрозы, понимаемой в самом широком смысле (стихийные бедствия, вооруженные конфликты, эпидемии) [27, с. 471], решение задачи по построению соответствующего интеграционного поля для формирования гражданской солидарности осуществляется ее основным субъектом — представительными органами государственной власти. В таком случае гражданская солидарность выражается:

- в экспрессивной интернализации (усвоении) гражданами мобилизационных символов;
- соотносительности действий граждан с требованиями гражданской мобилизации (нормативные основания гражданской солидарности);
- реализации механизмов социального контроля — формального (отношение граждан к правовым санкциям / готовность спроецировать их действие на себя) и неформального (осуждение диссидентов / поддержка сторонников);
- общественной деятельности граждан, направленной на борьбу с национальной опасностью или устранение ее последствий (волонтерская деятельность, помощь исполнительным органам власти, содействие пострадавшим).

Представленные индикаторы были использованы при разработке практического инструментария для проведения полевого этапа исследования гражданской солидарности в условиях пандемии COVID-19.

Методика исследования

Эмпирическое исследование, направленное на изучение гражданской солидарности в условиях пандемии, проводилось специалистами Центра социальных технологий и прикладных исследований «Сфера» под руководством автора статьи. Полевой этап исследования проводился спустя месяц после окончания объявленного правительством периода нерабочих дней и осуществлялся с июля по август 2020 г. Для сбора данных был выбран метод полужормализованного интервью, в ходе которого интервьюер в уличной обстановке задавал вопросы респондентам, отмечая подходящие ответы.

Выборка исследования составила 380 человек. Тип выборки — стратифицированная случайная с соблюдением территориального и половозрастного критериев. Район проведения исследования был разделен на локации, в границах которых случайным образом отбиралось и опрашивалось необходимое количество респондентов, относящихся к определенной категории. Основные точки опроса сосредоточивались вокруг парков и скверов, спортивных и детских площадок, магазинов и торговых центров, а также остановок общественного транспорта. Продолжительность

каждого интервью составила от 10 до 15 минут. Половозрастные пропорции, представленные в собранной выборке, соответствуют общегородским с незначительными отклонениями. Ошибка выборки с вероятностью 95 % не превышает $\pm 5,02$ %.

География исследования сосредоточена в границах района Ржевка — Пороховые, что накладывает некоторые ограничения на репрезентативность данных в масштабах всего города, состоящего из 18 административных районов, включая города-спутники и его исторический центр. Тем не менее Ржевка — Пороховые представляет собой типовую многоэтажную застройку, характерную для спальных районов города, на территории которых проживает большинство петербуржцев. В этом смысле выводы, основанные на изучении полученной выборки, можно с высокой долей вероятности считать применимыми и к большинству населения Санкт-Петербурга.

Обработка и последующий анализ полученных данных производились с использованием прикладного статистического пакета SPSS. Для обнаружения факторов, оказывающих влияние на интенсивность установок гражданской солидарности, использовался коэффициент корреляции Пирсона, рассчитанный программным образом. За значимые факторы принимались лишь те, в отношении которых величина указанного коэффициента имела статистически достоверное значение. Далее представлено описание полученных результатов, упорядоченное в соответствии с исследовательскими задачами на четыре основных параграфа.

Пандемия COVID-19 как фактор общественной жизни

Пандемия коронавирусной инфекции и меры, направленные на ее сдерживание, оказали значимое влияние на жизнь петербуржцев. Отвечая на вопрос «Как изменилась ваша жизнь за последние 5 месяцев?», наибольшее число респондентов указали, что на момент опроса их жизнь изменилась в худшую сторону (20,8 % — ухудшилась значительно, 23,2 % — стала несколько хуже). Сопоставимое число опрошенных указали, что их жизнь не изменилась (44,5 % от общего числа опрошенных). О том, что жизнь улучшилась, заявил лишь каждый десятый опрошенный (3,7 % ответили, что жизнь стала значительно лучше; 7,9 % — что жизнь лишь несколько улучшилась). Корреляционный анализ полученных распределений позволяет утверждать, что многие из опрошенных петербуржцев связывают изменения в жизни, произошедшие с ними за последние 5 месяцев, с ухудшением материального благополучия ($r=0,38$, $p \leq 0,01$), а также состоянием здоровья ($r=0,24$, $p \leq 0,01$), в том числе психологического ($r=0,31$, $p \leq 0,01$).

Несмотря на трудности и ограничения, вызванные пандемией, петербуржцы оптимистично оценили шансы на стабилизацию ситуации. Отвечая на вопрос «С какими чувствами Вы смотрите в будущее?», большинство из них продемонстрировали положительный настрой, отметив, что смотрят в будущее с надеждой и оптимизмом (43,2 % от общего числа респондентов). Вторая по значимости группа проявила более сдержанные взгляды, отметив, что ожидают будущих событий спокойно, но без особых надежд и иллюзий (34,5 % от общего числа респондентов). Негативные последствия отразились и на ожиданиях петербуржцев, в связи с чем каждый четвертый опрошенный отвечал, что на момент опроса смотрит в будущее с тревогой и неуверенностью (17,1 %), а некоторые — что будущее вселяет в них

страх или даже отчаяние (5,3%). Корреляционный анализ, произведенный в ходе аналитической обработки полученных данных, позволяет утверждать, что среди факторов, оказывающих влияние на настрой петербуржцев, наиболее значимым было ухудшение психоэмоционального состояния ($r=0,30$; $p \leq 0,01$) и их материального благополучия ($r=0,21$; $p \leq 0,01$).

Наиболее ощутимыми для граждан оказались экономические последствия от введения нерабочих дней (табл. 1). Каждый второй участник опроса в ходе интервью утверждал, что карантинные меры негативно отразились на финансовом состоянии его семьи (49,5% всех опрошенных). Ухудшение финансового благосостояния во многом вызвано ограничениями на ведение экономической деятельности, что повлекло за собой рост числа безработных. Так, по результатам опроса удалось установить, что 13,2% респондентов потеряли работу после введения локдауна весной 2020 г. Доля тех, кому удалось адаптироваться и организовать новые источники заработка, оказалась сопоставимой с теми, кто потерял работу (13,2% всех респондентов), однако в их числе лишь 3,7% новоиспеченных безработных. Следовательно, итогами введения нерабочих дней стала неутешительная статистика — примерно каждый десятый петербуржец потерял работу и не смог ее восполнить другими источниками заработка.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Отражают ли перечисленные суждения перемены, произошедшие с Вами за время карантина?»

Суждения	% от общего числа респондентов		
	отражают	не отражают	затрудняюсь ответить
Карантинные меры негативно отразились на финансовом состоянии моей семьи	49,5	45,5	5
Я успел(а) сделать много дел, которые ранее откладывал(а) из-за нехватки времени	36,1	57,1	6,8
В результате карантина у меня ухудшилось психоэмоциональное состояние (эмоциональное истощение, депрессии, тревожность)	31,1	63,7	5,2
Во время карантина мне удалось укрепить отношения с близкими людьми	30	53,4	16,6
Из-за постоянного пребывания дома во время карантина у меня заметно ухудшилось состояние здоровья	27,4	58,9	13,7
Находясь дома, я наконец-то остался(лась) наедине с собой и смог(ла) многое обдумать	26,6	56,6	16,8
Мне с трудом даются дистанционные формы работы/обучения	21,6	39,2	39,2
За время карантина мне удалось освоить новые формы работы/обучения (например, дистанционные)	20,8	66,6	12,6
В моем окружении были люди, которые скончались от коронавируса	16,1	78,6	5,3
За время карантина мне удалось найти новые источники заработка	13,2	82,1	4,7
Из-за карантина я потерял(а) работу	13,2	78,4	8,4
За время карантина у меня испортились отношения с близкими людьми, проживающими вместе со мной	10	83,9	6,1

Финансовые трудности в совокупности с необходимостью соблюдать строгий режим самоизоляции и, как следствие, нарушение привычного течения повседневной жизни негативно повлияли на здоровье петербуржцев. В первую очередь это коснулось их внутреннего самочувствия. По результатам опроса треть респондентов (31,1% от общего числа опрошенных) отметили у себя ухудшение психоэмоционального состояния во время нерабочих дней. Примерно столько же опрошенных (27,4% от всех респондентов) утверждали, что из-за постоянного пребывания дома во время карантина у них заметно ухудшилось состояние здоровья. Тем не менее многим удалось адаптироваться к изменившимся условиям и использовать высвободившееся время для саморазвития. Среди позитивных факторов, связанных с необходимостью соблюдать режим самоизоляции и оставаться дома, многие петербуржцы отмечали возможность решить давно отложенные дела и наладить общение с близкими людьми. В ходе опроса каждый третий респондент отмечал, что он успел сделать много дел, которые ранее откладывал из-за нехватки времени (36,1% опрошенных), а каждый четвертый утверждал, что, находясь дома, наконец-то остался наедине с собой и смог многое обдумать (26,6% опрошенных). Среди опрошенных каждый пятый заявил, что ему удалось освоить новые (дистанционные) формы работы или обучения (20,8% от всех респондентов), и такая же часть отметила, что это им дается с трудом (21,6% от всех респондентов).

Вынужденное соседство повлияло и на взаимоотношения между людьми, проходящими самоизоляцию совместно. Многие участники опроса утверждали, что взаимоотношения с близкими людьми по истечении карантинных мер изменились. Большинство опрошенных отметили изменения в лучшую сторону (30% от всех респондентов). В то же время каждый десятый (10% от всех опрошенных) ответил, что отношения с близкими людьми, проживающими совместно во время самоизоляции, испортились.

Следует также отметить, что среди опрошенных петербуржцев оказалось немало тех, в чьем окружении были люди, скончавшиеся от коронавируса (16,1% от всех респондентов). Корреляционный анализ показал, что такое трагическое событие не оказало сколько-либо существенного влияния на гражданские установки и гражданское поведение опрошенных.

Несмотря на масштаб угрозы и ощутимые последствия от введения противоэпидемических ограничительных мер, пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 на момент опроса не оценивалась петербуржцами как наиболее значимый фактор обыденной жизни. В их восприятии угроза распространения коронавируса уступала по значимости таким общественным проблемам, как коррупция в органах власти, халатность чиновников или высокие цены на продовольственные товары (табл. 2). Как часть общественной жизни пандемия COVID-19 имеет ряд общих черт с озвученными гражданами вопросами: первая — как та, так и другие имеют общественный масштаб, оказывают влияние на всех граждан; вторая — ключевым субъектом в обоих случаях выступают представители органов государственной власти, что свидетельствует о явном недостатке институционального доверия у граждан по отношению к государству. Иначе говоря, чем меньше гражданам доверяют государственным органам, тем меньшую значимость для них имеет проблематика распространения пандемии. И наоборот, как отмечает Ю. В. Латов по итогам аналитического исследования, направленного на изучение институцио-

нального доверия, его значимости как социального капитала современной России: «...россияне с более высоким уровнем институционального доверия демонстрируют повышенную лояльность к антиковидным мерам...» [28, с. 175].

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, какие факторы обыденной жизни вызывают у людей наибольшее беспокойство?»

Факторы обыденной жизни	% от общего числа респондентов
Коррупция в органах власти	65,0
Высокие цены на повседневные товары	65,0
Халатность чиновников	57,6
Эпидемия коронавирусной инфекции	51,7
Международная обстановка	31,6
Разбитые дороги	29,2
Пробки на дорогах	27,3
Высокий уровень преступности	27,3
Нелегальная торговля и торговля контрафактной продукцией	20,4
Техногенные аварии	19,6
Массовые скопления людей	13,5
Неисправный и плохо работающий общественный транспорт	12,2

Таким образом, можно констатировать, что пандемия COVID-19 как медико-социальное явление в момент проведения опроса оказывала существенное влияние на общественную жизнь петербуржцев. Внушительность произведенных ею последствий отразилась в оценках и взглядах респондентов, что позволяет говорить о пандемии как об экспрессивно значимом событии, обладающем достаточным символическим значением для образования в обществе партикулярной солидарной среды. В то же время восприятие петербуржцами рисков распространения коронавирусной инфекции как угрозы общественной безопасности во многом определилось низким уровнем институционального доверия.

Установки гражданской солидарности

Для того чтобы оценить различные аспекты включенности петербуржцев в противоэпидемическое поле гражданской солидарности, респондентов просили оценить 12 соответствующих суждений, представленных в произвольном порядке. Далее для удобства анализа и интерпретации данные суждения были сгруппированы в соответствии с представляемыми ими характеристиками.

Первая группа суждений была направлена на оценку уровня экспрессивной интернализации гражданами противоэпидемических солидаризационных символов (табл. 3). Основным смысловым конструктом, позволяющим устойчиво организовать действия, направленные на сдерживание общественной угрозы в условиях пандемии, является убежденность в неприемлемости и непреодолимости

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «В какой степени перечисленные суждения отражают Вашу точку зрения в отношении мер противодействия эпидемии COVID-19?»

№	Суждения	% от общего числа респондентов				
		Категорически не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Совершенно согласен
1	Каждый должен переболеть этим вирусом, чтобы приобрести необходимый иммунитет	35	13,4	25	13,7	12,9
2	Опасность, связанная с распространением коронавирусной инфекции, во многом преувеличена	18,4	15,5	19,2	17,7	29,2
3	Ношение средств индивидуальной защиты позволит человеку избежать заражения коронавирусом и обезопасит окружающих	29,2	13,9	8,9	21,3	26,7

последствий от заражения человека коронавирусом. Результаты опроса показывают, что степень экспрессивной вовлеченности граждан в противоэпидемическую проблематику на момент проведения исследования была достаточно низкой. Несмотря на то что большинство опрошенных считали перспективу заразиться COVID-19 неприемлемой (48,4 % от всех опрошенных), четверть участников опроса оказались все же убеждены — COVID-19 должен переболеть каждый, в результате чего будет приобретен необходимый иммунитет (26,6 % от всех опрошенных). В оценках значимости угрозы распространения коронавируса петербуржцы разделились на две практически равнозначные группы: тех, кто считает опасность преувеличенной (46,9 % от всех опрошенных), и тех, кто убежден в обратном (43,1 % от всех опрошенных).

Еще одним смысловым конструктом, имеющим большое значение для организации противоэпидемических мероприятий, является убежденность граждан в эффективности средств индивидуальной защиты (далее СИЗ) для предотвращения заражения. Проведенный опрос показал, что эта установка на момент опроса не находила должного отклика практически у половины опрошенных, отказывающих им в эффективности (43,1 % от всех опрошенных). Учитывая, что данная установка наделяет значимостью большую часть профилактических и карантинных мероприятий, можно отметить у граждан низкий уровень эмпатического восприятия солидаризационных символов в «постлокдаунный» период.

Вторая группа суждений, оцениваемых участниками опроса, была направлена на анализ интенсивности императивов гражданского участия посредством изучения соответствующих установок в оценках респондентов (табл. 4). Проведенный

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «В какой степени перечисленные суждения отражают Вашу точку зрения в отношении мер противодействия эпидемии коронавируса COVID-19?»

№	Суждения	% от общего числа респондентов				
		Категорически не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Совершенно согласен
1	Без слаженных действий всех граждан сдержать угрозу распространения коронавируса невозможно	11,6	7,1	13,7	16,6	51
2	Каждый гражданин сам свободен решать, следует ли ему находиться на самоизоляции и соблюдать прочие карантинные меры	28,2	15	9,7	12,4	34,7
3	Карантинные меры не могут соблюдать люди, которым необходимо зарабатывать деньги	14,7	5,7	12,2	12,9	54,5

опрос показал, что потенциал интеграции в вопросах борьбы с пандемией среди петербуржцев весьма высок, однако носит неоднородный характер. Несмотря на то что необходимость кооперации с целью обеспечения общественной безопасности осознается и принимается большинством петербуржцев (67,6% от всех опрошенных), практически каждый пятый участник опроса выразил нежелание объединяться с соотечественниками по данному поводу (18,7% от всех опрошенных). Примечательно, что половина петербуржцев (47,1% от всех опрошенных) оставили за собой право принимать решение, следовать ограничительным и профилактическим мерам, направленным на сдерживание эпидемии, или игнорировать их. В случаях же, когда интеграция в противоэпидемическое поле гражданской солидарности грозила обернуться серьезными финансовыми рисками или другими материальными издержками, большинство опрошенных оправдали людей, нарушающих ограничения (67,4% от всех опрошенных). Обобщая, можно отметить, что в солидаризационных установках петербуржцев достаточно сильны индивидуалистические настроения, а сама интеграция в противоэпидемическое поле гражданской солидарности на момент проведения опроса воспринималась большинством опрошенных «факультативно».

В третью группу были включены суждения, направленные на изучение противоэпидемических аспектов социального контроля (табл. 5). Эмпатическая отчужденность большей части петербуржцев, формально солидаризирующихся в условиях пандемии коронавируса, нашла отражение в высоком уровне гражданского недоверия, выявленном в ходе данного исследования. Опрос показал: многие

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «В какой степени перечисленные суждения отражают Вашу точку зрения в отношении мер противодействия эпидемии коронавируса COVID-19?»

№	Суждения	% от общего числа респондентов				
		Категорически не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Совершенно согласен
1	Люди придерживаются карантинных мер только потому, что за их несоблюдение предусмотрена административная или уголовная ответственность	26,6	21,5	11,1	21,3	19,5
2	Многие люди соблюдают меры предосторожности формально, чтобы избежать осуждения	14,4	13,7	15,3	29,2	27,4

петербуржцы на момент исследования были убеждены, что их соотечественники соблюдают противоэпидемические меры только потому, что за их нарушением следует административная или уголовная ответственность (40,8% от всех опрошенных). Несмотря на подчеркнутую формализацию социальных отношений, такая оценка свидетельствует о достаточно высокой эффективности формальных компонентов противоэпидемического социального контроля, организующих солидарное поведение граждан, тем более что большинство респондентов считают, что их соотечественники соблюдают карантинные меры формально, дабы избежать осуждения (56,6% от всех опрошенных).

В четвертую группу вошли оценки интеграционной роли государства в части формирования инфраструктуры гражданского участия, направленной на противодействие эпидемической угрозе (табл. 6). Как показал опрос, в большинстве своем петербуржцы считают, что государство не смогло в период введенных им нерабочих дней создать достаточные условия для того, чтобы граждане соблюдали режим самоизоляции (50,3% от всех опрошенных). Некоторый патернализм в суждениях респондентов объясним, поскольку такого рода мобилизация неизбежно должна была привести к серьезным неудобствам и трудностям, на которые граждане, впрочем, исходя из опроса, были готовы пойти для обеспечения общественной безопасности (66,9% от всех опрошенных). Тем не менее большинство опрошенных негативно оценили солидаризирующую функцию государства, оказавшегося неспособным интегрировать вокруг противоэпидемической проблематики большинство граждан, игнорирующих требования по соблюдению мер профилактики распространения коронавируса (54,8% от всех опрошенных). В результате большинство опрошенных петербуржцев по итогам опроса высказали убежденность, что негативные последствия от введения карантинных мер значительно превысили их конечную пользу (49,8% от общего числа респондентов).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «В какой степени перечисленные суждения отражают Вашу точку зрения в отношении мер противодействия эпидемии коронавируса COVID-19?»

№	Суждения	% от общего числа респондентов				
		Категорически не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Совершенно согласен
1	В период карантина были созданы благоприятные условия для соблюдения самоизоляции, связанные с переходом на дистанционную форму работы/обучения	35,5	14,8	16,8	13,9	19
2	Ради обеспечения общественной безопасности можно потерпеть даже серьезные неудобства и трудности	11,3	8,1	13,7	18,7	48,2
3	Меры профилактики коронавируса малоэффективны, поскольку большинство их не соблюдает	9,4	11,3	24,5	18,7	36,1
4	Негативные последствия от введения карантинных мер значительно превышают их конечную пользу	14,4	9,7	26,1	17,4	32,4

Включенность петербуржцев в противоэпидемическую проблематику гражданской солидарности носила на момент опроса неоднородный характер. Отвечая на вопрос «Насколько меры по противодействию распространения коронавируса (COVID-19) важны для обеспечения общественной безопасности РФ?», лишь немногим более половины всех опрошенных признали важность карантинных мер для сдерживания эпидемии (61,1% опрошенных). Из них 29,9% утверждали, что предпринимаемые меры очень важны, а 33,2% — скорее важны. Доля тех, кто считает меры по противодействию распространения COVID-19 лишенными эффективности, оказалась также достаточно велика (6,6% — скорее не важны; 7,6% — совсем не важны).

Иначе говоря, далеко не все граждане восприняли риск распространения COVID-19 как угрозу общественной безопасности. Анализ установок гражданской солидарности показал: многие петербуржцы разделяют идеи, занижающие значимость пандемии COVID-19 как общественной угрозы. Такого рода взгляды

направлены на критику действий, предпринимаемых органами власти, а также формализацию или полное игнорирование противоэпидемической солидарности. Комплементарность названных установок позволяет говорить о существовании внутри гражданской солидарности интегрированного поля, противопоставляемого жителями города официальному мобилизационному дискурсу, направленному на сдерживание угрозы распространения коронавирусной инфекции.

Таким образом, структура гражданской солидарности, направленной на противодействие пандемии COVID-19, продемонстрировала высокую долю формализации и эмпатической редуцированности своих символических оснований, в результате чего отмечается низкий уровень эмпирической значимости образованного ею порядка.

Солидаризационные практики петербуржцев в условиях пандемии

В условиях эпидемиологической угрозы гражданская солидарность наиболее явно выражается в соотносении действий граждан с требованиями социальной мобилизации. Для того чтобы оценить, насколько петербуржцы оказались интегрированы в противоэпидемические солидаризационные практики, респондентам задавался следующий вопрос: «Какие из мер, направленных на противодействие распространению коронавирусной инфекции, Вы соблюдали?» Ответы на данный вопрос позволили оценить, каким образом культурные эталоны поведения, связанные с необходимостью противостоять эпидемиологической угрозе, отразились в поступках граждан.

Как показало исследование, петербуржцы в большинстве своем соблюдали личные меры профилактики, связанные с использованием в общественных местах таких средств индивидуальной защиты, как маска и перчатки (86,3 % всех опрошенных), а также с усиленной личной гигиеной (79,7 % от общего числа респондентов). В отношении остальных мер, требующих существенных издержек (социальных и материальных), жители города проявили большую избирательность. Доля опрошенных, соблюдавших социальную дистанцию во время нерабочих дней, составила 70,8 % от всех опрошенных, а хуже всего петербуржцы соблюдали режим самоизоляции (63,2 % от всех респондентов). Такая ситуация не является исключением для Санкт-Петербурга, поскольку полученные нами данные в целом соответствуют федеральным показателям — по данным общероссийского социологического опроса, проведенного в апреле 2020 г., 67 % россиян в период режима нерабочих дней чаще оставались дома [29, с. 10].

Доля ковид-скептиков, утверждавших в рамках опроса, что они не соблюдали ничего из вышперечисленного, составила 6,1 % от всех опрошенных. Последующий анализ не выявил каких-либо социально-демографических характеристик, отличающих эту группу респондентов, однако в большинстве своем «уклонисты» придерживаются дезинтеграционных взглядов, освобождающих их от необходимости соотносить свои действия с противоэпидемическими установками гражданской солидарности.

Таким образом, подтверждается сформулированный выше тезис о некотором формализме, проявляющемся в гражданских установках петербуржцев, удовлетво-

ряющих те требования социальной мобилизации, которые не влекут социальных последствий или серьезных расходов. В такого рода избирательности по отношению к нормативным основаниям гражданской солидарности проявляется кризис социальной аномии, интеграционная логика которого допускает рутинные практики нарушения закона.

Также следует отметить, что весьма значимым элементом гражданской солидарности, который формируется в условиях эпидемиологической угрозы, является участие добровольцев в общественной деятельности, направленной на борьбу с распространением вируса или оказание содействия в устранении его последствий, помощи пострадавшим. Для того чтобы охарактеризовать такого рода солидаризационные практики, петербуржцам задавался следующий вопрос: «Приходилось ли Вам за время карантинных мероприятий принимать участие в какого-либо рода волонтерской, благотворительной деятельности?» Лишь 6,3 % от принявших участие в опросе петербуржцев ответили утвердительно. Данный вопрос носил открытый характер, а анализ полученных ответов позволил выделить две основные формы практикуемой среди граждан кооперации: участие в деятельности волонтерских организаций и неформальные солидаризационные практики.

Первая форма связана с организованной волонтерской деятельностью (3,4 % от всех опрошенных), в рамках которой граждане выступали донорами крови, доставляли продукты пожилым людям или раздавали личные вещи. Полученные нами результаты в целом соответствуют данным, опубликованным в августе 2020 г. центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, в соответствии с которыми после начала эпидемии коронавируса в организованной волонтерской деятельности принимали участие не более 3 % россиян. Согласно их данным, пандемия не повлияла на количество людей, принимающих участие в деятельности волонтерских организаций, однако «период коронавируса привел к потере существенной доли “опытных” волонтеров. Так, почти каждый четвертый, занимающийся волонтерским трудом в 2019 г., в период эпидемии стал уделять добровольческой работе меньше времени (27 %)», — отмечают И. В. Мерсианова и Н. В. Иванова [29, с. 122].

Вторая форма гражданского участия связана с неформальными солидаризационными практиками, направленными на помощь нуждающимся соседям и близким людям (2,3 % от всех опрошенных). В рамках таких практик люди осуществляли раздачу школьных продуктовых наборов тем гражданам, кто больше нуждается, помогали пожилым людям, живущим по соседству, а также посылали деньги в приюты для животных. Данная тенденция характерна не только для российского общества. Зарубежные исследователи отмечают, что в большинстве стран, столкнувшихся с эпидемией COVID-19, наблюдается такой интеграционный феномен, как неформальная солидарность — то есть такое явление, как «проявление гражданских или социальных инициатив, источником и участником которых являются отдельные граждане или группы граждан, действующие без прямой связи с государством и, как правило, противопоставляющие свои действия и идеи существующим устоявшимся институтам и нормам» [30, с. 123].

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на рост индивидуалистических настроений, в обществе на момент опроса образовался значительный интеграционный потенциал, находящий отражение в неформальных солидариза-

ционных практиках. В то же время изменения в структуре организованного волонтерского движения свидетельствуют о недостаточной эффективности некоммерческих институтов гражданского участия, способных лишь частично реализовать интеграционный потенциал, образовавшийся в ходе формирования противоэпидемических форм гражданской солидарности.

Факторы интенсивности установок гражданской солидарности

Факторы, оказывающие наибольшее влияние на интенсивность гражданских установок в отношении мер противодействия COVID-19, выявлялись с помощью использования корреляционного анализа. Далее представлены наиболее значимые коэффициенты (табл. 7).

Самое значительное влияние на вовлеченность граждан в противоэпидемические солидаризационные практики оказывает интенсивность разделяемых ими императивов гражданского участия, а также общая включенность в коронавирусную проблематику. Меньшее влияние на вовлечение граждан в соответствующие солидаризационные практики оказали негативные последствия, явившиеся результатом введения периода нерабочих дней, а также последствия самого заражения COVID-19.

Значительное влияние на готовность следовать солидаризационным установкам оказал возраст респондента и род его занятий. Данное утверждение верно в части соблюдения гражданами режима самоизоляции, а также сохранения социальной дистанции с людьми из группы риска. Повышенное внимание к названным практикам характерно в большей степени для пожилых людей, что, на наш взгляд, связано с ростом вместе с возрастом респондентов и рисков заражения, протекающего в тяжелой форме. Стоит учитывать и образ жизни опрошенных пенсионеров, большинство из которых на момент опроса нигде не работали.

Также на готовность оставаться дома в период нерабочих дней оказал характер трудовой деятельности человека (табл. 8). Высокий уровень дисциплины в этом вопросе продемонстрировали те социальные группы, члены которых могут проводить в местах проживания значительное время (безработные, пенсионеры, домохозяйки). Примечательно, что к их числу относятся и люди, занимающие социально ориентированные должности, оплачиваемые в большинстве своем из бюджетных средств.

Таким образом, можно констатировать, что негативные последствия пандемии COVID-19 не оказали существенного влияния на гражданское поведение петербуржцев, определяемое в большей степени их гражданской позицией и включенностью в противоэпидемическую проблематику. Структурный анализ ответов подтвердил обозначенный во введении рост индивидуалистических настроений в условиях потенциальной опасности заражения со смертельным исходом.

Выводы и рекомендации

Пандемия COVID-19 оказала значительное и в большей степени негативное влияние на жизнь петербуржцев, закрепившись в общественном восприятии как национальная угроза. Тем не менее гражданская солидарность, направленная на

Таблица 7. Результаты корреляционного анализа

№	Вопросы	Какие из мер, направленных на противодействие распространению коронавирусной инфекции, Вы соблюдали?				
		Ношение СИЗ в общественных местах	Усиленная личная гигиена	Соблюдение социальной дистанции	Избегание контактов с людьми из «группы риска»	Соблюдение режима самоизоляции
1	Насколько меры по противодействию распространения коронавируса (COVID-19) важны для обеспечения общественной безопасности РФ?	-0,196**	-0,284**	-0,265**	-0,254**	-0,260**
2	Без слаженных действий всех граждан сдержать угрозу распространения коронавируса невозможно	0,197**	0,187**	0,244**	0,181**	0,263**
3	Ради обеспечения общественной безопасности можно потерпеть даже серьезные неудобства и трудности	0,246**	0,154**	0,264**	0,172**	0,141**
4	Карантинные меры негативно отразились на финансовом состоянии моей семьи	-0,106	-0,169**	-0,102*	-0,114	-0,117
5	В моем окружении были люди, которые скончались от коронавируса	-0,010	-0,077	-0,103*	-0,067	0,074
6	Из-за карантина я потерял(а) работу	0,009	0,019	0,072	0,031	0,017
7	Пол респондента	0,088	0,145**	0,145**	0,162	0,246**
8	Возраст респондента	0,154**	0,163**	0,296	0,206	0,202**
9	Род занятий	0,001	0,040	0,107*	0,118*	0,239**

Примечания: ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя). * Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Таблица 8. Доля респондентов, указавших, что они не находились в период нерабочих дней на самоизоляции, в зависимости от рода их занятий

Ваш род занятий	% от общего числа респондентов, указавших определенный род занятий
Временно неработающий, инвалид, иждивенец	10,5
Пенсионер (неработающий)	18,3
Домохозяйка	20,0
Специалист-гуманитарий с высшим образованием (учитель, врач, юрист, бухгалтер, дизайнер...)	22,2
Специалист-техник с высшим образованием (инженер, программист...)	36,4
Другое	38,1
Технический персонал со средним образованием (техник, секретарь, медсестра...)	46,2
Руководитель среднего, высшего звена	47,6
Работник сферы обслуживания (продавец, повар, парикмахер...)	50,0
Учащийся, студент	54,5
Квалифицированный рабочий (станочник, водитель...)	56,3
Неквалифицированный рабочий (грузчик, уборщица, дворник...)	58,8
Индивидуальный предприниматель	70,0

противостояние распространению заболевания, по прошествии периода нерабочих дней так и не обрела в обществе абсолютного характера. Как показало исследование, многие граждане в этот период придерживались дезинтеграционных взглядов, исключающих солидаризацию по данному вопросу. Преодоление же образовавшегося разрыва, включение в гражданскую солидарность дистанцирующихся от нее групп невозможно без поддержания в общественном информационном поле последовательного и конструктивного диалога со сторонниками отличающихся друг от друга точек зрения по различным аспектам проводимой мобилизации. Исключение из соответствующего дискурса какой-либо части гражданского общества, имеющей мнение в отношении обсуждаемого вопроса, отличное от официального, непременно усилит отчужденность и радикализацию сомневающихся групп населения.

В условиях пандемии структура гражданской солидарности, направленной на противодействие глобальной угрозе, воспроизвела тенденцию к эмпатической редуцированности своих экспрессивно-символических оснований, характерную для российского общества, переживающего кризис социальной аномии. Данная тенденция нашла свое отражение в росте индивидуалистских настроений, а также некоторой избирательности, продемонстрированной опрошенными гражданами в отношении соблюдения мер профилактики коронавируса. И все же образовавшаяся в обществе солидарность произвела интеграционный импульс, выразившийся в росте неформальных солидаризационных практик, многие из которых на момент

опроса не смогли инкорпорироваться в уже сложившиеся формы гражданского участия.

Для повышения эффективности мобилизационных мероприятий необходимо создавать адаптивные информационно-коммуникационные инструменты, позволяющие координировать усилия гражданских субъектов, тем самым развивая интеграционный потенциал, образующийся в процессе построения гражданской солидарности. Работа в этой области чрезвычайно важна. Гражданские организации продемонстрировали в борьбе с пандемией высокую эффективность, оперативно отреагировав на запрос о необходимой помощи на местах. Во многих странах они взяли на себя значимую роль в предоставлении медицинской помощи и психологической поддержки. Гражданские объединения предоставляли продукты питания, средства индивидуальной защиты и предметы первой необходимости, часто заполняя пустоту, образовавшуюся из-за медлительности государства⁵.

Произведенный в статье анализ позволил определить наиболее значимые факторы, оказывающие влияние на формирование солидаристских установок у петербуржцев. К таким факторам можно отнести интернализацию на индивидуальном уровне общественных императивов гражданского участия, а также экспрессивно-символических оснований гражданской солидарности. В связи с этим можно констатировать, что эффективность управленческих мер, направленных на интенсификацию гражданского участия в части противостояния пандемии, зависит в большей степени от целенаправленной работы по построению в обществе гражданской солидарности, развитой системы гражданских ценностей. Данная работа должна производиться в российском обществе системно, а ее основная цель — преодоление современных форм социальной аномии. Без этого противостояние национальным вызовам, требующим обширной гражданской мобилизации, будет каждый раз сталкиваться с кризисом правосознания и институционального доверия, наделяемым в общественном восприятии чертами общественного договора.

Заключение

Необходимо отметить, что наличие в обществе развитой системы гражданской солидарности является важным условием обеспечения национальной резистентности в противоречивых условиях постглобализирующегося мира. В ситуации существующей угрозы общественной безопасности гражданская солидарность выступает в роли производителя и одновременно в качестве интегратора объединяющих смыслов. Проведенное нами исследование позволило описать структуру гражданской солидарности и определить факторы, оказывающие на нее наибольшее влияние. Обе исследовательские гипотезы в ходе проведения исследования подтвердились.

Теоретико-методологическая модель, предложенная нами для изучения гражданской солидарности в условиях общественной угрозы, подтвердила свою состоятельность и эвристический потенциал. Исследовательская работа в этой области позволит детально изучить социокультурные ресурсы, необходимые для граждан-

⁵ Solidarity in the time of COVID-19. Civil society responses to the pandemic. URL: https://civicus.org/documents/reports-and-publications/SOCS/2020/solidarity-in-the-time-of-covid-19_en.pdf (дата обращения: 23.12.2021).

ской солидарности в условиях угрозы национальной безопасности, вне зависимости от того, идет ли речь о пандемии, вооруженном конфликте или природных/техногенных катастрофах.

Основным недостатком представленного исследования является сосредоточение выборочной совокупности в территориальных рамках муниципального масштаба, в результате чего существенно ограничивается его репрезентативный потенциал. Также в числе недостатков можно назвать существенный временной разрыв между эмпирическим и аналитическим исследовательскими этапами, а также отсутствие качественных методов, используемых для содержательного раскрытия факторов, обуславливающих развитие изучаемого феномена.

Литература

1. *Иванов Д. В.* Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55.
2. *Яницкий О. Н.* Вызовы и риски глобализации. Семь тезисов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 29–39.
3. *Мау В. А.* Экономика и политика 2019–2020 гг.: глобальные вызовы и национальные ответы // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 5–27.
4. *Щетинина И. В.* Государственные ограничительные меры в условиях пандемии и их социально-экономические последствия // ЭКО. 2020. № 5. С. 156–174.
5. *Кошарная Г. Б.* Гражданское общество как фактор реализации консолидационных процессов российского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2 (34). С. 154–162.
6. *Покида А. Н.* Правовые ценности современных россиян: приоритеты и противоречия // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 92–99.
7. *Мещерякова Н. Н.* Особенности аномии в современном российском обществе: синергетический подход: дис. ... д-ра социол. наук. М.: МГИМО, 2015.
8. *Поверинов И. Е., Писачкин Д. В.* Социальный контроль в системе социологического знания // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2013. № 2 (22). С. 74–82.
9. *Сердюков Б. В.* Гражданская солидарность в сфере общественной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 2. С. 172–189.
10. *Решетников А. В.* Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 138–143.
11. Гражданское общество в самоизоляции // Левада-Центр*. 2020. 03.04. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/03/grazhdanskoe-obshhestvo-v-samoizolyatsii/> (дата обращения: 06.03.2022).
12. *Макушева М. О.* Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427–447.
13. Прощай, COVID? / под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020.
14. *Воронов В. М.* Пандемия COVID-19 как экзистенциальное и культурное событие: группы, культурные границы и феномен настроения (на примере российского общества) // Журнал фронтирных исследований. 2021. № 1 (21). С. 41–68.
15. *Гофман А. Б.* Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник. М., 2012. С. 97–167.
16. *Кармадонов О. А., Ковригина Г. Д.* Неочевидность солидарности: проблема эмпирического изучения трудно верифицируемых социальных состояний // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 14–23.
17. *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. Т. 4 / общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983.
18. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли / общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. М.: Прогресс-Политика, 1992.

* Признан иностранным агентом Министерством юстиции РФ.

19. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер с фр. А. Б. Гофмана; примеч. В. В. Сапова. М.: Канон, 1996.
20. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
21. Вебер М. Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990.
22. Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994.
23. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2002.
24. Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод. М.: Элементарные формы, 2017.
25. Шюц А. Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
26. Хабермас Ю. Политические работы / сост. А. В. Денежкина. М.: Праксис, 2005.
27. Кравченко С. А. Социологический толковый русско-английский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2013.
28. Латов Ю. В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161–175.
29. «Черный лебедь» в белой маске: аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / под ред. С. М. Плаксина, А. Б. Жулина, С. А. Фаризовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
30. Лункин Р. Н. Неформальная солидарность на фоне пандемии // Научно-аналитический вестник института Европы РАН. 2020. № 4. С. 122–128.

Статья поступила в редакцию 10 марта 2022 г.;
рекомендована к печати 31 октября 2022 г.

Контактная информация:

Сердюков Борис Владимирович — serd_bv@mail.ru

Civic solidarity in the context of the COVID-19 pandemic

B. V. Serdyukov

Centre for Social Technologies and Applied Research “SPHERE” Ltd,
47, ul. Blagodatnaya, St Petersburg, 196105, Russian Federation

For citation: Serdyukov B. V. Civic solidarity in the context of the COVID-19 pandemic. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2022, vol. 15, issue 4, pp. 340–365.
<https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.403> (In Russian)

The COVID-19 pandemic will remain in history as one of the most significant and tragic events that took place in 2020–2021. The threat of rapid distribution of coronavirus demanded from state bodies of various countries of decisive actions. These actions were aimed at ensuring the safety of their population, as well as to prevent mass infection of the population. The need to urgently mobilize people to combat the epidemiological threat made urgent work to build the appropriate forms of civil solidarity. The Russian Federation also took part in this process. However, the urgent need to coordinate this process in the shortest possible time inevitably led to increased load on the integration infrastructure of Russian society. As a result of such a load, this integration structure and its inherent features became more understandable. In this process, it was also possible to identify those problems that are usually difficult to diagnose in a society in a state of balance. This article presents the results of a sociological study devoted to the analysis of the civil solidarity of residents of St Petersburg in the face of the threat of the spread of pandemic COVID-19. The work presents a methodological construct based on the works of classics of sociology. This construct made it possible to analyze the specifics of

the integration of Petersburgers into those relations of civic solidarity that make it possible to counteract the risks of coronavirus spread. The article describes the logic of development and the structure of civic solidarity in the conditions of the COVID-19 pandemic. The article also analyzed by citizens the perception of the threat of coronavirus distribution as a factor in public life and its integration significance in the context of the formation of a particular joint environment. The result of the study was a description of the most common solidarization practices aimed at counteracting the pandemic, and the disclosure of the main factors that affect the civil behavior of the city's inhabitants.

Keywords: civic solidarity, civil mobilization, social solidarity.

References

1. Ivanov D.V. Augmented modernity: effects of post-globalization and post-virtualization. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2020, no. 5, pp. 44–55. (In Russian)
2. Yanitsky O.N. Challenges and risks of globalization. Seven theses. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2019, no. 1, pp. 29–39. (In Russian)
3. Mau V.A. Economics and politics in 2019–2020: global challenges and national answers. *Voprosy ekonomiki*, 2020, no. 3, pp. 5–27. (In Russian)
4. Shchetinina I.V. Public restrictions during pandemic and their socio-economic consequences. *Eko*, 2020, no. 5, pp. 156–174. (In Russian)
5. Kosharnaya G.B., Tolubaeva L.T. Civil society as a realization factor of consolidation processes of the Russian society. *Isvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*, 2015, no. 2 (34), pp. 154–162. (In Russian)
6. Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. Legal values of the Russian population. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2020, no. 1, pp. 92–99. (In Russian)
7. Meshheryakova N.N. *Features of anomia in the contemporary Russian society: synergistic approach*: Dr. Sci. (Sociological Sciences) diss. Moscow, MGIMO University, 2015. (In Russian)
8. Poverinov I.E., Pisachkin D.V. The social control in the system of sociological knowledge. *Gumanitarii: aktualnye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia*, 2013, no. 2 (22), pp. 74–82. (In Russian)
9. Serdyukov B.V. Civil solidarity in the sphere of public security. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2018, vol. 11, iss. 2, pp. 172–189. (In Russian)
10. Reshetnikov A.V., Prisyazhnaya N.V., Pavlov S.V., Vyatkina N.Yu. Perception of the COVID-19 pandemic by Moscow residents. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2020, no. 7, pp. 138–143. (In Russian)
11. Civil society in self-isolation. *Levada-center*, 2020, 03.04. Available at: <https://www.levada.ru/2020/04/03/grazhdanskoe-obshchestvo-v-samoizolyatsii/> (accessed: 06.03.2022). (In Russian)
12. Makusheva M.O., Nestik T.A. Socio-psychological preconditions and effects of trust in social institutions in a pandemic. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2020, no. 6, pp. 427–447. (In Russian)
13. *Goodbye, Covid?!* / Gaaze K., Danilov V., Dudenkova I., Kralechina D., Safonova P. (eds). Moscow: Gaidar Institute Press, 2020. (In Russian)
14. Voronov V.M. The COVID-19 pandemic as an existential and cultural event: groups, new cultural boundaries, and the phenomenon of mood (a case of study of the Russian society). *Zhurnal frontirnykh issledovaniia*, 2021, no. 1 (21), pp. 41–68. (In Russian)
15. Gofman A.B. Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration. *Sotsiologicheskii ezhegodnik*. Moscow, 2012, pp. 97–167. (In Russian)
16. Kovrigin G.D., Karmadonov O.A. The non-obvious solidarity: the problem of empirical study of hardly verified social states. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2018, no. 10, pp. 14–23. (In Russian)
17. Aristotle. *Works*, in 4 vols. Vol. 4. Moscow, Mysl' Publ., 1983. (In Russian)
18. Aron R. *Stages of Development of Sociological Thought*. Gurevich P.S. (ed.). Moscow, Progress-Politika Publ., 1992. (In Russian)
19. Durkheim E. *The Division of Labor in Society*. Moscow, Kanon Publ., 1996. (In Russian)
20. Weber M. *Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology*, in 4 vols. Moscow, HSE Press, 2016. (In Russian)
21. Weber M. *Collected works*. Moscow, Progress Publ., 1990. (In Russian)
22. Bergson H. *The Two Sources of Morality and Religion*. Moscow, Kanon Publ., 1994. (In Russian)

23. Parsons T. *The Structure of Social Action*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2002. (In Russian)
24. Blumer H. *Symbolic interactionism: Perspective and method*. Moscow, Elementarnie formy Publ., 2017. (In Russian)
25. Schütz A. *A world that shines with meaning*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. (In Russian)
26. Habermas J. *Political works*. Moscow, Praxis Publ., 2005. (In Russian)
27. Kravchenko S. A. *Sociological Explanatory Russian-English Dictionary*. Moscow, MGIMO-University Press, 2013. (In Russian)
28. Latov Yu. V. Institutional trust as a social capital in modern Russia (on the results of monitoring). *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2021, no. 5, pp. 161–175. (In Russian)
29. “Black Swan” in a white mask. *Analytical report to the anniversary of the pandemia COVID-19*. Plaksin S. M., Zhulin A. B., Farizova S. A. (eds). Moscow: HSE Press, 2021. (In Russian)
30. Lunkin R. N. Informal solidarity in the context of pandemic. *Nauchno-analiticheskii vestnik instituta Evropy RAN*, 2020, no. 4, pp. 122–128. (In Russian)

Received: March 10, 2022
Accepted: October 31, 2022

Author's information:

Boris V. Serdyukov — serd_bv@mail.ru

СОЦИОЛОГИЯ ЭКОНОМИКИ, ТРУДА И ПРОФЕССИЙ

УДК 316.422.44

**Доверие в предпринимательской среде
Санкт-Петербурга: опыт эмпирического исследования****Ю. В. Веселов*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Веселов Ю. В.* Доверие в предпринимательской среде Санкт-Петербурга: опыт эмпирического исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 366–383. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.404>

Доверие в предпринимательской среде обычно рассматривается как доверие предпринимателей друг другу или в рамках фирмы как доверие руководителей своим подчиненным. Подчеркивается важность этого феномена для успешного функционирования экономики и бизнеса. В данной статье представлен другой аспект: это доверие предпринимателей как социально-профессиональной группы другим людям (генерализированное доверие), их доверие узкому кругу — членам семьи и знакомым людям (партикуляризированное доверие); доверие социальным институтам (институциональное доверие). Проведено сравнение характеристик доверия предпринимателей с другими социально-профессиональными группами (такими как рабочие, специалисты с высшим образованием в сфере науки и культуры, государственные служащие). Предприниматели отличаются самым высоким уровнем доверия, как генерализированного, так и партикуляризированного, среди всех социально-профессиональных групп, а вот уровень доверия государству у них самый низкий. Рационализированное отношение к доверию, включенность в горизонтальные (неиерархические) социальные отношения, повышенный уровень риска и необходимость доверия для снижения транзакционных и социальных издержек отличают предпринимателей от других социально-профессиональных групп и формируют их специфическую (локальную) культуру доверия. В статье также раскрыты черты предпринимательского доверия в сфере активно развивающихся сегодня цифровых технологий (доверие в социальных сетях; доверие интернет-торговле; доверие мобильным приложениям банков и т. д.). Наше исследование основывается на результатах двух опросов, проведенных в Санкт-Петербурге, —

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант 20-011-00155 А «Доверие в цифровом обществе и экономике».

телефонный опрос жителей города, $N=1032$ (2020 г.); интернет-опрос жителей города и области, $N=505$ (2021 г.), а также на глубинных интервью с предпринимателями (10) (2020–2021 гг.).

Ключевые слова: предпринимательское доверие, генерализированное доверие, институциональное доверие, сравнительная социология доверия, культура доверия, цифровое доверие.

Введение

Цель данной статьи — рассмотреть доверие предпринимателей как социально-профессиональной группы в сравнении с другими группами, такими как государственные служащие, квалифицированные рабочие, служащие с высшим образованием в сфере науки и культуры. Для достижения этой цели поставлен ряд задач:

- раскрыть методологические проблемы измерения уровня генерализированного доверия;
- показать место России на мировой карте доверия, основываясь на сравнительной социологии доверия;
- охарактеризовать динамику доверия — как оно менялось за последние 30 лет в России;
- раскрыть социальную структуру доверия — как оно дифференцируется в зависимости от пола, возраста, доходов, образования и места проживания.

Основное внимание в статье уделено нашему эмпирическому исследованию доверия предпринимателей. Обычно в литературе доверие предпринимателей рассматривается в сфере бизнеса или в рамках организации, в отличие от этого фокус нашего исследования направлен на доверие предпринимателей в более широком социальном контексте. Мы исследовали генерализированное доверие предпринимателей, партикуляризированное доверие, институциональное доверие (особенно отношение к правительству) и сравнивали такие же типы доверия для других социально-профессиональных групп.

Актуальность данного исследования в том, что впервые эмпирически измеряется уровень доверия предпринимателей и сравнивается с доверием других социальных групп. В качестве гипотезы мы предполагали, что уровень предпринимательского доверия наивысший в силу самого характера предпринимательской деятельности (активности, самостоятельности, умения полагаться только на себя, способности просчитывать риск), но мы не знали, насколько он высок, и не знали, каков радиус доверия (соединяется ли высокое генерализированное доверие с высоким уровнем партикуляризированного доверия?). Затем мы исследовали доверие предпринимателей в цифровом мире: это доверие в социальных сетях, доверие цифровым экономическим институтам, доверие «цифровому правительству», умение использовать цифровой мир в своих интересах (поиск работы в социальных сетях, интернет-магазины и услуги, монетизация цифровой активности). Однако мы не только измеряем уровни доверия предпринимателей, но и объясняем причины высокого уровня доверия предпринимателей и причины низкого уровня доверия в России вообще. Мы выявили, что рационализированное отношение к доверию, включенность в горизонтальные (неиерархические) социальные отношения, повышенный уровень риска и необходимость

доверия для снижения транзакционных и социальных издержек отличают предпринимателей от других социально-профессиональных групп и формируют их специфическую (локальную) культуру доверия.

Сравнительная социология доверия

Многие социологические центры проводят опросы для измерения уровня генерализованного доверия в России. Если обратиться к исследованиям ВЦИОМ, то оказывается, что он регулярно проводит измерение уровня доверия к президенту РФ, к политическим партиям и различным институтам, а вот уровень доверия россиян друг к другу для ВЦИОМ не слишком интересен¹. ФОМ проводит опросы для измерения уровня доверия, и по его методике измерения (генерализованное доверие операционализируется в вопросе: «Одни считают, что людям можно доверять. Другие считают, что с людьми следует быть осторожными. Какая точка зрения Вам ближе?») уровень доверия составляет 31 % (опрос проводился в 2019 г.)². Тогда Россия входит в одну группу стран по уровню доверия с Германией и США. Но вот согласно международному исследованию WVS (World Value Survey, Wave 7, $N = 3000$) уровень генерализованного доверия в России составлял 22,8 % в 2018 г., при этом методика измерения одинаковая с ФОМ («Generally speaking, would you say that most people can be trusted or that you need to be very careful in dealing with people?»³). Для проверки адекватности этих данных мы провели собственное эмпирическое исследование в Санкт-Петербурге, и уровень генерализованного доверия (по методике WVS, «Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или надо быть очень осторожным в отношениях с людьми?») составляет 25,7 % (телефонный опрос населения Санкт-Петербурга, $N = 1032$, выборка репрезентативна по основным социально-демографическим параметрам; база телефонных номеров формировалась случайным образом на основе номерной емкости, опрос проводился в июле 2020 г. Центром социологических и интернет-исследований СПбГУ в системе CATI, опросный лист содержал 20 вопросов). Очевидно, что уровень генерализованного доверия в таком крупном городе, как Санкт-Петербург, выше, чем в целом по стране (что подтверждается в исследованиях «Левада-Центра» (в РФ признан иноагентом), нашими данными и др.) [1, с. 8–42]. Поэтому скорее более адекватными надо считать данные WVS, хотя различие в результатах исследований вполне может объясняться не самим инструментом измерения, но разными методами построения выборки.

К самому инструментарию в этих измерениях тоже есть вопросы: в методике WVS и ФОМ в качестве противоположности доверию предлагается осторожность, хотя в действительности можно одновременно доверять другим людям и быть осторожным. Нам представляется, что измерение генерализованного доверия по стандартной шкале Лайкерта было бы более адекватным (например, в международных сравнениях более вероятно, что протестантские страны охотнее воспринимают дихотомическую шкалу — доверяете другим или нет, а вот католические

¹ Доверие политикам. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam> (дата обращения: 02.07.2022).

² Межличностное доверие. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14215> (дата обращения: 02.07.2022).

³ World Values Survey, Wave 7: 2017–2020. Online Data Analysis. Q57. URL: <https://www.worldvalues-survey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 02.07.2022).

и православные страны не могут судить в бинарной оппозиции, они лучше воспринимают такие вопросы: «Доверяете вы полностью или частично?», о проблемах измерения доверия также см. [2]). В нашем исследовании мы сформулировали вопрос так: «Вы считаете, что большинству людей можно доверять?» и ответы распределили по шкале Лайкерта, в этом случае в Петербурге 16,2 % респондентов однозначно утвердительно отвечают на этот вопрос, а 45,1 % считают, что можно доверять, но только частично (интернет-опрос жителей Санкт-Петербурга, $N=505$, выборка нерепрезентативная, по набору респондентов неограниченная — любой интернет-пользователь мог принять участие в опросе, объявление давалось в пабликах, выборка по характеру целевая — специально сравнивали мнение жителей города и области, в рамках которой выделяли жителей сельских поселений — из 505 опрошенных 70 проживают в сельских поселениях, опрос проводился в сентябре 2021 г. Центром социологических и интернет-исследований СПбГУ). Строго говоря, подчеркивал всегда мой научный руководитель, проф. В. Я. Ельмеев, процедуры операционализации доверия позволяют измерить не сам уровень доверия, а все же *мнение людей* о доверии. Поэтому возможны некоторые искажения в измерении. Тогда мы решили измерить самооценку доверия и так сформулировали вопрос: «По-Вашему, насколько россияне доверяют друг другу?» В нашем интернет-исследовании только 1,2 % респондентов отвечают «Полностью доверяют», а «Частично доверяют» — 40,4 %.

Если мы хотим посмотреть, к какой группе стран относится в области генерализованного доверия Россия, то широкомасштабные исследования проводились только WVS. По их данным, самым высоким уровнем доверия обладают скандинавские страны и Китай (Швеция — 62,8%; Дания — 73,9%; Норвегия — 72,1 %, Китай — 63,5%); самым низким уровнем доверия характеризуются латиноамериканские страны и страны Африки (Перу — 4,2%; Колумбия — 4,5%; Эквадор — 5,2%; Чили — 12,9%; Кения — 9,5%; Египет — 7,2%; Марокко — 16,5%); высокий средний уровень: США — 37%; Канада — 46,7%; Германия — 41,6%; Испания — 41%; Украина — 30,1%; низкий средний уровень: РФ — 22,8%; Польша — 24,1%; Чехия — 21,1%; Словакия — 21,4%; Таджикистан — 20,6%; Азербайджан — 26,3 % (World Values Survey, Wave 7: 2017–2020)⁴. Удивительно одинаковой характеристикой генерализованного доверия обладают страны Восточной Европы, но мы считаем, что скорее все постсоветские страны схожи в показателях доверия (хотя есть и исключения: Армения — 8,5 %, а Белоруссия — 40 %). П. Штомпка (P. Sztoplka) объясняет невысокий уровень доверия в постсоциалистических странах Восточной Европы следствием «великой травмы перемен», когда шоковый переход к рыночному обществу нарушил привычные правила функционирования общественных институтов [3, с. 306]. В России низкое доверие также является следствием сталинского террора: массовые репрессии, доноительство, напрямую поощряемое государством, сформировали особенную «культуру недоверия», — пишет Дж. Хоскинг (G. Hosking) [4, р. 1–25]. В серии глубинных интервью наш респондент сообщает: «В моей семье было репрессировано четыре человека. Например, моя прабабушка провела 15 лет в психиатрической больнице за свою работу с Блюхером. А мой знаменитый немецкий дедушка, врач, был приглашен в СССР для лечения Сталина. Таким образом, он

⁴ Ibid.

стал кремлевской номенклатурой и у него была броня. Там он познакомился с моей русской бабушкой. Но, несмотря на свой статус, он был репрессирован, потом бабушка, и мой папа родился в тюрьме. После этого в нашей семье поселился страх и переданся мне на генетическом уровне. А страх напрямую связан с недоверием, в первую очередь государству» (женщина, 53 года, директор рынка).

Начиная свое исследование доверия в конце 1990-х гг. (как теоретическое, так и эмпирическое), мы предполагали, что рыночные преобразования будут способствовать трансформации всей системы доверия и приведут к накоплению социального капитала и росту межличностного доверия. Но в реальности оказалось по-другому: в исследованиях World Values Survey, Wave 2, показано, что уровень доверия в СССР в 1990 г. составлял 34,7%; в 2006 г., Wave 5, уровень доверия снизился до 24,6%; в 2011 г., Wave 6, он немного поднялся до 27,8%; а в 2018 г., Wave 7, опустился до 22,8%⁵. Можно, конечно, объяснять такое снижение доверия с 34,7 до 22,8% теми драматичными переменами, которые происходили в России в этот период. Однако и в США уровень межличностного доверия снизился с 50% в 1990 г. до 37% в 2018 г., а вот в Китае повысился с 59,4% в 1990 г. до 63,5% в 2018 г. Итак, общий вывод таков: рыночные институты, становление которых происходило за последние 30 лет, не увеличили уровень генерализованного доверия и социальный капитал в российском обществе; рыночная экономика развивалась своим путем и довольно успешно, а гражданское общество — своим.

Социальная структура доверия. Определение доверия как уверенности (confidence) соответствует классическому определению доверия Э. Гидденса (A. Giddens): «Доверие может быть определено как уверенность в надежности человека или системы» [5, p. 34]. В ком уверены россияне и к кому чувствуют доверие? Как правило, это ближний круг людей: семья, близкие друзья, родственники. WVS измеряет доверие в семье по шкале Лайкерта, в РФ полностью доверяют членам семьи — 85,1%; в Бразилии — 57,0%; в США — 59,3%; в Литве — 67,8%; в Азербайджане — 90,5% (World Values Survey, Wave 7: 2017–2020). Также и доверие соседям: в РФ полностью доверяет соседям 19,1%; в США — 10,3%; в Германии — 14,4%; в Азербайджане — 14,9%. Это так называемое партикуляризированное доверие: тем, кого люди знают лично. А вот доверие людям, которых встречаешь впервые, низкое: в РФ таким полностью не доверяют 31,7% (по данным наших исследований, в Петербурге этот показатель значительно ниже — 12,5%); в США — 17,7%; в Германии — 16,5%; в Азербайджане — 41,8%⁶. Поэтому очевидно, что радиус доверия в России невелик, в него входят знакомые, родственники, друзья. «Возникающее в этом случае доверие основано на чувстве симпатии, солидарности, взаимной ответственности, уверенности в честности другого, дружбе и сотрудничестве и подкрепляется опытом продолжительных взаимоотношений» [6, с. 27]. Обратим внимание, что речь идет о доверии, основанном на чувстве, а не на рациональном расчете.

Доверие дифференцируется в зависимости от пола, возраста, доходов и образования, места проживания. В городах уровень генерализованного доверия

⁵ World Values Survey, Wave 2: 1990–1994. Online Data Analysis. Q57. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 02.07.2022).

⁶ World Values Survey, Wave 7: 2017–2020. Online Data Analysis. Q58,59,60. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 02.07.2022).

несколько выше, чем в сельских поселениях, различие в нашем исследовании составило примерно 10%. Пол, возраст и семейное положение для генерализованного доверия практически не имеют значения [7, с. 18]. Образование существенно влияет на любые виды доверия — у людей с высшим образованием генерализованное доверие на 14% выше, чем у лиц с начальным или неполным средним образованием, и на 10% выше, чем у лиц со средним образованием. Интересно, что дальнейшее увеличение уровня образования не приводит к росту доверия; у тех, кто обладал ученой степенью (в нашем опросе таких было 18), оно даже ниже, чем у тех, кто имеет высшее образование. Рост доходов оказывает существенное влияние на генерализованное доверие: у тех, у кого доходы в 10 раз выше прожиточного минимума, уровень доверия на 10% выше, чем у тех, кто имеет доходы ниже прожиточного минимума. Логично и понятно, что уровень генерализованного доверия у временно неработающих (то есть безработных) и у людей с ограниченными возможностями низкий.

Доверие в предпринимательской среде: данные эмпирического исследования

Достаточно много исследований посвящено доверию предпринимателей в сфере бизнеса (доверие предпринимателей друг другу, доверие предпринимателей бизнес-организациям, доверие предпринимателей наемным работникам) [8–10]. Мы также в своих предыдущих работах пытались показать, как предприниматели понимают доверие, в чем отличие восприятия доверия предпринимателями и наемными служащими, что такое стратегическое и корпоративное доверие [11]. В теоретическом и методологическом плане мы основываемся при объяснении природы доверия внутри организации на концепции социального обмена Дж. Хоманса (G. Homans). Функция доверия внутри организации заключается в снижении издержек социального взаимодействия. Кроме того, доверие служит механизмом интеграции; доверие формирует большую устойчивость группы к социальным изменениям, оно является элементом социального капитала, поэтому при внешних потрясениях такая группа обладает большей эластичностью, способна видоизменяться и приспосабливаться к новым условиям внешней среды. Более подробно этот аспект представлен в нашей предыдущей статье «Доверие в организации: методологические основания исследования в экономике, социологии и менеджменте» [12]. Однако доверие предпринимателей к другим людям, к социальным институтам, к экономическим институтам и цифровому миру не было изучено. Именно эти вопросы были в центре нашего внимания, когда мы проводили эмпирические исследования.

Для сравнения в телефонном опросе мы выбрали четыре социально-профессиональные группы:

- 1) специалист с высшим образованием вне производства (наука, культура);
- 2) квалифицированный рабочий;
- 3) государственный служащий, работник административных органов;
- 4) бизнесмен, индивидуальный предприниматель.

Для корректного сравнения, конечно, необходимо равное количество представителей, но в общей выборке, репрезентативной для Санкт-Петербурга по

основным социально-демографическим показателям, достичь его не получается (есть еще и пенсионеры, и учащиеся, и военные, и безработные), однако нам представляется, что примерно 100 представителей каждой группы дают более-менее репрезентативные данные. Для предпринимателей уровень генерализованного доверия самый высокий — 44,6%; затем идут специалисты с высшим образованием — 37,4%; квалифицированные рабочие — 21,1%; государственные служащие — 14,3%. Получается, что предпринимательская деятельность стимулирует развитие доверительных отношений с людьми вообще. Для измерения радиуса доверия мы оценили уровень доверия предпринимателей по отношению к людям незнакомым и к членам семьи. Первый вопрос звучит так: «Насколько Вы доверяете людям, которых встречаете впервые?», ответы распределены по шкале Лайкерта. Уровень доверия незнакомцам для предпринимателей опять самый высокий — 74,7% (не надо его сравнивать с предыдущим показателем, здесь сумма ответов «Полностью доверяю» и «Частично доверяю», а там дихотомическая шкала); затем идут специалисты с высшим образованием — 67,6%; государственные служащие — 57,1%, квалифицированные рабочие — 51,8%. В серии глубинных интервью (глубинные полуструктурированные интервью проводились в 2020–2021 гг. для исследования культуры доверия, которая вряд ли может быть раскрыта с помощью количественных методов исследования, целевые интервью проводились со всеми группами населения, из них с предпринимателями — 10, гайд интервью содержал 15 вопросов, продолжительность примерно 30–40 минут) наш респондент сообщает: «Я сама очень открыта к новым контактам. Если человек для тебя эмоционально открыт, то и ты относишься к нему так же. Как известно, мы же друг друга считываем за первые 30 секунд общения» (женщина, 34 года, индивидуальный предприниматель в сфере детского досуга). Второй вопрос: «Насколько Вы доверяете членам Вашей семьи?», сумма ответов «Полностью доверяю» и «Частично доверяю» для предпринимателей — 96,3%; для рабочих — 95,6%; для специалистов — 99,2%; для государственных служащих — 92,9%. Значит, не только уровень доверия самый высокий для предпринимателей, но и радиус доверия: предприниматели способны (видимо, научены) доверять людям, которых встречают впервые, но при этом доверие в рамках семьи у них также очень высокое, что характерно для россиян в целом. Мы спросили респондентов, насколько часто используются сайты знакомств в личной жизни. Вопрос: «Доверяете ли Вы поиск партнера сайтам интернет-знакомств (типа Tinder)?» Ответы: «Да, часто пользуюсь», «Иногда пользуюсь», «Никогда не пользуюсь», «Не знаю, что это такое». Для предпринимателей сумма первых двух ответов — 19,3%; для рабочих — 10,6%; специалисты — 16,4%; госслужащие — 14,2%. «Сам я никогда не пользовался. Но думаю, что Tinder — изобретение великолепное. Современные люди тоже же хотят где-то знакомиться. Многие мои сотрудники сидят в Tinder», — сообщает нам респондент в серии глубинных интервью (мужчина, 54 года, предприниматель). Так что, скорее всего, предприниматели активны не только в бизнесе, но и в освоении цифровых сервисов.

Доверие со стороны общества предпринимателям невысокое. Согласно исследованию «Левада-Центра» (в РФ признан иноагентом) 2011 г., полное доверие малому и среднему бизнесу выражает 23% россиян [1, с. 12]. ВЦИОМ подтверждает эти данные: доверие к профессии предпринимателя в обществе снизилось с 45% в 2010 г. до 27% в 2017 г.; доля жителей России, не доверяющих предпринимателям,

превышает долю доверяющих (27 против 22 %), соответственно снижается доля желающих открыть в России свой бизнес (с 32 % в 2008 г. до 22 % в 2017 г.) [13]. Согласно исследованию Edelman Trust Barometer в 2021 г., доверие населения к бизнесу выросло в 17 из 27 стран, и только в России доверие к бизнесу самое низкое — 34 % (и год от года снижается) в сравнении с 82 % в Индии, 70 % в Китае, 54 % в США⁷.

Теперь сравним доверие предпринимателей и других социально-профессиональных групп к экономическим институтам. В нашем исследовании это банки, интернет-магазины, заказ еды и продуктов через интернет. «Насколько Вы доверяете мобильным приложениям банков (типа “Мобильный Сбербанк”)?» — сумма ответов «Полностью доверяю» и «Частично доверяю» для предпринимателей — 80,7%; для рабочих — 72,8%; для специалистов — 73,6%; для государственных служащих — 71,5%. Этот уровень доверия банкам подтверждается и другими исследованиями: абсолютное большинство (81 %) руководителей малых и средних предприятий доверяет банкам [14]. «Насколько Вы доверяете интернет-магазинам?» — сумма ответов «Полностью доверяю» и «Частично доверяю» для предпринимателей — 80,4%; для рабочих — 70,2%; для специалистов — 81,3%; для государственных служащих — 50,2%. «Пользуетесь ли Вы услугами заказа еды или доставки продуктов через интернет?» — сумма ответов «Да, часто пользуюсь» и «Иногда пользуюсь» для предпринимателей — 63,8%; для рабочих — 50%; для специалистов — 65,9%; для государственных служащих — 35,7%. Ожидаемо доверие экономическим институтам среди предпринимателей самое высокое, но и для других групп характерно эффективное освоение цифрового мира; можно сказать, настоящая цифровая революция, еще более усиленная локдауном в период эпидемии COVID-19.

Доверие предпринимателей государству, их опасения и надежды. Доверие правительству во многих странах невысокое, но Россия в этом случае в конце списка, согласно исследованиям Edelman Trust Barometer в 2021 г., оно составляет 34 % в сравнении с 82 % в Китае, 79 % в Индии, 59 % в Германии (для расчета используется оценка по специальной 9-балльной шкале)⁸. В нашем исследовании на вопрос «Доверяете ли Вы правительству Российской Федерации?» — сумма ответов «Полностью доверяю» и «Частично доверяю» для предпринимателей — 32,5%; для рабочих — 43,9%; для специалистов — 39,6%; для государственных служащих — 42,8% (но самая высокая поддержка ожидаемо у неработающих пенсионеров — 63,5%). В интервью на этот вопрос респондент сообщает: «Нет, не доверяю, так как оно не держит своих обещаний. Я работаю в туриндустрии. Как известно, в условиях пандемии этот бизнес понес самый серьезный урон. И никакого света в конце туннеля для зарубежного туризма не видно. А наиболее популярные внутренние маршруты давно монополизированы. Короче, во всех СМИ государство декларировало, что обязательно поддержит туристический бизнес. А что оказалось на деле? Для получения мизерного единовременного пособия в размере 12 130 рублей моя фирма должна была пройти самые серьезные разнообразные проверки. Непонятно, зачем, так как все данные о работе компании, на основании которых мы всегда своевременно платили налоги, находятся в компьютере налоговой инспекции. В результате я отказалась от попыток получить это пособие, так как это просто насмешка»

⁷ 2021 Edelman Trust Barometer. URL: <https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer> (дата обращения: 02.07.2022).

⁸ Ibid. P. 44.

(женщина, 48 лет, предприниматель, владелец туристической фирмы). Мы спросили у наших респондентов: «Доверяет ли правительство нам, гражданам?» Сумма ответов «Полностью доверяет» и «Частично доверяет» для предпринимателей — 25,3%; для рабочих — 36,3%; для специалистов — 27,5%; для государственных служащих — 35,7%. Мы спросили: «Как по-Вашему, государство своими действиями расширяет доверие или провоцирует рост недоверия в нашем обществе?» Ответ «Считаю, что государство провоцирует рост недоверия в обществе» для предпринимателей — 67,5%; для рабочих — 62,3%; для специалистов — 65,9%; для государственных служащих — 50%. Государство теперь все больше проявляется перед гражданами в цифровой форме, поэтому мы поинтересовались: «Насколько, по-Вашему, эффективен цифровой портал “ГосУслуги”?» Сумма ответов «Полностью эффективен» и «Скорее эффективен, чем нет» для предпринимателей — 69,8%; для рабочих — 69,3%; для специалистов — 78%; для государственных служащих — 71,4%. «Конечно, наверно, там не все идеально. Но все же прогресс налицо, и в этом отношении хоть что-то государство полезное сделало» (мужчина, 57 лет, предприниматель). Таким образом, предприниматели не доверяют российскому государству, считают, что государство само расширяет своими действиями недоверие (парадоксально, но так считает и половина опрошенных государственных служащих) и само не доверяет предпринимателям, и только когда государство появляется в цифровой форме, безличной и понятной предпринимателям, оно в большей степени заслуживает доверия.

Мы спросили предпринимателей: «Чего именно Вы опасаетесь в ближайшем будущем?» (опрос проводился в 2020 г.). На первом месте «Социально-политические конфликты» (44,6 против 14,3% у госслужащих); на втором и третьем месте «Ухудшение своего материального благосостояния» и «Снижение уровня общественной безопасности»; на четвертом «Потеря работы» и только на пятом, несмотря на COVID-19, «Ухудшение здоровья своего и близких». «Военные действия» в качестве предмета опасений были отмечены только представителями специалистов с высшим образованием — 1,6%. Но в интервью об этом речь идет и у предпринимателей: «Я опасюсь всего перечисленного, так как давно живу на свете и знаю, что может случиться всякое. Вот, например, жили по одним правилам. Потом случилась перестройка и ситуация поменялась кардинальным образом. Поэтому, повторяюсь, опасюсь всего. Я скажу тоже более круто. Я боюсь войны» (мужчина, 57 лет, предприниматель). «Я опасюсь обострения социально-политических конфликтов, которое может привести к реальной войне. Ты на это ты никак не сможешь повлиять. Потому что все остальное — приходяще и уходяще. Если не будет одной работы — будет другая. Будем копать огороды, в конце концов» (женщина, 34 года, индивидуальный предприниматель в сфере детского досуга). Вот еще несколько вариантов из открытого вопроса об опасениях: «Непонимание происходящего в дальнейшем», «Ограничение личной свободы государством», «Планета Земля изменит магнитные поля» (по опросу ВЦИОМ, треть россиян (35%) согласились с утверждением, что Солнце вращается вокруг Земли)⁹, «Захват нашей страны иностранными агентами и государствами» и т. д. Но предприниматели надеются на

⁹ Коперник отступает! Странников геоцентрической системы становится все больше... URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pochemu-neobkhodimo-prosveshchenie-ili-snova-o-rasprostranennykh-zabluzhdeniyakh> (дата обращения: 02.07.2022).

лучшее будущее — утвердительно на этот вопрос ответили 77,1 % предпринимателей, что немного выше среднего показателя. «Кому Вы больше доверяете: телевидению или YouTube?» В среднем телевидению доверяют 24,1 % респондентов, но среди предпринимателей таких только 10,8 %, среди рабочих 15,8 %, среди специалистов 17,6 %, среди госслужащих 35,7 %. Значит, для предпринимателей в основном значимы интернет-источники информации, но что им можно доверять полностью — считает только 1,2 % предпринимателей, а большинство — что можно доверять только частично — 85,5%. На волне появления фальшивых новостей (fake news) общее доверие к информации снижается.

Цифровое доверие и предпринимательская активность. Сегодня экономические транзакции все чаще осуществляются в мобильных приложениях на телефонах; оплата товаров и услуг происходит с помощью банковских карт или телефона; поиск работы смещается в социальные сети; информация все в большем объеме представляется через интернет. Определим, что такое цифровое доверие: это уверенность людей в надежности и безопасности цифровых систем, процессов и технологий [15]. Парадоксально, но и сами технические объекты могут вызывать недоверие людям (мой компьютер все время спрашивает меня: «Вы действительно хотите это удалить?»). Также цифровое доверие можно определить как доверие людям, институтам, организациям, опосредованное цифровыми технологиями. Общение между людьми происходит в большой степени в интернете: нужно учиться доверять тем, кто представлен в социальных сетях; доверять или не доверять цифровым институтам, «цифровому правительству» [16]. Посмотрим, как предприниматели в сравнении с другими социально-профессиональными группами осваивают этот яростный цифровой мир.

Мы спросили наших респондентов: «Доверяете ли Вы друзьям или подписчикам в социальных сетях (типа “ВКонтакте”, Facebook*, Instagram*)?» Среди предпринимателей полностью им доверяет 16,9%; среди рабочих — 13,2%; среди специалистов — 16,4%; среди госслужащих — 7,1%. «Я включена во все возможные социальные сети. Я давно работаю в туристическом бизнесе и заметила, что появилась новая тенденция. Услугу предпочитают покупать не в фирме, а у конкретного человека. Поэтому стало необходимым формировать свой собственный бренд. А для этого отлично подходят социальные сети. И, конечно, я доверяю своим подписчикам, так как это потенциальные клиенты» (женщина, 40 лет, владелец туристической фирмы). «Помогают ли Вам социальные сети (типа LinkedIn**, Facebook*, “ВКонтакте”) в поиске работы?» — предпринимателей, утвердительно ответивших на этот вопрос, 33,1% (что довольно значительно, и только 10% предпринимателей ими не пользуются); среди рабочих — 22,8%; среди специалистов — 28%; среди госслужащих — 14,3%. В одном из глубинных интервью респондент сообщает: «Сама я эти сайты для поиска работы не посещала, а сотрудников искала через Instagram*. Например, когда специалист по медиапланированию выложила туда сообщение, что готова после второго ребенка выйти на работу. Через 15 минут я ей предложила работу» (женщина, 52 года, менеджер, средний бизнес).

* Мета признана экстремистской организацией на территории РФ.

** Заблокирован на территории РФ по решению Роскомнадзора.

Предприниматели часто работают удаленно (полностью и частично — 46,2 %, выше уровень удаленной занятости только у тех, кто специально занимается ИТ). «Пользуетесь ли Вы цифровым порталом налоговой службы “Налоги.ру”?», «Часто пользуюсь» и «Иногда пользуюсь» ответили 56,7 % предпринимателей; 35 % рабочих; 45,6 % специалистов; 50 % госслужащих. Наш респондент сообщает: «Я плачу налоги не через цифровой портал. У меня бухгалтер этим занимается. Но этот портал очень удобен, если хочешь получить какую-то информацию о своих сотрудниках, например о штрафах и недоимках, которые у них есть. Спасибо за этот портал Мишустину» (мужчина, 46 лет, предприниматель). «Способствует ли вообще цифровой мир (интернет, социальные сети) повышению Вашего благосостояния?» — однозначно утвердительно ответили на этот вопрос 53 % предпринимателей; 23,7 % рабочих; 36,8 % специалистов и 21,4 % госслужащих. А каков уровень обмана и риска в интернет-среде? «Сталкивались ли Вы лично с попыткой интернет-мошенничества, фишинга, хищения денежных средств?» Сумма ответов для предпринимателей «Да, часто такое бывает» и «Иногда такое бывает» составляет рекордные 78,1 %, но еще более напуганы мошенничеством госслужащие — у них сумма ответов составляет 92,9 %. «Происходила ли когда-нибудь утечка Ваших личных данных в интернет (например, телефон, адрес, дата рождения, номер паспорта)?», ответили «Да, случилось такое» 59 % предпринимателей. «Как по-Вашему, велик ли риск обмана в интернет-среде?», 49,4 % предпринимателей ответили «Да, очень велик»; но среди госслужащих таких еще больше — 57,1 %. Мы спросили предпринимателей: «Что мешает становлению уважительных и доверительных отношений в интернет-среде?», самый распространенный ответ «Низкий уровень культуры и образования» — 60,2 %; второй по значимости фактор «Высокий уровень социального неравенства» — 24,1 %; «Отсутствие регулирования отношений и санкций» — 22,9 %. А вот анонимность, безнаказанность и безответственность и агрессия со стороны пользователей не имеют принципиального значения.

Дискуссия

Обычно считается, что российская экономика сильно монополизирована, ее основу составляют такие неповоротливые гиганты, как «Газпром», «Роснефть», «Сбербанк», которые находятся под сильным влиянием государства. Это действительно так, но нельзя забывать о малом и среднем бизнесе, который обеспечивает значительное число рабочих мест и опирается на предпринимательскую активность людей. Число малых предприятий в 2018 г. в России — 2754 тыс.; на малых и микропредприятиях работают 11 340 тыс. россиян; численность фактически действующих индивидуальных предпринимателей 2630 тыс. человек (почти половина — в торговле), и они обеспечивают работу еще 2647 тыс. человек; по гендерному составу — 63 % мужчины и 37 % женщины; доля малого и среднего предпринимательства в валовом внутреннем продукте составляет 20,2 %¹⁰. В 2020 г. средний возраст российского предпринимателя составлял 38 лет. Владельцы устоявшегося бизнеса несколько старше — 42 года. Наиболее активной для предпринимательства остается группа 25–34 года. Уровень образования предпринимателей высокий —

¹⁰ Россия в цифрах. 2020: крат. стат. сб. М.: Росстат, 2020; Малое и среднее предпринимательство в России. 2019: стат. сб. М.: Росстат, 2019.

30 % с высшим образованием, именно они наиболее активны (что объяснимо: в кризисной ситуации пандемии COVID-19 люди со средним образованием продолжают выбирать работу по найму в качестве более стабильного и гарантированного источника заработка). В 2020 г. 33,7 % респондентов, вовлеченных в предпринимательскую деятельность, также продолжали работать по найму (с полной или частичной занятостью), а 3,9 % относились к группе студентов и пенсионеров. По типу поселений наиболее развито предпринимательство в крупных городах, наименее — в сельской местности. Наиболее часто предприниматели отмечают, что на создание бизнеса их мотивирует «необходимость обеспечения источника дохода» и «стремление обеспечить себе и своей семье высокое благосостояние» (то есть экономические факторы), а вот «изменить мир к лучшему» хотят не более четверти предпринимателей, 16 % предпринимателей отметили, что продолжают семейную традицию (женщины в большей степени, чем мужчины, вынужденные предприниматели — на открытие бизнеса их подтолкнуло отсутствие работы). Большинство новых предприятий начинают с очень ограниченного капитала — это личные ресурсы, включающие сбережения, кредиты, то, что можно одолжить у семьи (самый важный источник неформального финансирования) и друзей (все данные «Глобального мониторинга предпринимательства», Россия, 2020–2021 [17]).

Наше исследование показывает, что уровень доверия у предпринимателей самый высокий среди всех социально-профессиональных групп, причем уровень генерализованного доверия выше почти в три раза по сравнению с государственными служащими. Радиус доверия также самый широкий — предприниматели имеют самый высокий показатель доверия незнакомым людям, но уровень доверия в семье при этом не снижается. Уровень доверия экономическим институтам, таким как банки, интернет-торговля и услуги, также выше остальных социально-профессиональных групп, что и понятно: предприниматели не могут не общаться по роду своей деятельности с экономическими организациями. Какие факторы препятствуют развитию предпринимательства в России? Экспертами «Мониторинга глобального предпринимательства» чаще остальных факторов упоминается политика государства как негативно влияющая на развитие предпринимательства в нашей стране. В качестве точек напряжения эксперты называют «инертность и несовершенство законодательства», «безынициативность властей», «ориентированность правительства на госкорпорации» и «разнонаправленность интересов» чиновников и предпринимателей [17]. Наше исследование показало, что половина предпринимателей не доверяет федеральному правительству; три четверти закономерно считают, что правительство не доверяет нам, гражданам; почти 60 % предпринимателей считают, что правительство своими действиями провоцирует рост недоверия в обществе (но и среди государственных служащих таких половина). Более всего предприниматели опасаются социально-политических конфликтов, но большинство все же надеется на лучшее будущее. В области цифрового доверия (доверие в социальных сетях, доверие цифровым технологиям и институтам) предприниматели опять занимают первое место. Они понимают риски и опасности, связанные с цифровизацией, большинство из них сталкивались с утечкой личных данных, с попыткой обмана и мошенничества в интернете, но они умеют доверять людям в социальных сетях, используют их для поиска работы, активно осваивают цифровые сервисы в своей профессиональной сфере, почти половина предприни-

мателей работают с помощью удаленной занятости. И в целом больше половины опрошенных предпринимателей считают, что цифровой мир способствует повышению их благосостояния.

Но вот общество не однозначно положительно относится к предпринимателям, не считает их своими, 27% населения им не доверяет, престиж профессии предпринимателя снижается, соответственно снижается и доля желающих открыть свой бизнес. Один из самых важных вопросов дискуссии заключается в том, почему доверие в России в целом низкое (как генерализированное, так и институциональное), а для предпринимателей, которые, казалось бы, существуют в не очень благоприятной социальной среде, — высокое. Для этого мы сначала должны попытаться ответить на вопрос, почему в целом доверие в России низкое. Для объяснения этого феномена есть много факторов: специфическая культура доверия, распространенная крестьянскими мигрантами в российских городах в первой половине XX в. (когда установки патриархального доверия переносятся из деревни в городскую среду, радиус этого типа доверия очень небольшой — доверяют только близкому кругу лиц; доверие персонализируется, укрепляется личное доверие тоталитарным вождям, и постепенно формируется культ личности); это и советское наследие — специфическая политика Советского государства в 1930-е гг., когда формировалась практика доносительства и всеобщего недоверия (о чем говорит Дж. Хоскинг); это и «травма перемен» в 1990-е гг., когда государство в очередной раз отказалось выполнять свои социальные обязательства. Отличие предпринимателей, которые формировались в той же самой социальной среде, что и другие граждане, и испытывали те же проблемы, кардинальное. На наш взгляд, есть несколько причин, объясняющих, почему доверие предпринимателей серьезным образом отличается от других групп.

Во-первых, профессиональная деятельность предпринимателей связана с рыночной городской экономикой, в которой есть необходимость понимать, как работают правила и нормы доверия. Надо уметь разбираться в людях, кому можно доверять, в какой степени, а кому нет; надо уметь строить отношения с контрагентами — с партнерами по бизнесу, с поставщиками, с покупателями, с наемным персоналом. Так постепенно развиваются *навыки, связанные с рационализированным характером доверия*: если для обычных людей доверие может быть чувством, эмоцией, то предприниматели пользуются расчетом и формируют правила доверия на уровне как здравого (практического) смысла, что во многом связано с интуицией, так и на уровне формальной рациональности.

Во-вторых, предприниматели привыкли рассчитывать только на себя, они не полагаются на российское государство и справедливо не доверяют ему. Их самостоятельность и активность обеспечиваются *доверием к самим себе, проявляющимся как уверенность в собственных силах и способность отстаивать свои интересы*. Предприниматели, как правило, не включены в строгую иерархию социальных отношений, как чиновники в государственном аппарате (не случайно в нашем исследовании государственные служащие имеют самые низкие показатели доверия) или менеджеры в крупных корпорациях, они включены в горизонтальные отношения, основанные на доверии, а не вертикальные, основанные на подчинении.

В-третьих, в современных обществах доверие существует функционально для того, чтобы снижать уровень неопределенности и риска, как подчеркивал

Н. Луман (N. Luhmann) (в методологическом плане мы опираемся на его концепцию модернизации доверия — в досовременных обществах доверие выступает чувством, в современных — рациональной конструкцией) [18]. Предприниматели в силу своей деятельности постоянно сталкиваются с риском и неопределенностью, поэтому им необходимо развивать навыки доверия. Например, им надо учиться доверять своим работникам, то есть делегировать им полномочия, отказываясь от функции постоянного контроля. Другой пример: для успешного функционирования бизнеса необходима устойчивая сеть социальных отношений с поставщиками и покупателями, она строится на долговременных отношениях, где значима репутация. Так происходит сокращение транзакционных издержек, в чем и заключается экономическая функция доверия. При этом основная мотивация наших предпринимателей — заработать деньги, поэтому доверие просто экономически выгодно для них (чем меньше развиты навыки доверия, тем выше стоимость бизнеса).

Итак, рационализированное отношение к доверию, включенность в горизонтальные социальные отношения, повышенный риск и необходимость доверия для снижения уровня неопределенности — все эти факторы отличают предпринимателей от других социально-профессиональных групп: у специалистов с высшим образованием развиты навыки критического мышления и рационализация доверия, но в их деятельности нет риска; у государственных служащих тоже есть доля рационализированного отношения к доверию, но они включены всегда в иерархию — вертикальные социальные отношения, поэтому уровень доверия у предпринимателей самый высокий. Но не надо думать, что предприниматели — это тот социальный слой, который поведет за собой все российское общество, и тогда чудодейственным образом мы станем страной с высоким уровнем доверия, как Дания или Швеция. Дело как раз в том, что мы не Швеция и не Дания, у нас нет той культуры доверия, которая столетиями вырабатывалась в северных странах, в странах протестантской культуры, в странах с развитой социал-демократией. В серии интервью наш респондент говорит: «Никогда не задумывалась о том, что россияне доверяют друг другу меньше, чем жители других стран. Хотя ситуацию и с Китаем, и со скандинавскими странами можно легко объяснить. Китай по-прежнему остается коммунальной страной. А в Скандинавии, в частности в Швеции, все действия правительства, в том числе премьер-министра, являются абсолютно прозрачными. Каждый гражданин этой страны может позвонить в его приемную и узнать, чем он занимается сегодня и чем планирует заняться завтра. Да и оплата налогов тоже происходит прозрачно. Поэтому шведам, да и другим скандинавам, нет оснований не доверять другим согражданам» (женщина, 58 лет, совладелец издательства). Вместо этого у нас есть наследие советской системы, которое, как оказалось, нам только предстоит преодолеть [19]. К счастью, наш образ жизни неумолимо меняется, технологии не стоят на месте. Цифровое доверие все больше вторгается в нашу жизнь, в долгосрочном аспекте обязательно повлияет на генерализированное и институциональное доверие (государству мы не доверяем, но вот оно приобретает более «человеческие», то есть цифровые, понятные, прозрачные правила и обезличенные формы, и доверие к нему, этому цифровому государству, возрастает). Распространение рыночной экономики в краткосрочном периоде (за последние два десятилетия) не повлия-

ло на доверие россиян, но в долгосрочном периоде обязательно окажет влияние на социальные отношения между людьми. И, наконец, не надо забывать о роли государственной политики. В сравнительном исследовании доверия в 60 странах Дж. Дели (J. Delhey) и К. Ньютон (K. Newton) отмечают, что страны с высоким доверием характеризуются этнической однородностью, протестантскими традициями, высокими показателями валового внутреннего продукта на душу населения, равенством доходов и эффективной государственной политикой [20]. Поэтому раз у нас нет ни этнической однородности, ни протестантов, ни высоких доходов и их равного распределения, то остается только политика государства по укреплению доверия. Но для этого российскому государству надо сначала научиться доверять людям, что не менее сложно, чем нам, россиянам, научиться доверять друг другу.

Заключение

В результате проведенного эмпирического исследования в Санкт-Петербурге мы показали, что предприниматели отличаются высоким уровнем доверия, как генерализованного, так и партикуляризированного, что подтверждает нашу гипотезу. Предприниматели активно осваивают цифровой мир, пользуясь цифровым доверием. Не доверяют они только государству, поскольку во всем привыкли полагаться только на себя. Мощным толчком к освоению и внедрению новых цифровых технологий стала пандемия. Она подтолкнула к трансформации в цифровой вид многие сферы нашей жизни. Большинству предпринимателей пришлось осваивать новое программное обеспечение и перестраивать свою работу с учетом новых вызовов и требований, что они успешно и сделали. Одновременно обострилось и неравенство в отношении доступа к цифровым технологиям: в большей степени цифровой разрыв связан не с различием бедных и богатых (цифровое общение в будущем скорее станет уделом бедных, а офлайн-общение, например с учителем и врачом, смогут позволить себе состоятельные граждане), а с различием в возрасте — пожилые люди, не обладая навыками цифровой грамотности, исключаются из цифрового мира.

В краткосрочной перспективе высокий уровень доверия предпринимателей вряд ли повлияет на общий уровень доверия в России, ведь предпринимателей в нашем обществе не так много, отношение к ним населения далеко не однозначно положительное. Культура доверия/недоверия, формировавшаяся в России в течение всего XX столетия, не может измениться быстро. Логика формирования доверия в России начала XX века связана с общими закономерностями процессов социальной и экономической модернизации; вследствие процессов индустриализации и урбанизации традиционное доверие, основанное на доверии внутри сельских сообществ, трансформируется в современное, основанное на доверии генерализованном, институциональном и ролевом в рамках городской среды. Однако в долгосрочной перспективе развитие рыночного общества и экономики, формирование и становление цифрового доверия, создание государственной политики расширения доверия может повлиять на уровень доверия в обществе в целом.

Литература

1. Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 8–32.
2. Рукавишников В. О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 17–25.
3. Штомпка П. Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012.
4. Hosking G. Trust and Distrust in the USSR: An Overview // The Slavonic and East European Review. 2013. Vol. 91, no. 1 (spec. iss. “Trust and Distrust in the USSR”). P. 1–25.
5. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
6. Кученкова А. В. Межличностное доверие в российском обществе // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 26–36.
7. Delhey J., Newton K. Who trusts? The origins of social trust in seven societies // European Societies. 2003. Vol. 5, no. 2. P. 93–137. <https://doi.org/10.1080/1461669032000072256>
8. Zaheer A., McEvily B., Perrone V. Does trust matter? Exploring the effects of interorganizational and interpersonal trust on performance // Organization Science. 1998. Vol. 9, no. 2. P. 141–159. <https://doi.org/10.1287/orsc.9.2.141>
9. Manolova T.S., Gyoshev B.S., Manev I.M. The role of interpersonal trust for entrepreneurial exchange in a transition economy // International Journal of Emerging Markets. 2007. Vol. 2, no. 2. P. 107–122. <https://doi.org/10.1108/17468800710739207>
10. Shi H. X., Shepherd D. M., Schmidts T. Social capital in entrepreneurial family businesses: the role of trust // International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research. 2015. Vol. 21, no. 6. P. 814–841. <https://doi.org/10.1108/IJEBR-04-2015-0090>
11. Veselov Y., Kapustkina E., Sinyutin M. A note on entrepreneurial trust in the Saint Petersburg region of contemporary Russia // International Journal of Entrepreneurship and Small Business. 2008. Vol. 6, no. 1. P. 94–102.
12. Веселов Ю. В., Лунатов А. А. Доверие в организации: методологические основания исследования в экономике, социологии и менеджменте // Российский журнал менеджмента. 2015. Т. 13, № 4. С. 85–104.
13. Отношение к предпринимателям и восприятие бизнеса в России / ВЦИОМ. М., 2019. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2019/Predprinimatelstvo2019.pdf (дата обращения: 02.07.2022).
14. IncRussia. Новости. 2017. 06.03. URL: <https://incrussia.ru/news/81-sostavil-uroven-doveriyamalogo-i-srednego-biznesa-k-bankam/> (дата обращения: 02.07.2022).
15. Frenhard T. Building Digital Trust: What Does It Really Mean. URL: (дата обращения: 02.07.2022).
16. Botsman R. Who Can You Trust? How Technology Brought Us Together and Why It Could Drive Us Apart. London: Public Affairs, 2017.
17. Верховская О. Р., Богатырева К. А., Дорохина М. В., Ласковая А. К., Шмелева Э. В. Глобальный мониторинг предпринимательства: Россия, Национальный отчет, 2020–2021. URL: https://gsom.spbu.ru/images/cms/data/2010_11_23_sovkomflot/otchet_2021-red-2_send.pdf (дата обращения: 02.07.2022).
18. Luhmann N. Familiarity, confidence, trust: Problems and alternatives // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. Oxford: Basil Blackwell, 1996. P. 94–107.
19. Тихомиров А. «Режим принудительного доверия» в Советской России, 1917–1941 годы // Неприкосновенный запас. 2013. № 6 (92). С. 98–117.
20. Delhey J., Newton K. Predicting cross-national levels of social trust: Global pattern or nordic exceptionalism? // European Sociological Review. 2005. Vol. 21, no. 4. P. 311–327. <https://doi.org/10.1093/esr/jci022>

Статья поступила в редакцию 4 августа 2022 г.;
рекомендована к печати 31 октября 2022 г.

Контактная информация:

Веселов Юрий Витальевич — канд. экон. наук, д-р социол. наук, проф.;
yurivitalievichveselov@yahoo.com

Trust in the entrepreneurial environment of St Petersburg: The empirical study*

Yu. V. Veselov

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Veselov Yu. V. Trust in the entrepreneurial environment of St Petersburg: The empirical study. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2022, vol. 15, issue 4, pp. 366–383. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.404> (In Russian)

Trust in the business environment is usually seen as the trust of entrepreneurs to each other or trust within the firm as the trust of managers to their subordinates. The importance of such trust for the successful functioning of the economy and business is often emphasized. This article presents another aspect: it is the trust of entrepreneurs as a socio-professional group to other people (generalized trust), their trust in a narrow circle — family members and acquaintances (particularized trust); trust in social institutions (institutional trust). The characteristics of trust of entrepreneurs are compared with other socio-professional groups (such as workers, specialists with higher education in the field of science and culture, civil servants). Entrepreneurs have the highest level of trust, both generalized and particularized, among all socio-professional groups, but the level of trust in the state is the lowest for them. A rationalized attitude towards trust, involvement in horizontal (non-hierarchical) social relations, an increased level of risk, and the need for trust to reduce transaction and social costs distinguish entrepreneurs from other socio-professional groups and form their specific (local) culture of trust. The article also reveals the features of entrepreneurial trust in the field of digital technologies that are actively developing today (trust in social networks; trust in online commerce; trust in mobile applications of banks, etc.). Our study is based on the results of two surveys conducted in St Petersburg — a telephone survey of city of St Petersburg, $N=1032$ (2020); Internet survey, $N=505$, residents of the city and region (2021); in-depth interviews with entrepreneurs (10) (2020–2021).

Keywords: entrepreneurial trust, generalized trust, institutional trust, comparative sociology of trust, culture of trust, digital trust.

References

1. Gudkov L. “Trust” in Russia: meaning, functions, structure. *Vestnik obshchestvennogo mneniia*, 2012, no. 2 (112), pp. 8–40. (In Russian)
2. Rukavishnikov V. O. Interpersonal trust: measurement and cross-country comparison. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2008, no. 2, pp. 17–25. (In Russian)
3. Sztompka P. *Trust is the basis of society*. Moscow, Logos Publ., 2012. (In Russian)
4. Hosking G. Trust and distrust in the USSR: An overview. *The Slavonic and East European Review*, 2013, vol. 91, no. 1 (special issue “Trust and Distrust in the USSR”), pp. 1–25.
5. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge, Polity Press, 1990.
6. Kuchenkova A. V. Interpersonal trust in Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2016, no. 1, pp. 26–36. (In Russian)
7. Delhey J., Newton K. Who trusts? The origins of social trust in seven societies. *European Societies*, 2003, vol. 5, no. 2, pp. 93–137. <https://doi.org/10.1080/1461669032000072256>
8. Zaheer A., McEvily B., Perrone V. Does trust matter? Exploring the effects of interorganizational and interpersonal trust on performance. *Organization Science*, 1998, vol. 9, no. 2, pp. 141–159. <https://doi.org/10.1287/orsc.9.2.141>

* The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, grant 20-011-00155 A “Trust in the digital society and economy”.

9. Manolova T.S., Gyoshev B.S., Manev I.M. The role of interpersonal trust for entrepreneurial exchange in a transition economy. *International Journal of Emerging Markets*, 2007, vol. 2, no. 2, pp. 107–122. <https://doi.org/10.1108/1746880071073920710>
10. Shi H. X., Shepherd D.M., Schmidts T. Social capital in entrepreneurial family businesses: the role of trust. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*, 2015, vol. 21, no. 6, pp. 814–848. <https://doi.org/10.1108/IJEER-04-2015-0090>
11. Veselov Y., Kapustkina E., Sinyutin M. A note on entrepreneurial trust in the Saint Petersburg region of contemporary Russia. *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*, 2008, vol. 6, no. 1, pp. 94–102. (In Russian)
12. Veselov Yu. V., Lipatov A. A. Trust in the organization: methodological foundations of research in economics, sociology and management. *Rossiyskii zhurnal menedzhmenta*, 2015, vol. 13, no. 4, pp. 85–104. (In Russian)
13. *Attitude towards entrepreneurs and perception of business in Russia*. Moscow, 2019. Available at: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2019/Predprinimatelstvo2019.pdf (accessed: 02.07.2022). (In Russian)
14. *IncRussia. News*, 2017, 06.03. Available at: <https://incrossia.ru/news/81-sostavil-uroven-doveriyamalogo-i-srednego-biznesa-k-bankam> (accessed: 02.07.2022). (In Russian)
15. Frenehard T. *Building Digital Trust: What Does It Really Mean*. Available at: <https://www.digitalistmag.com/finance/2019/10/29/building-digital-trust-what-does-it-really-mean-06201132> (accessed: 02.07.2022).
16. Botsman R. *Who Can You Trust? How Technology Brought Us Together and Why It Could Drive Us Apart*. London, Public Affairs, 2017.
17. Verkhovskaya O. R., Bogatyreva K. A., Dorohina M. V., Laskovaya A. K., Shmeleva E. V. *Global Entrepreneurship Monitoring: Russia, National Report, 2020–2021*. Available at: https://gsom.spbu.ru/images/cms/data/2010_11_23_sovkomflot/otchet_2021-red-2_send.pdf (accessed: 02.07.2022). (In Russian)
18. Luhmann N. Familiarity, confidence, trust: Problems and alternatives. *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Oxford, Basil Blackwell, 1996. P.94–107.
19. Tikhomirov A. “Regime of forced trust” in Soviet Russia, 1917–1941. *Neprikosnovennyi zapas*, 2013, no. 6 (92), pp. 98–117. (In Russian)
20. Delhey J., Newton K. Predicting cross-national levels of social trust: Global pattern or nordic exceptionalism? *European Sociological Review*, 2005, vol. 21, no. 4, pp. 311–327. <https://doi.org/10.1093/esr/jci022>

Received: August 4, 2022

Accepted: October 31, 2022

Author's information:

Yuri V. Veselov — PhD in Economics, Dr. Sci. in Sociology, Professor;
yurivitalievichveselov@yahoo.com

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНЫ

УДК 316:61

Пациентские нарративы из ковидных отделений в социальных сетях

В. Л. Лехциер, А. С. Готлиб

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева,
Российская Федерация, 443086, Самара, Московское шоссе, 34

Для цитирования: *Лехциер В. Л., Готлиб А. С.* Пациентские нарративы из ковидных отделений в социальных сетях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 384–404. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.405>

В статье представлены результаты эмпирического исследования нарративных «репортажей» пациентов из ковидных отделений, ведущихся ими в разные волны пандемии (2020–2021 гг.) в социальных сетях. Предмет анализа — мотивы ведения этих репортажей и типология размещенных в Сети пациентских нарративов. Анализ проведен с опорой на идею «цифрового стиля болезни» (совмещения пациентом при нахождении в стационаре благодаря мобильному интернету «роли больного», семейных и профессиональных ролей и повествования в Сети о болезни и лечении) и теорию пациентского сторителлинга, разработанную представителями «нарративного поворота» в социальных исследованиях медицины. Качественный анализ постов (текстовых и фотографических) благодаря нетнографической оптике учитывал в том числе и сетевую коммуникативную прагматику, реакцию комментаторов на посты нарраторов, влияющую на темпы и содержание пациентского постинга. Исследование выявило три мотива сетевого постинга пациентов ковидных отделений — быть источником достоверного этнографического знания «из первых рук» о том, что происходит в больничных отделениях, успокоить свою сетевую аудиторию и получить от нее эмоциональную и информационную поддержку. Также исследование выявило три типа размещаемых пациентами нарративов — «нарратив восстановления», «поисковый нарратив» и «гневный нарратив». В качестве дополнительных результатов в статье предлагаются наблюдения об отличиях сетевых нарративов пациентов из ковидных и нековидных отделений, а также о ряде других конститутивных эффектах нарративного обмена по вопросам здоровья в Сети.

Ключевые слова: пациентские нарративы, социальные сети, пандемия COVID-19, забота, нетнография.

Введение

Период пандемии COVID-19 (далее также — ковид) характеризуется в том числе всплеском нарративности в социальных сетях. Поставленные в совершенно непривычные бытовые и экзистенциальные обстоятельства (локдауны, всевозможные социальные ограничения, мировой масштаб пандемии, страх из-за отсутствия научного консенсуса в отношении природы нового вируса и лечения от него), люди начали вести дневники и делиться личными историями болезни, рассказывать о своих симптомах, тестировании, врачах, обмениваться протоколами лечения. Особый тип таких нарративов — пациентские «репортажи» прямо из ковидных отделений, с ковидных коек. В целом это удивительное по своей массовости и коммуникативной насыщенности явление, создающее совершенно новые конфигурации пациентского опыта, возникло не сегодня — оно стало развиваться вместе с интернетом и особенно после появления мобильного интернета. Это явление очень удачно вписывается в теоретический фрейм, который в 2010 г. сформулировали австралийский и британский социологи Э.Элиот (A. Elliott) и Дж. Урри (J. Urry) в книге «Мобильные жизни» [1]. Там, в частности, они вводят понятия «цифровой стиль жизни», «миниатюрная мобильность», обозначающие повседневную практику постоянного использования мобильных беспроводных устройств, мобильного интернета, практику, многое меняющую в форматах интересубъективности и эмоциональных режимов.

Вслед за этой терминологией мы можем говорить о цифровом стиле болезни (боления) и о «мобильной жизни» стационарного пациента, который может прямо с больничной койки дистанционно продолжать свою профессиональную деятельность или выполнять семейные роли. Так, например, в ходе нашего исследования, результаты которого будут приведены ниже, мы натолкнулись на ситуацию, когда нарратор (молодая женщина с ребенком, помещенные в инфекционный бокс с подозрением на ковид и тяжелыми симптомами у мальчика) оказался отключен от возможности оплачивать счета со своей сбербанковской карточки. Платежи блокировались Сбербанком «во избежание мошенничества». Для нарратора это означало, что у дочери не будет еды (так как теперь нельзя дистанционно оплатить ее доставку), у сына не будет развлечений (скачиваемых по мобильному интернету), а у самого нарратора не будет ресурсов для ведения удаленной профессиональной деятельности во время нахождения в больнице. Эмоциональный конфликтный пост с хештегами банка возымел действие, и через некоторое время инцидент был исчерпан, цифровая мобильная нормальность повседневной жизни восстановлена.

Основной исследовательский вопрос статьи состоит в том, что именно движет пациентами ковидных стационаров, создающими во время своей госпитализации нарративы в социальных сетях. Объектом нашего исследования стали текстовые и фотопосты в сети Facebook*, которые выкладывали пациенты в Москве, Иркутске, Санкт-Петербурге и Самаре, находясь при этом в ковидных отделениях в разные волны пандемии (2020–2021 гг.). Часто эти посты приобретали вид систематических репортажей и велись ежедневно на протяжении всей госпитализации пациента, от 7 до 36 дней. Нами было проанализировано 10 таких репортажей.

* Meta признана экстремистской организацией на территории РФ.

Кроме того, в качестве дополнительного объекта исследования для поиска ответа на дополнительный исследовательский вопрос о сходстве и различии нарративных репортажей из ковидных и нековидных отделений были привлечены релевантные посты в сети Facebook* еще трех пациентов нековидных отделений (общетерапевтических) самарских стационаров. В целом анализируемые нами репортажи составили более 350 постов (текстовых и фотопостов) различного объема.

Предметом нашего исследования стали мотивы ведения пациентами репортажей из ковидных отделений, а также типология размещаемых ими нарративов. Задача выяснения мотивов и экспликации типологии пациентских нарративов из ковидных отделений включила также аналитический учет реакции на них в Сети, потому что специфика сетевой коммуникации предполагает непосредственное — часто в режиме здесь-и-сейчас — влияние комментаторов на нарратора.

Обзор литературы

Проблематика статьи находится на пересечении исследований:

- А. Использования социальных сетей в поле медицины.
- Б. Нарративных практик пациентов.
- В. Социологии ковида.

А. Использование социальных сетей врачами и пациентами — тема, становящаяся все более актуальной в рамках социальных исследований явления, которое за прошедшие два десятилетия XXI в. получило самые разные наименования: электронная медицина (или e-medicine), eHealth, медицина 2.0, телемедицина, цифровая медицина, мобильное здравоохранение (или m-health) и т.п. Часто эти термины фигурируют почти как синонимы, в других случаях они не перекрывают, а конкретизируют друг друга — в отношении той или иной технологии или категории акторов системы здравоохранения. Само сопоставление содержательного объема этих терминов уже стало отдельной теоретической задачей в современной науке [2–7]. Поскольку социальные сети становятся все доступнее для населения и происходит постоянный прирост их пользователей, люди «имеют возможность и — все чаще — привычку» [8, р. 2] использовать социальные сети в связи со своими медицинскими проблемами. При этом обращение обычных людей (не профессиональных медиков) к социальным сетям в поле медицины основано не только на мотиве «я это не знаю, но могу попытаться узнать», но и на мотиве «я знаю и хочу поделиться своими знаниями с другими» [8, р. 2, 3]; см. также [9].

Коллектив нидерландских исследователей, представляя результаты своего количественного исследования, дает более дифференцированную структуру мотивации обращения населения к социальным сетям в связи с медицинскими вопросами. Авторы выделяют пять мотивов:

- 1) поиск информации о болезни, лечении и лекарстве;
- 2) социальная поддержка, под которой понимается «контакт между двумя или более людьми, страдающими одним и тем же заболеванием и оказывающими друг другу эмоциональную или практическую поддержку» [10, р. 426];
- 3) повышение эффективности медпомощи (сравнение медуслуг и др.);

* Meta признана экстремистской организацией на территории РФ.

4) улучшение качества взаимоотношений с врачом (асинхрония удаленной консультации дает больше времени для принятия решений);

5) забота о себе и управление собой (регулирование собственного поведения как пациента).

До четырех сокращают число мотивов использования населением социальных сетей в поле медицины ученые из Флориды: получение информации о заболевании, социальная поддержка, обмен советами с другими пациентами, общение с врачом [11]¹. Есть исследования, анализирующие ту или иную отдельную функцию соцсетей в профессиональной или непрофессиональной коммуникации в связи с проблемами здоровья (например, о функции социальной поддержки и коллаборации [12; 13]).

Б. Пациентские нарративы — важнейшая теоретическая и эмпирическая тема актуальных социальных исследований медицины, в особенности применительно к «обществу ремиссии», то есть к обществу с преобладанием в структуре патологии хронических заболеваний [14–20] и ставящему задачу благодаря биомедицинским технологиям достигнуть максимального качества и продолжительности жизни пациента с неизлечимыми заболеваниями. Идею терапевтической, этической и политической значимости пациентских рассказов о болезни от первого лица — причем как в рамках институциональных клинических взаимодействий, так и за их пределами — поддерживают даже те исследователи, которые специализируются на другой медико-социологической проблематике. Например, нидерландский антрополог и философ А. Мол (A. Mol) в книге «Логика заботы: здоровье и проблема пациентского выбора» присоединилась к идее значимости подобных нарративов, отметив, что хочет повысить статус пациентских рассказов о болезни: «Рассказываемая истории, мы тем самым участвуем в управлении собой и другими, поскольку только настойчиво и вслух ставя вопросы о жизни и смерти, мы можем надеяться, что наилучшие из полученных ответов будут встроены в технологии, в лекарства, в здравоохранительные организации...» [21, р. 89]. Аннмари Мол включает эффект от циркуляции пациентских нарративов в исследуемую ею логику заботы в поле медицины.

Забота — понятие, которое все чаще фигурирует в социальных исследованиях медицины [22]. Однако если под заботой обычно понимается в таких исследованиях «комплекс взаимосвязанных действий, которые осуществляются в институциональном контексте и направлены на поддержание, улучшение или восстановление благополучия пациента» [23, р. 3], то Мол, детально описывая практики и процессуальность заботы внутри стандартных клинических интеракций, распространяет это понятие и на взаимоотношения пациентов и общества, пациентов и пациентов за пределами институциональных медицинских форматов. Именно в этом смысле понятие заботы будет применяться при интерпретации данных в нашем исследовании, хотя публикуемые в социальных сетях нарративы пациентов из ковидных отделений другой своей стороной имеют прямое отношение к институциональным контекстам. «Коммуникация сама по себе является заботой» [21, р. 76] — этот

¹ Благодарим проф. В. И. Дудину за указание на некоторые статьи из этого обзора, сделанное ею в докладе «Болезнь как опыт, разделяемый с другими: онлайн-сообщества людей с «социально-значимыми заболеваниями» в российских социальных медиа» на конференции «Тревожное общество» (Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, 2022).

тезис Мол во многом близок к позиции канадского социолога и этика А. Франка (A. Frank), который тоже полагал, что рассказ пациента о своем страдании, адресованный любому человеку, является проявлением заботы о нем и одновременно феноменом постколониального импульса в медицине [15]².

В. Отдельно следует сказать, что за последние два года появилось множество социологических количественных и качественных исследований пандемии, тематических журнальных номеров или изданий, посвященных различным аспектам этого явления, например [24; 25]. Однако пандемия ковида, болезни старого типа, при которой многое зависело и до сих пор зависит от скорости оказания медицинской помощи, пока не стала предметом социологических исследований с точки зрения продуцируемых ею персональных пациентских нарративов. Более того, опубликованы результаты масштабных международных исследовательских проектов, каким, например, является проект «Социальные сети и COVID-19» [26], охвативший 24 страны, 5 континентов и более 23 тыс. респондентов в возрасте от 20 до 40 лет. Но и в таких проектах речь, как правило, идет о том, каким источникам доверяют респонденты, насколько они способны фильтровать контент в социальных сетях, что их беспокоит в информационном поле. Между тем мы можем найти в медиа журналистские сюжеты, включающие в свои обзоры цитаты из постов, сделанных заболевшими ковидом людьми в социальных сетях (например, в таких группах ВК, как «Коронавирус COVID-19: реальные истории», «История болезни», «Подслушано Коронавирус» и др. [27]). Однако качественный социологический анализ того, что и как именно писали пользователи соцсетей о своей болезни и борьбе с ней, тем более находясь при этом на лечении в стационаре, пока в науке о пандемии и о том пациентском опыте, который ей оказался релевантен в эпоху мобильного интернета, отсутствует. Поэтому качественный анализ мотивов ведения «ковидных» нарративов стационарными пациентами, прагматика и типология таких нарративов, особенности того, как на эти репортажи реагировала Сеть, представляются весьма актуальными для современной социологии медицины, особенно в контексте влияния мобильного интернета на проживание болезни.

Дискуссия

Цифровой стиль болезни, включающий сетевое сострадание и сетевую экспертную поддержку, меняет привычную и усвоенную нами с детства конфигурацию медицинских пространств. Еще десять лет назад подключенность стационарного пациента к мобильному интернету могла означать взлом госпитальной имманенции, необходимость пересмотра отношений власти в медицине (отношений врач — пациент), преодоление практик изоляции и исключения, которые ей дисциплинарно свойственны. Действительно, пациент, подключенный к Сети, причем вне зависимости от того, находится ли он дома, на больничном, или лежит в стационаре, благодаря интернету оказывается в пространстве немонополизирован-

² Понятие постколониальности в отношении пациентского опыта в интерпретации Франка означает преодоление заболевшим человеком зависимости от объективирующего медиализированного языка, на котором только и предписывалось пациенту описывать свою болезнь, свое страдание в медицине модерна. Такая зависимость соответственно означает у Франка колонизацию пациентского опыта институтами биомедицины [15].

ного экспертного знания, которое изменяет отношение власти между пациентом и его непосредственными врачами, что было наглядно показано, например, в серии «Полный провал» сериала «Доктор Хаус» (2009 г.). Количественные исследования «медицинских» обращений к интернету [10; 11], обзор которых дан выше, подтверждают эти тенденции, поскольку фиксируют практику самостоятельного поиска пациентами медицинской информации в интернете, нахождение ими возможностей для удаленных онлайн-консультаций с медиками и другие практики, сказывающиеся на перераспределении отношений господства в поле медицины.

Тем не менее в эпоху пандемии ковида основная значимость пациентской интернет-коммуникации, ведущейся с больничных коек, значимость пациентского сетевого постинга, как нам представляется, состоит все-таки в другом. В том, что американская исследовательница влияния информационных технологий на систему здравоохранения С. Фокс (S. Fox) называет «равным» или «равноправным» здравоохранением (peer-to-peer healthcare) [28], имея в виду социальную поддержку пациентами друг друга, их желание не только знать, но и делиться с другими своими знаниями. Эту функцию интернет-коммуникаций пациентов также подтверждают те исследования, о которых шла речь выше [10–13]. Публичный рассказ пациента в Сети о своей болезни помещает его в бесконечное пространство солидарной боли, заботы о другом, возможного солидарного переживания собственных симптомов и взаимопомощи.

Ситуацию в медицине, делающую актуальными подобные солидарные тенденции, можно описать емким высказыванием Аннмари Мол из ее уже упоминавшейся ранее книги «Логика заботы...», заочно оппонирующей тем классическим подходам социальных исследований медицины, которые сконцентрированы исключительно на отношениях господства: «Проблема не в том, что другие пытаются командовать вами, а в том, что никому нет до вас дела» [21, р. 85]. Публичные пациентские нарративы, адресованные друг другу и широкому читателю (адресация в социальных сетях зависит от настроек персонального сетевого аккаунта), с точки зрения Мол, с которой мы целиком согласны, призваны хотя бы отчасти компенсировать подобный дефицит внимания и обеспечить этическую/эмоциональную и практическую (советами) взаимопомощь людей, оказавшихся или могущих оказаться в ситуации серьезной болезни.

Именно поэтому, с нашей точки зрения, те открытия универсальной (этической, терапевтической) значимости рассказа о болезни от первого лица, которые были сделаны социологами и антропологами медицины в контексте проблематики «общества ремиссии» еще в конце прошлого века, остаются абсолютно релевантными — в том числе методологически — и для периода пандемических вспышек инфекционных заболеваний, то есть болезней старого типа. Более того, возможно, в условиях социальных ограничений и общей эпистемической неопределенности при ковиде (растерянность науки, противоречивость той информации, которую транслировали медиа, отсутствие медицинских инстанций экспертного суждения, к которым у населения было бы безоговорочное доверие) роль нарративного пациентского обмена еще более возросла. Единственное очевидное отличие тех нарративов, о которых писали классики «нарративного поворота» в социологии и антропологии медицины, от сегодняшних рассказов о болезни от первого лица заключается в самой фактической ситуации нарративного контакта. Сегодня он

происходит прежде всего в интернете, в социальных сетях. Но это отличие коммуникативной прагматики, а не типологической семантики автонарративов о болезни. Тем не менее особенность сетевой прагматики нарративного обмена, безусловно, нужно учитывать при эмпирическом анализе.

Методология

В исследовании использовался качественный подход, в рамках которого применялся традиционный качественный анализ документов как главный метод, основанный на процедурах интерпретации в контексте поставленных задач (экспликации мотивов и типологии пациентских нарративов из ковидных отделений). В исследовании использовался целевой отбор документов. Критерии отбора: нарративы созданы людьми, болеющими ковидом и проходящими лечение в ковидных отделениях стационаров крупных городов. Типологический анализ пациентских нарративов основан на классификации типов пациентского сторителлинга, разработанной известными представителями «нарративного поворота» в социальных исследованиях медицины А. Франком [15] и А. Х. Хокинс (A. H. Hawkins) [29].

Также в статье как дополнительный методологический ресурс задействована оптика нетнографии [30]³ — в том ее (сегодня приоритетном) виде, когда этнографическое наблюдение за взаимодействиями в Сети сочетается со включенностью социолога в онлайн-коммуникацию с объектом анализа (прежде всего в комментариях под постами анализируемых нарраторов).

Результаты нашего анализа, представленные в статье, анонимизированы, как того требует исследовательская этика. По поводу необходимости получать информированное согласие при нетнографии идут споры [30; 34]. Однако точки зрения, высказываемые в этих спорах, прежде всего релевантны тем сегментам интернета, которые в том или ином конкретном случае становятся объектом анализа. Принципиально здесь то, идет ли речь о закрытых онлайн-сообществах или открыто размещаемой в Сети информации для потенциально неограниченной публики. Сегодня все более распространенным в науке является подход, в рамках которого киберпространство позиционируется как «публичная сфера, виртуальная агора или просто “клевое место” для сбора и общения» [35], или — в других терминах — пространство «публичной интимности» [36]. В нашем случае мы сочли возможным исключить процедуру информированного согласия, потому что все исследуемые нами посты были размещены нарраторами на их страницах в социальной сети в режиме открытости («для всех»), то есть в формате неограниченной публичности. Более того, многие из этих постов репостились в социальных сетях, а репортаж одного из нарраторов (А., м., Москва, весна 2020 г.) был размещен на страницах са-

³ Понятия нетнографии для нас является синонимичным понятию цифровой этнографии [31]. Отметим, что консенсус в отношении этих и других смежных терминов (например, киберэтнографии, виртуальной этнографии) в науке еще не сложился. Есть авторы, предпочитающие различать эти термины, например отделять виртуальную этнографию от всех других видов этнографирования в Сети [32], есть исследователи, считающие, что это контекстуальные синонимы с большим объемом пересекающихся значений [33]. Понятие нетнографии со ссылками на работы Р. Козинца (R. Kozinets) и некоторых других авторов является вполне конвенциональным для актуальных социологических исследований Сети.

марского паблика с указанием автора этого репортажа и кратким интервью с ним. Нарраторы, которых мы исследовали, рассчитывали на публичность — широкая огласка содержания их повествований входила в замысел пациента-нарратора.

Результаты

Ниже приведены результаты анализа, отвечающие на исследовательский вопрос о мотивах ведения пациентами нарративных репортажей из ковидных отделений.

Мотив 1: «Чтобы развеять неопределенность»: первый тип практики заботы о других. Одним из ключевых мотивов размещения постов пациентами из ковидных отделений начиная с первой волны пандемии является решение пациента быть источником достоверного знания о том, что происходит в ковидном стационаре на самом деле. Причем это решение предстает настолько осознанным и сильным, что оно побуждает к рассказу даже тех, кто ранее никогда не занимался активным постингом в социальных сетях (по признанию самих нарраторов). Желание быть источником достоверного знания возникало на фоне той бурной дискуссии, которая велась в интернете и в различных СМИ, касающейся природы новой болезни и той неопределенности и даже растерянности, которые она породила не только среди неспециалистов, но в кругах экспертов. Эта неопределенность распространялась, в частности, на само существование ковида, которому многие отказывали в клинической и вирусологической специфике, и — как следствие — на те меры, которые предпринимали государство и система здравоохранения. Нарратор, чью цитату мы приведем далее, оказался среди самых первых московских пациентов, помещенных в только что открывшийся специализированный ковидный стационар — Коммунарку — с подтвержденным диагнозом.

«Обычно в социальных сетях я ничего не пишу, так как считаю текст не близким мне медиумом. Но в новых обстоятельствах, которые стремительно развиваются и требуют от людей решений и поступков, я изменю своим правилам и буду описывать опыт встречи с COVID-19 и нашей системой здравоохранения. Я решил поделиться этим опытом чтобы развеять неопределенность, которая проявляется порой в очень странных поступках и мнениях, например в соц. сетях я до сих пор наблюдаю комментарии людей, которые не верят, что вирус существует. И последнее, я буду описывать события, происходящие со мной, но постараюсь не делать каких-либо выводов» (А., м., Москва, весна 2020 г.).

Этот текст, открывающий серию постов данного нарратора (которые размещались вплоть до его благополучной выписки), прямо эксплицирует три ключевых аспекта в практике рассказывания в социальных сетях о своей болезни в условиях стационара. Сформулируем их так: *я не писал, но теперь пишу; я это делаю ради других; я не делаю выводов, но просто даю вам описание (этнографию) происходящего в ковидных отделениях.* Эти три аспекта в том или ином сочетании присутствовали и в других наблюдаемых нами репортажах из больничных отделений.

Приведем пример такой пациентской внутрибольничной этнографии от того же нарратора: «Ночью привезли соседа с сильным кашлем и температурой. КАТЭ показало, что у него двустороннее воспаление легких. История заражения похожа, никуда не выезжал, пошел в баню со знакомым, который в свою очередь общался

с другим знакомым, который приехал из Германии. Через неделю его и еще нескольких человек, все они были вместе в бане, привезли в “Коммунарку”. Раз в сутки сменяются мед. сестры и мед. братья, которые дежурят по два-три человека на отделение. Обычно это студенты старших курсов медицинских институтов, веселые и общительные, говорят, что сами вызвались сюда волонтерами» (А., м., Москва, весна 2020 г.).

Комментаторы нарратора приветствуют его решение и подтверждают, что нуждаются в информации о коронавирусе из первых рук: «Очень хорошо, что описал весь этот опыт, людям не хватает информации из первых рук. Выздоровливай!», «Просыпаюсь утром и сразу читаю твои заметки... нас отучили верить всему, что написано... а в такой ситуации хочется хоть немного правдивой информации», «Спасибо, что делитесь, остальным легче — хоть что-то известно — ЧТО там за дверями инфекц. больниц. Здравия!»

Другой пример осознанности решения лично свидетельствовать о происходящем в стационаре — в качестве «гражданского долга»: «Выполню гражданский долг.... Люди, прививайтесь, не раздумывая! Вы просто не представляете всего объема ужасов этой болезни» (С., м., Иркутск, осень 2021 г.). Комментаторы, среди которых были и пациенты, лежащие в этот момент в других клиниках, под постами этого нарратора прямо запрашивали информацию «из первых рук», репрезентируя главную общественную дискуссию 2021 г. — дискуссию о пользе и вреде вакцинации: «...а сколько рядом с вами лежит человек, которые свалились из-за прививки? В моей палате из таких... — двое».

Еще один верифицирующий нарратив — детализированный, почти профессиональный рассказ (в нескольких постах) о госпитале (сколько в нем отделений, реанимаций), о вместимости и его реальной заполненности в процентах, что является, на взгляд нарратора, показателем эпидемической ситуации. Такие посты могли быть с фотоподтверждением номера пациента на стене, поскольку номер дает основание для суждения о количестве пациентов, о суточной пропускной способности. Здесь же, в таких репортажах, предлагается краткий отчет о сопалатниках: их возраст, пол, состояние, время пребывания в госпитале. Вот из этой эпистемологически привилегированной ситуации непосредственного свидетеля делается аргументированный призыв к широкому читателю: «В госпитале много вакцинированных. Примерно половина-треть. Когда в новостях пишут о том, что вакцинированные почти не попадают в больницы — вводят в заблуждение. Вероятно, привитых проще лечить (хотя и среди них случаи разные), но их здесь действительно много. Будьте внимательнее» (А., м., Москва, осень 2021 г.). Мотив сообщения нарратора здесь — развенчать обман или неточность официальных источников и официальных лиц, публично высказывающихся по вопросу тяжести болезни у вакцинированных. В ответ на конкретный запрос комментатора о вакцинном статусе пациентов в его палате нарратор фактически заявляет о готовности провести исследование, узнать этот статус у других пациентов. В комментариях возникают споры о том, так ли это, как рассказывает нарратор (количество вакцинированных пациентов в отделении). Кто-то в процессе разгоревшейся под постом эпистемологической дискуссии не советует распространять информацию, «которую Вы сейчас едва ли можете проверить». Но нарратор гарантирует верификацию: «Я написал о том, что могу проверить... Но палата не одна, у меня здесь болеет жена. В женских

палатах (жену завтра выписывают, она ходит, видит и слышит намного больше) примерно такая же ситуация» (А., м., Москва, осень 2021 г.).

При этом репортажи нарратора, предлагающие соответствующие подсчеты, статистику и вызывающие полемику у одних и благодарность у других, опознаются комментаторами именно как забота о других: «Вы не утомляйте себя заботой о всем мире. Вам лично сейчас силы нужнее». Однако нарратор, находящийся на больничной койке, не снимает с себя взятого обязательства рассказывать о том, какие пациенты по своему вакцинному статусу находятся в ковидных отделениях: «А пока я могу вести подсчет невакцинированных и привитых больных. Преувеличивать или преуменьшать их количество мне никакого смысла нет, я просто буду собирать инфу у больных» (А., м., Москва, осень 2021 г.). Причем он это делает, даже когда у него падает сатурация до 80, о чем он сообщает, и продолжает этот нарратив после того, как его «откачали».

Именно эпистемологический мотив быть источником достоверного знания о том, что на самом деле происходит за стенами ковидных стационаров, явился одной из причин тех этнографических фоторепортажей, которые также содержатся в пациентских нарративах. Ставится задача не только рассказать, но и показать (рис. 1–5).

Нам показывают приемный покой, то, как организовано терапевтическое пространство в отделении, один из главных вещественных персонажей пандемии — кислородный аппарат на стене палаты, больничный быт, развоз завтрака, обязательно селфи без маски как подтверждение положительной динамики в ходе лечения и многое другое. Отметим, что фотографии, сделанные пациентами в ковидных отделениях, как правило, этически корректны — нам ни разу не встретились в репортажах фотографии лиц сопалатников или медработников. Это спонтанная или вполне осознанная (если учесть специальную обрезку на одной из представленных фотографий фамилии некоего «Сергея Петровича») анонимизация размещаемого

Рис. 1. Фото А., м., Москва, лето 2021 г.

Примечание: Все фотографии взяты из публичных (открытых) социальных сетей исследуемых нарраторов. Использование таких фотографий в статье при условии их анонимизации подчиняется тем же этическим принципам, что и использование цитат нарраторов (см. описание этики нетнографии в разделе «Методология»).

Рис. 2. Фото А., м., Москва, осень 2021 г.

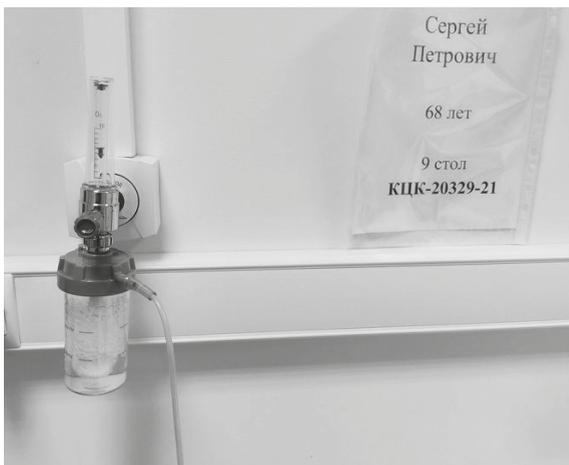

Рис. 3. Фото А., м., Москва, осень 2021 г.

Рис. 4. Фото А., м., Москва, осень 2021 г.

Рис. 5. Фото А., м., Москва, весна 2020 г.

контента, этичность таких любительских репортажей роднит их с профессиональными. Лишь один раз мы увидели фотографию радостного вылечившегося пациента с медработником, у которого было открыто лицо, сделанную, что совершенно очевидно, по обоюдному согласию.

Мотив 2. «Друзья. Я еще жив»: второй тип практики заботы о других. Второй мотив нарративного пациентского постинга из ковидных отделений, который мы можем обозначить как второй тип заботы о других, — это желание успокоить свою сетевую аудиторию. Чаще всего пациент-нарратор первым начинает рассказывать о том, что попал в больницу и размещать периодические отчеты о своем

состоянии. Но он хочет, чтобы его друзья не волновались: «Друзья. Я еще жив» (В., м., Самара, февраль 2021 г.), «Друзья, не волнуйтесь, мне лучше» (А., м., Москва, осень 2021 г.). Однако, начав такой рассказ, нарратор невольно накладывает на себя коммуникативные и моральные обязательства его продолжать, и если он не может этого делать в силу своего состояния, то он должен об этом предупредить: «Не могу отвечать, нет сил»; «Состояние средней тяжести. Стабильное. Не отвечаю нигде никому» (А., м., Москва, осень 2021 г.).

Более того, цифровые интеракции в Сети создают эмоциональные (эмпатийные) ловушки даже самым темпом постинга, поскольку формируют у читателей определенные ожидания, которые, если они не оправдываются, могут вызвать повышенную тревогу: «Несколько дней назад складывалось впечатление, что вы пошли на поправку — стали писать несколько постов в день. А тут смотрю, снова перешли в одноразовый режим появления в Фейсбуке*. Поняла, что видимо снова стало хуже» (под постом нарратора С., м., Иркутск, осень 2021 г.).

В том числе потому, что задачей пациентских нарративов из ковидных отделений является успокоение друзей, такие повествования в обязательном порядке рассказывают о положительной динамике, о хороших прогнозах на выздоровление: «Продержался 33 минуты без кислорода. Новый рекорд», «начинается процесс восстановления», «жду перелома» (А., м., Москва, осень 2021 г.), «сегодня прямо качественное улучшение» (А., ж., Москва, осень 2021 г.). Все исследуемые нами нарраторы периодически используют слово «надежда»: «Появилась надежда выйти за пределы», «В общем, когда протираю руки санитайзером, чую легкий запах спирта. Так что надежда есть» (А., м., Москва, лето 2021 г.).

Мотив 3. Забота о себе: получение эмоциональной поддержки⁴. Нарраторы пишут из больничных отделений, чтобы получить моральную/эмоциональную поддержку. Они в ней нуждаются, потому что боятся: «...кроме страха, я ничего не чувствую в эту ночь и ничего не буду чувствовать в этот день» (А., ж., Москва, осень 2021 г.), «были дни в обнимку с банкой, через которую идет кислород. Без нее я жила примерно полминуты, пока ее меняли, сердце выпрыгивало из горла. А вдруг кончится вода? А вдруг медсестра не прибежит на тревожную кнопку?» (Е., ж., Санкт-Петербург, зима 2021 г.). Порой они даже допускают худшее. Комментарии свидетельствуют о том, что пациенты эту поддержку получают сполна: под каждым постом мы видим от нескольких десятков до сотен поддерживающих комментариев — в зависимости от количества френдов у пациента в аккаунте. Комментарии показывают свое равнодушие, свою озабоченность здоровьем нарратора, пытаются его подбодрить, шутить, предлагать помощь советом, а иногда и делом. Между стационарным пациентом, пишущим прямо с ковидной койки, и его читателями устанавливается непрерывная эмоциональная связь. Из комментариев

* Мета признана экстремистской организацией на территории РФ.

⁴ В российской социальной и гуманитарной науке понятие «заботы о себе» ассоциируется прежде всего с одноименной работой Мишеля Фуко [37], посвященной анализу греческого принципа *epimeleia heautou* начиная с его платоновского периода и до эллинистической институционализированной «культуры себя». Книга Фуко, несомненно, дала новую оптику и для эмпирического анализа современного опыта человека (поскольку забота о себе — это именно практики), в том числе в области медицины. Вместе с тем нельзя не отметить, что в сфере социальных исследований медицины уже существует самостоятельная традиция употребления понятий заботы о других и о себе, принципиальные моменты которой оговорены нами в Обзоре (см. также: [38]).

следует, что эмоциональную поддержку оказывают и те, кто на «ты» с повествователем, и те, кто с ним на «вы», в том числе и совсем незнакомые люди, пришедшие в данную ветку комментариев из другой ленты, что позволяют алгоритмы исследуемой социальной сети⁵. Пациенты даже удивляются такому масштабу эмпатии, который они получают под своими постами: «В своей жизни я НИКОГДА не получал столько сочувствия и заботы, сколько в последние тяжелые дни болезни... масштабы сочувствия и поддержки, которые я получил в эти дни от самых разных людей, это совершенно новый опыт» (С., м., Иркутск, осень 2021 г.).

Кроме того, особенности цифрового стиля болезни создают эффекты «контейнирования» [1, р. 39] этих эмоций. В результате сетевых интеракций (в отличие от обычных взаимодействий, которые изучали интеракционисты) возникают огромные и одновременно персонализированные эмпатийные хранилища, из которых пациент может черпать поддержку в любой момент.

Если сравнить пациентские нарративы из ковидных отделений с имеющимися у нас пациентскими репортажами из других отделений, репортажами, которые пациенты вели до эпохи ковида или в период пандемии (один из изучаемых нами нарраторов до того, как попал в ковидное отделение, лежал в кардиологии), то мы увидим некоторые различия. В таких нарративах также присутствует рассказ о палате и об отделении, желание успокоить аудиторию, демонстрируя прогресс в лечении, и запрос на эмоциональную или практическую поддержку. Однако есть интересные нюансы. Во-первых, рассказ об устройстве больничного быта в таких нарративах из стационаров не мотивирован быть источником достоверного знания на фоне неопределенности и дискуссий. У такого рассказа совсем нет эпистемологических обоснований и целей. Скорее он фигурирует в контексте авторских размышлений о человеческом теле, жизни и смерти, медицине. Поэтому этнографический рассказ о палате и/или отделении здесь в конечном итоге центрирован на самом нарраторе: «По коридору ходит дедушка в майке и подгузнике. В тюремных наколках мужчина — еще не зажившими швами наружу. Полураздетые люди с трубками, повязками и дренажами. Кажется, что многие здесь намеренно снимают границы внешнего вида, выбирают максимально открыто рассказывать о своей боли и метаморфозах тела. И я не знаю, что первично: выбор человека или требование системы» (А., ж., Самара, лето 2021 г.). Во-вторых, есть отличия в фигуре сопалатников, в том, как отражены в повествованиях внутрибольничные взаимодействия между пациентами. В ковидных нарративах сопалатники если и появляются, то в рамках обобщенно-медициализированного дискурса. Говорится о том, как они могли заболеть ковидом, какие у них показатели, какой вакцинный статус и т. п. В нековидных нарративах другой пациент того же стационара может присутствовать как партнер по немедициализированной коммуникации, как другой человек со своими переживаниями. Он интересен уже не только с медицинской точки зрения: «В палате на 6 человек средний срок пребывания планового пациента равен неделе. Я провела в этой палате уже 3,5 недели, встретила многих вновь прибывших, проводила

⁵ Наши этнографические наблюдения подтверждают основную идею Мелинды Блау и Карен Л. Фингерман, высказанную ими в книге «Значимые незнакомцы» (“Consequential Strangers”) и заключающуюся в том, что случайно встречающиеся в нашем опыте, нашем общении незнакомые нам люди могут оказывать весьма существенную практическую и эмоциональную помощь и выполнять функцию своеобразного социального сопровождения [39].

многих выписавшихся — успела повидать разных. Негативистов и живчиков, всезнающих и вечно посмеивающихся, деятельных и разговорчивых, громкоголосых и туговатых на ухо — разных... Но среди разных и разного я видела и слышала Человека Счастливого. Это женщина, ей 50, она из области, ведет хозяйство, допускает ошибки в словах и... живет, счастливая своей жизнью. Радостная, спокойная, немного робкая» (А., ж., Самара, лето 2021 г.). Неслучайно, что и комментаторы под такими постами поднимают тему особой больничной жизни («Очень понимаю, о чем это. И про разные разговоры в палате, про радость и счастье и смерть привычным голосом. Такая вот больничная жизнь. Ни с чем не сравнимая. Нигде не встречала больше») и тему поддержки человеческих связей, солидарности между сопалатниками и после их выписки: «вы этих людей еще долго будете вспоминать, я соседей по палате из “клиник” до сих пор вспоминаю, а с одним... даже общаемся». В ковидных нарративах нам не встретились подобные интерсубъективные переживания — возможно, потому что в инфекционных отделениях (тем более если учесть тяжесть и опасность протекания ковида) невозможны тесные контакты между пациентами. Ковидные пациентские нарративы демонстрируют, что солидарные связи нарраторы предпочитают образовывать со своей сетевой аудиторией, оставаясь относительно атомизированной единицей в самом отделении.

Типология пациентских нарративов из ковидных отделений. Ниже приведены результаты анализа, отвечающие на исследовательский вопрос о типах пациентских нарративов, которые размещали в своей социальной сети пациенты ковидных отделений.

В основном сетевые нарративы пациентов из ковидных отделений относятся к типу *Restitution Narrative*, или «нарративу восстановления» [15]. Основной его сюжет: вчера я был здоров, сегодня болен, завтра опять буду здоров. По содержанию и языку такой нарратив, как следует из типологии Артура Франка, максимально медикализирован. Мы видим в сетевых пациентских нарративах в период пандемии подробные, ежедневные, часто предьявляемые по нескольку раз в день отчеты о состоянии тела — температуре, сатурации, анализах, КТ, УЗИ, тестировании, различных симптомах.

Однако внутри таких нарративов есть отдельные посты разного объема, которые можно отнести к типу *Quest Narrative* [15], «поисковому нарративу». Его содержанием является рефлексия того, как болезнь влияет на самость человека, а также извлечение экзистенциального блага из ситуации опасного заболевания. Например: «Вообще опыт полезный в моем возрасте. Реальная репетиция старости — беспомощности, и даже чуточку репетиция смерти. Мозги хорошо вправляет. Никому не рекомендую, конечно, но если случится, не бойтесь. Это может оказаться полезным», или этот же нарратор: «Вот падла-ковидла! Заставила-таки осуществить переоценку ценностей!» (С., м., Иркутск, осень 2021 г.). Другой пример: «бессонная неделя в маленькой коробочке с больным шестилетним ребенком, с непрозрачными окнами, запертой дверью и с едой, подаваемой в кормушку, — это важный опыт смирения» (А., ж., Москва, осень 2021 г.).

Наличие подобных тем в сетевых пациентских нарративах уточняет известный тезис Франка (сделанный им в эпоху до соцсетей), согласно которому несогласие на колониальную, некогда описанную Т. Парсонсом (T. Parsons), «роль больного» [40] в «обществе ремиссии» происходит за пределами клиники: «В клинике постколо-

ниальный импульс срабатывает в меньшей степени, нежели в историях о болезнях, которые члены общества ремиссии рассказывают друг другу» [15, p. 13], «чтобы поговорить о болезни, вы должны уйти в другое место» [16, p. 15]. Сегодня тезис Франка нужно понимать не с точки зрения места производства такого импульса, а с точки зрения его адресата и прагматики коммуникативной ситуации. В клинических взаимодействиях, то есть в общении с медработниками, пациент и сейчас вынужден принимать на себя парсоносовскую «роль больного» и говорить о своем страдании на языке биомедицины, а поиск другого языка описания своих состояний искать за пределами рутинных клинических взаимодействий, в коммуникации с не-медиками, различными категориями широкой аудитории. Однако эпоха мобильного интернета позволяет функционировать в роли пациента больничного отделения, выполняя все соответствующие медицинские предписания, и одновременно, в тот же самый момент реализовывать внебольничные — профессиональные и семейные — социальные роли, а также находить немедициализированные слова о своих страданиях, рефлексировать собственный опыт, осваивая *этическую роль свидетеля* [41; 42], обращаясь к той самой неспециализированной широкой аудитории.

Также в пациентских больничных репортажах присутствуют и «гневные нарративы» (*angry pathographies*) — в терминологии исследовательницы патографий Анны Хансейкер Хокинс [26]. Такие нарративы содержат критику системы здравоохранения: «А скорая не приедет, это понятно. В скорой работают медицинские преступники... Уже в Москве, когда у меня начался цитокиновый шторм, когда промедление смерти подобно... меня переключили на консультацию, и врач долго отчитывал меня, что я не имею права обращаться за помощью, потому что температура на два деления ниже нужной... Я в шоке от нашей медицины... Никто ничего не понимает, кажется. Врачи из поликлиники приходят какие-то напуганные и растерянные, так что и нам становится не по себе» (С., ж., Москва, осень 2021 г.).

При этом вся критика в нарративах, с которой мы столкнулись, как правило, касается взаимодействия с догоспитальной медицинской помощью, то есть с системой первичного звена, скорой помощью, системой тестирования и пр. Тогда как (за редким исключением) медперсоналу самой больницы пациенты исключительно благодарны: «Врачи подвижники, не устану повторять. Как эти дежурные бегали вокруг! Один из них пришел через четыре дня и радостно сказал: “А Вы не зеленая а розовая!”»; «Важное скажу, медики работают так, как мы и не знаем, что можно работать» (Е., ж., Санкт-Петербург, зима 2021 г.).

Выводы и обсуждение результатов

Итак, наше исследование показало методологическую применимость к анализу сетевых коммуникаций некоторых ключевых положений теории пациентских нарративов, сформулированных представителями социологии и антропологии медицины в эпоху до социальных сетей, в частности наработанные в рамках этой теории типологии рассказа о болезни от первого лица. Анализ выявил три типа размещаемых пациентами из ковидных стационаров нарративов — «нарратив восстановления», «поисковый нарратив» и «гневный нарратив». При этом последний содержал главным образом критику догоспитальной медицинской помощи во время пандемии. Наличие у исследуемых нарраторов «поискового нарратива», вы-

страиваемого вокруг извлечения блага (экзистенциального) из ситуации болезни, позволяет сделать вывод, что известный тезис социолога Артура Франка о том, что постколониальный импульс в пациентском опыте может срабатывать только за пределами медицинских учреждений, в сегодняшних коммуникативных обстоятельствах, при условии подключенного мобильного интернета, должен быть скорректирован. Исследование показало, что разговор пациента о своем страдании на немедицизированном языке (и, следовательно, персональное конфигурирование опыта болезни) ведется им в том числе изнутри больничных отделений.

«Цифровой стиль болезни» у исследуемых нами нарраторов проявлялся также и в том, что они совмещали «роль больного» и выполнение (дистанционным способом) своих родительских и профессиональных функций (заказ еды детям, оставшимся дома, удаленная работа по интернету и пр.).

Наш анализ выявил три мотива сетевого постинга (ведущегося в виде текстов и фотографий) пациентов из ковидных отделений — быть источником достоверного этнографического знания «из первых рук» о том, что происходит в отделениях, успокоить свою сетевую аудиторию и получить от нее эмоциональную и информационную поддержку. Тем самым наши результаты дополняют тот корпус социологических исследований пациентских ковидных практик, которые имеются к настоящему моменту, образуя новое знание о пациентском опыте в эпоху ковида. Более того, мотив «быть источником достоверного знания» оказывается уникальным — даже по сравнению с теми нарративами, которые и раньше вели пациенты из стационаров неинфекционного профиля. Это специфическое эпистемологическое измерение «заботы о другом» в эпоху радикальной неопределенности и неясности — в отношении природы нового вируса и его последствий, готовности системы здравоохранения ему противостоять — существенно углубляет ту картину мотивов обращения населения к интернету в медицинских целях, которую мы знаем по имеющимся релевантным количественным исследованиям, упоминаемым в обзоре.

Этнографирование сетевых реакций на посты пациентов-нарраторов показало, что все нарраторы получали ту поддержку, на которую рассчитывали, и даже — по их словам — больше, чем рассчитывали. Среди откликающихся и поддерживающих комментаторов присутствуют и френды нарратора, и те, кто пришел в комментарии из других лент. Комментаторы могут откликаться на рассказ нарратора, следовать его логике рассказа, но могут и прямо запрашивать у него ту или иную информацию (о протоколах лечения, вакцинном статусе пациентов в отделении, организации медпомощи и пр.), по достоинству оценивая старания нарратора выполнить их просьбы («забота о всем мире»). Темп постинга зависит не только от его собственного физического и морального состояния (возможности писать), но и от сетевой коммуникативной прагматики, от запросов и ожиданий комментаторов.

Также в порядке дальнейших исследований поделимся некоторыми дополнительными наблюдениями за объектом анализа и теми, соответственно, дополнительными выводами, которые из них следуют. Сетевая коммуникация вокруг пациентских репортажей из ковидных отделений позволяет ввести конструкт «общество личного» («общество личного опыта»). Обязательный компонент этой коммуникации и главный аргумент в разворачивающихся на страницах соцсетей дискуссий вокруг коронавируса — апелляция к личному опыту болезни и лечения. Рассказ о личном опыте проживания болезни — основной контент всех коммен-

тариев — вне зависимости от того, спрашивали комментатора о его личном опыте или нет. Комментатор приходит в ветку под постом с манифестацией личного, логическая структура которого одна и та же: *а у меня было так*. Наши наблюдения показывают, что из двух источников пациентского поведения — культурного знания и личного опыта (эти источники пациентских решений выделяют представители когнитивной медицинской антропологии [43]) — в Сети лидирует именно личный или семейный опыт. Этот факт другой своей стороной учреждает болезнь как причину перманентного и повседневного нарративного обмена, поскольку личный опыт транслируется сетевыми акторами при помощи повествований. Именно истории становятся главным содержанием символического обмена в Сети в поле медицины.

Кроме того, мир любительских «медицинских» комментариев фактически оначает потоки стихийной *медицинской антропологии снизу*. Перманентная практика глобального (территориально абсолютно не ограниченного) сопоставления симптоматики и протоколов лечения комментаторами из разных городов и стран конституирует стихийный *медицинский плюрализм* как естественную коммуникативную среду в Сети.

И, наконец, мир комментариев под постами нарраторов из ковидных отделений предъясняет нам специфическое массовое «общество рекомендаций». Эта практика обмена медицинскими советами в Сети выглядит при этнографировании не как одна из тех практик обращения населения к медицинскому интернету, о которых говорят исследователи [11], а едва ли не как тотальная и основная. Впрочем, для обоснования этого тезиса нужны отдельные количественные исследования. Транслирование своей личной истории комментаторами, как и у основного нарратора, выполняет функцию рекомендации, часто эксплицитную, при помощи языковых маркеров («я вам рекомендую», «я вам советую»), часто подразумеваемую, но также считываемую ситуативными адресатами. Общество массовых рекомендаций создает совершенно новую среду для любых профессиональных медицинских назначений и биополитики.

В заключение поставим проблему, которая в перспективе нуждается в качественном анализе: общее и различное между нарративами из ковидных и других больничных отделений, между нарративами из стационара и из дома.

Литература

1. Elliott A., Urry J. Mobile lives: self, excess and nature. London; New York: Routledge, Taylor & Francis e-Library, 2010.
2. Eysenbach G. What is e-health? // Journal of Medical Internet Research. 2001. Vol. 3, no. 2. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1761894/> (дата обращения 05.05.2022).
3. Eysenbach G. Medicine 2.0; social networking, collaboration, participation, apomediation, and openness // Journal of Medical Internet Research. 2008. Vol. 10, no. 3. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2626430/> (дата обращения 05.05.2022).
4. Sass H. M. E-Health, health promotion and wellness communities in cyberspace // Eubios Journal of Asian and International Bioethics. 2004. No. 14. P. 170–174.
5. Allen A. Morphing telemedicine — telecare — telehealth — eHealth // Telemed Today. Special iss.: Buyer's Guide and Directory. 2000. Vol. 1. P. 43.
6. Леванов В. М. От телемедицины до электронного здравоохранения: эволюция терминов // Медицинский альманах. 2012. № 2. С. 16–19.

7. Кузьмин К. В., Семенова Е. В., Петрова Л. Е., Закроева А. Г. Коммуникация врача и пациента: прошлое, настоящее, будущее (исторический и медико-социологический анализ). Екатеринбург: Издательство УГМУ, 2016.
8. Fox S. The social life of health information // Pew Research Center's Internet & American Life Project. 2011. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2011/05/12/the-social-life-of-health-information-2011/> (дата обращения 05.05.2022).
9. Nath C., Huh L., Adupa A. K., Jonnalagadda S. R. Website sharing in online health communities: A descriptive analysis // Journal of Medical Internet Research Publications. 2016. Vol. 18, no. 18. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4730108/> (дата обращения 05.05.2022).
10. Antheunis M. L., Tates K., Nieboer T. E. Patients' and health professionals' use of social media in health care: motives, barriers and expectations // Patient Educ Couns. 2013. Vol. 92 (3). P. 426–431.
11. Huo J., Desai D., Hong Y-R., Turner K., Arch G. Mainous A. G., Bian J. Use of social media in health communication: Findings from the health information National Trends Survey 2013, 2014, and 2017 // Cancer Control. 2019. Vol. 26 (1). P. 1–10. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6475857/> (дата обращения 05.05.2022).
12. Bacigalupe G. Is there a role for social technologies in collaborative healthcare // Families Systems & Health. 2011. Vol. 29 (1). P. 1–14.
13. Tanis M. What makes the Internet a place to seek social support? New York: Routledge, 2008. P. 290–308.
14. Charon R. Narrative medicine: Honoring the stories of illness. New York: Oxford University Press, 2006.
15. Frank A. W. Wounded storyteller: Body, illness, and ethics. Chicago; London: University of Chicago Press, 1995.
16. Frank A. W. At the will of the body. Reflections on illness. Boston; New York: Houghton Mifflin Co., 2002.
17. Kleinman A. The Illness Narratives. Suffering, Healing, and the Human Condition. New York: Basic Books, 1988.
18. Brody H. Stories of sickness. New York: Oxford University Press, 2003.
19. Jurecic A. Illness as narrative. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2012.
20. Лехуцкер В. Л. Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины. Вильнюс: Logvino literatūros namai, 2018.
21. Mol A. The logic of care: Health and the problem of patient choice. London: Routledge, 2008.
22. Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства: сборник статей / под ред. Е. Бороздиной, Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета СПб., 2019.
23. Kraus F, Boldt J. (eds). Care in Healthcare: Reflections on Theory and Practice. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018.
24. Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А. А. Ослон. М.: Институт Фонда общественного мнения (ИнФОМ), 2021.
25. Рассуждения о коронаВирусе: беседы с социальными мыслителями / Рук. авт. колл. А. А. Ослон; Л. С. Лебедева, Р. А. Садыков, Л. А. Паутова. М.: Институт Фонда общественного мнения (ИнФОМ), 2021.
26. Volkmer I. Social media & COVID-19: A global study of digital crisis interaction among Gen Z and Millennials. Melbourne: University of Melbourne, 2021.
27. «Это непохоже на любую другую болезнь»: реальные истории людей с коронавирусом // Муксун.fm. 2020. URL: <https://muksun.fm/news/society/09-08-2020/eto-nepohozhe-na-lyubuyu-druguyu-druguyu-bolezn-realnye-istorii-lyudey-s-koronavirusom> (дата обращения: 05.05.2022).
28. Fox S. Medicine 2.0: Peer-to-peer healthcare // Pew Internet & American Life Research Center, 2011. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2011/09/18/medicine-2-0-peer-to-peer-healthcare/> (дата обращения: 05.05.2022).
29. Hawkins A. H. Pathography: patient narratives of illness // Culture and Medicine. 1999. Vol. 171, no. 2. P. 127–129.
30. Kozinets R. V. Netnography: Doing ethnographic research online. London: Sage, 2010.
31. Pink S., Horst H., Postill J., Hiorth L., Lewis T., Tacchi J. Digital Ethnography: Principles and Practice. London: Sage, 2015.
32. Hine C. Virtual ethnography. London: Sage, 2000.

33. *Kuntsman A.* Figurations of Violence and Belonging: Queerness, Migranhood and Nationalism in Cyberspace and Beyond. Oxford, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien: Peter Lang, 2009.
34. *Langer R., Beckman S. C.* Sensitive research topics: netnography revisited // *Qualitative Market Research*. 2005. Vol. 8 (2). P. 189–203.
35. *Рождественская Е., Семенова В.* Киберэтнография виртуального сообщества: анализ туристского форума // *INTER. Интеракция, интервью, интерпретация*. 2014. № 7. С. 22–43.
36. *Кронгауз М. А.* Публичная интимность // *Знамя*. 2009. № 12. С. 162–167.
37. *Фуко М.* История сексуальности — III: Забота о себе / пер. с фр. Т. Н. Толстой под общ. ред. А. Б. Мокроусова. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998.
38. *Blau M., Fingerman K. L.* Consequential strangers: The power of people who don't seem to matter... But really do. New York: W. W. Norton & Co., 2009.
39. *Ziguras C.* Self-Care: Embodiment, Personal Autonomy and the Shaping of Health Consciousness. London: Routledge, 2003.
40. *Parsons T.* The social system. New York: The Free Press, 1951.
41. *Frank A. W.* From sick role to narrative subject: An analytic memoir // *Health*. 2016. Vol. 20 (1). P. 9–21.
42. *Лехциер В. Л.* Каминг-аут в «обществе ремиссии»: к теории свидетельства Артура Франка // *Торос: философско-культурологический журнал*. 2020. № 2. С. 111–136.
43. *Garro L. C.* On the rationality of decision-making studies. Part 1: Decision models of treatment choice. Part 2: Divergent rationalities // *Medical Anthropology Quarterly*. 1998. Vol. 12 (3). P. 319–355.

Статья поступила в редакцию 15 мая 2022 г.;
рекомендована к печати 31 октября 2022 г.

Контактная информация:

Лехциер Виталий Леонидович — д-р филос. наук, проф.; lekhtsiervitaly@mail.ru.
Готлиб Анна Семеновна — д-р социол. наук, проф.; annagotlib@mail.ru

Patient narratives from COVID-19 wards in social media

V. L. Lekhtsier, A. S. Gotlib

Samara National Research University named after S. P. Korolev,
34, Moskovskoe sh., Samara, 443086, Russian Federation

For citation: Lekhtsier V. L., Gotlib A. S. Patient narratives from COVID-19 wards in social media. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2022, vol. 15, issue 4, pp. 384–404. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.405> (In Russian)

This article presents the results of an empirical study of the narrative “reports” of patients from COVID wards, conducted by them in different waves of the pandemic (2020–2021) on social media. The subject of the analysis is the motives for conducting these reports and the typology of patients’ narratives posted on the social network. The analysis was based on the idea of a “digital sickness style” (the combination of the patient’s “sickness role”, family and professional roles and the narrative of illness and treatment while in hospital thanks to the mobile Internet) and the theory of patient storytelling developed by representatives of the “narrative turn” in medical social research. Qualitative analysis of posts (texts and photos) through a netnography optic also took into account the network communication pragmatics, commentators’ reactions to the posts of narrators, affecting the pace and content of patients’ postings. The study identified three motives for online posting by COVID ward patients — to be a source of reliable, first-hand ethnographic knowledge about what is happening in hospital wards, to reassure their online audience, and to gain emotional and informational support from them. The study also identified three types of narratives posted by patients — the “restitution narra-

tive”, “quest narrative”, “angry narrative”. As additional findings, the article offers observations on the differences in the online narratives of COVID and non-COVID patients, as well as a number of other constitutive effects of health narrative exchange on the Internet.

Keywords: patients’ narratives, social media, COVID-19 pandemic, caring, netnography.

References

1. Elliott A., Urry J. *Mobile lives: self, excess and nature*. London, New York, Routledge, Taylor & Francis e-Library, 2010.
2. Eysenbach G. What is e-health? *Journal of Medical Internet Research*, 2001, vol. 3, no. 2. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1761894/> (accessed: 05.05.2022).
3. Eysenbach G. Medicine 2.0; social networking, collaboration, participation, apomediation, and openness. *Journal of Medical Internet Research*, 2008, vol. 10, no. 3. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2626430/> (accessed: 05.05.2022).
4. Sass H.M. E-Health, health promotion and wellness communities in cyberspace. *Eubios Journal of Asian and International Bioethics*, 2004, no. 14, pp. 170–174.
5. Allen A. Morphing telemedicine — telecare — telehealth — eHealth. *Telemed Today. Special iss.: Buyer’s Guide and Directory*, 2000, vol. 1, p. 43.
6. Levanov V.M. From telemedicine to e-health: evolution of terms. *Medical Almanac*, 2012, no. 2, pp. 16–19. (In Russian)
7. Kuzmin K.V., Semenova E. V., Petrova L. E., Zakroeva A. G. *Doctor-patient communication: past, present, future (historical and medical-sociological analysis)*. Ekaterinburg: UGMU Press, 2016. (In Russian)
8. Fox S. The social life of health information. *Pew Research Center’s Internet & American Life Project*, 2011. Available at: <https://www.pewresearch.org/internet/2011/05/12/the-social-life-of-health-information-2011/> (accessed: 05.05.2022).
9. Nath C., Huh L., Adupa A. K., Jonnalagadda S. R. Website sharing in online health communities: A descriptive analysis. *Journal of Medical Internet Research Publications*, 2016, vol. 18, no. 18. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4730108/> (accessed: 05.05.2022).
10. Antheunis M. L., Tates K., Nieboer T. E. Patients’ and health professionals’ use of social media in health care: motives, barriers and expectations. *Patient Educ Couns*, 2013, vol. 92 (3), pp. 426–431.
11. Huo J., Desai D., Hong Y.-R., Turner K., Arch G., Mainous A. G., Bian J. Use of social media in health communication: Findings from the health information National Trends Survey 2013, 2014, and 2017. *Cancer Control*, 2019, vol. 26, pp. 1–10. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6475857/> (accessed: 5.05.2022).
12. Bacigalupe G. Is there a role for social technologies in collaborative healthcare. *Families Systems & Health*, 2011, vol. 29 (1), pp. 1–14.
13. Tanis M. *What makes the Internet a place to seek social support?* New York, Routledge, 2008, pp. 290–308.
14. Charon R. *Narrative medicine: Honoring the stories of illness*. New York, Oxford University Press, 2006.
15. Frank A. W. *Wounded storyteller: Body, illness, and ethics*. Chicago, London, University of Chicago Press, 1995.
16. Frank A. W. *At the will of the body. Reflections on illness*. Boston, New York, Houghton Mifflin Company, 2002.
17. Kleinman A. *The Illness Narratives. Suffering, Healing, and the Human Condition*. New York, Basic Books, 1988.
18. Brody H. *Stories of Sickness*. New York, Oxford University Press, 2003.
19. Jurecic A. *Illness as Narrative*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2012.
20. Lekhtsier V. L. *Disease: experience, narrative, hope. An Essay on Social and Humanistic Studies of Medicine*. Vilnius, Logvino literatūros namai, 2018. (In Russian).
21. Mol A. *The logic of care: Health and the problem of patient choice*. London, Routledge, 2008.
22. *Critical Sociology of Care: Crossroads of Social Inequality: collection of articles*. Borozdina E., Zdravomyslova E., Temkina A. (eds). St Petersburg, EUSP Press, 2019. (In Russian).
23. Kraus F., Boldt J. (eds). *Care in Healthcare: Reflections on Theory and Practice*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2018.
24. *Sociology of the Pandemic. CoronaFOM Project*. Osion A. A. (ed.). Moscow, InFOM Press, 2021. (In Russian)

25. *Discourse on CoronaVirus: conversations with social thinkers*. Oslon A. A. (ed.), Lebedeva L. S., Sadykov R. A., Pautova L. A. Moscow, InFOM Press, 2021. (In Russian)
26. Volkmer I. *Social media & COVID-19: A global study of digital crisis interaction among Gen Z and Millennials*. Melbourne, University of Melbourne, 2021.
27. "It's unlike any other disease": real stories of people with coronavirus. *Muksun.fm*. 2020. Available at: <https://muksun.fm/news/society/09-08-2020/eto-nepohozhe-na-lyubuyu-druguyu-bolezn-realnye-istorii-lyudey-s-koronavirusom> (accessed: 05.05.2022). (In Russian)
28. Fox S. *Medicine 2.0: Peer-to-peer healthcare*. *Pew Internet & American Life Research Center*, 2011. Available at: <https://www.pewresearch.org/internet/2011/09/18/medicine-2-0-peer-to-peer-healthcare/> (accessed: 05.05.2022).
29. Hawkins A. H. Pathography: patient narratives of illness. *Culture and Medicine*, 1999, vol. 171, no. 2, pp. 127–129.
30. Kozinets R. V. *Nethnography: Doing ethnographic research online*. London, Sage, 2010.
31. Pink S., Horst H., Postill J., Hiorth L., Lewis T., Tacchi J. *Digital Ethnography: Principles and Practice*. London, Sage, 2015.
32. Hine C. *Virtual ethnography*. London, Sage, 2000.
33. Kuntsman A. *Figurations of Violence and Belonging: Queerness, Migrantism and Nationalism in Cyberspace and Beyond*. Oxford, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien, Peter Lang, 2009.
34. Langer R., Beckman S. C. *Sensitive research topics: netnography revisited*. *Qualitative Market Research*, 2005, vol. 8 (2), pp. 189–203.
35. Rozhdestvenskaya E., Semyonova V. Cyberethnography of virtual community: analysis of tourist forum. *INTER. Interact, Interview, Interpretation*, 2014, no.7, pp. 22–43. (In Russian)
36. Krongauz M. A. *Public intimacy*. *Banner*, 2009, no. 12. pp. 162–167. (In Russian)
37. Foucault M. *The history of sexuality — III: The care of the self*. Transl. French by T. N. Tolstaya, ed. A. B. Mokrousov. Kiev, Dukh i literatury, Grunt, Moscow, Refl-book, 1998. (In Russian)
38. Blau M., Fingerma K. L. *Consequential strangers: The power of people who don't seem to matter... But really do*. New York, W. W. Norton & Company, 2009.
39. Ziguras C. *Self-Care: Embodiment, Personal Autonomy and the Shaping of Health Consciousness*. London, Routledge, 2003.
40. Parsons T. *The social system*. New York, The Free Press, 1951.
41. Frank A. W. From sick role to narrative subject: An analytic memoir. *Health*, 2016, vol. 20 (1), pp. 9–21.
42. Lekhtsier V. L. Coming out in a 'remission society': towards Arthur Frank's theory of witnessing. *Topos: A philosophical and cultural journal*, 2020, no. 2, pp. 111–136. (In Russian).
43. Garro L. C. On the rationality of decision-making studies. Part 1: Decision models of treatment choice. Part 2: Divergent rationalities. *Medical Anthropology Quarterly*, 1998, vol. 12 (3), pp. 319–355.

Received: May 15, 2022

Accepted: October 31, 2022

Authors' information:

Vitaliy L. Lekhtsier — Dr. Sci. in Philosophy; lekhtsiervitaly@mail.ru.

Anna S. Gotlib — Dr. Sci. in Sociology; annagotlib@mail.ru

Профилактическая медицина в России: проблема общественного (не)доверия*

С. Д. Савин, А. Н. Смирнова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Савин С. Д., Смирнова А. Н. Профилактическая медицина в России: проблема общественного (не)доверия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 405–423. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.406>

В статье проанализированы противоречия между современными задачами развития профилактической медицины в России и недоверием населения к профилактическим медицинским мероприятиям. В связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19 дискуссия о профилактических медицинских мероприятиях как о необходимой мере для поддержания национальной безопасности приобрела новое актуальное звучание. В то время как государство старается снизить эпидемические и экономические риски за счет усиления контроля и вовлечения населения в профилактические процедуры, «коронавирусные ограничения» вызывают значительное недовольство у части населения, в публичных пространствах громко звучат протестные голоса «ковидных диссидентов», широкое распространение получают аргументы противников вакцинации. Но и прежде проблема настороженного отношения населения к вакцинации и профилактическим мероприятиям была острой. В 2020–2021 гг. было проведено социологическое исследование, позволяющее выявить ряд объективных и субъективных факторов (не) доверия населения к профилактическим медицинским мероприятиям и в целом ценностного отношения к здоровью и профилактической заботы о нем в российском обществе. Проведенный анализ показал болевые точки отношения населения к профилактической медицине и вопросам собственной профилактики болезней, демонстрирующие существующие стереотипы и страхи населения, а также несовершенства современной профилактической медицины в целом и вакцинопрофилактики в частности. Авторы делают вывод, что проблема институционального доверия является ключевой для развития профилактической медицины в России. Без добровольного и заинтересованного участия населения в медицинских практиках поддержания здоровья теряет смысл развитие современной концепции предиктивной, превентивной, персонализированной и партисипативной медицины.

Ключевые слова: профилактическая медицина, диспансеризация, вакцинация, общественное доверие, отношение к здоровью.

Введение

Отношение населения к профилактической медицине, впрочем как и к здравоохранению в целом, связано с определенным состоянием общественного сознания, выражающегося в доверии или недоверии к этим социальным явлениям. В данном

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00193/20.

исследовании речь идет об институциональном доверии к медицине, медицинским профилактическим мероприятиям, связанным с ними учреждениям и к медицинским препаратам. Данный вид доверия/недоверия в том числе является обобщенной стереотипной установкой в отношении медицинских практик поддержания и диагностики здоровья, опирается как на личный опыт людей, так и на распространяемую массовую информацию (в СМИ, социальных сетях в интернете и др.). В наши задачи входит анализ факторов, влияющих на доверие к профилактическим медицинским мероприятиям в России, на материалах как собственных, так и других социологических исследований. Из этих факторов и вытекает готовность населения принять участие в подобных мероприятиях.

В современном мире профилактическая медицина становится приоритетом в области развития здравоохранения. При этом еще большую актуальность ей придала ситуация распространения коронавирусной инфекции COVID-19, которая выявила проблемные области государственной системы здравоохранения. Стало понятно, что необходим поиск баланса между лечебной (клинической) и профилактической медициной. С одной стороны, недостаточный охват профилактическими медицинскими мероприятиями, включая вакцинацию, приводит ко вспышкам инфекционных заболеваний и общей высокой заболеваемости опасными болезнями. Что, в свою очередь, перегружает систему лечебных учреждений и не способствует задачам социального развития современного общества, росту продолжительности и качества жизни населения. С другой стороны, под предлогом задач развития профилактической медицины государства зачастую снижали бюджеты на медицину клиническую, закрывались лечебные учреждения, сокращались штат и обеспеченность койко-местами [1]. В итоге в период пандемии остро ощущалась нехватка мест в больницах, приходилось разворачивать дополнительные места в не приспособленных для этого условиях. В частности, в России такое положение дел вызвало критическую реакцию со стороны населения, что нашло подтверждение и в результатах нашего социологического исследования. Естественно, что доверие к системе здравоохранения непосредственно связано с ее эффективностью, доступностью и качеством получения медицинских услуг. И профилактическая медицина должна развиваться не за счет, а в дополнение к существующей системе здравоохранения.

Задачи развития модели профилактической медицины ставятся как на национальном уровне, так и на международном, что отражено в рекомендациях ВОЗ. Ранняя диагностика заболеваний и распространение практики заботы о здоровье у населения в развитых странах нацелены не на экономию денег на здравоохранение (траты составляют 7–9% ВВП), а на социальное развитие, внедрение современных технологий здоровьесбережения. С помощью новейших технологий и системных мер на государственном уровне осуществляется процесс перехода от традиционной конвенциональной медицины («болезнецентристского» здравоохранения), к медицине предиктивной, от реактивной медицины — к профилактической.

Новая парадигма медицинской помощи, основанная на мониторинге индивидуального здоровья при непосредственном участии потребителей медицинских услуг и с учетом индивидуальных особенностей человека, получила название «4П-медицины» [2]. Некоторые принципы новой 4П-медицины начинают реализовываться и в России. В частности, они нашли отражение в Концепции предик-

ктивной, превентивной и персонализированной медицины¹. К сожалению, в содержании концепции отсутствует важный принцип партисипативности, который направлен на заинтересованное участие самих граждан в поддержании здоровья и является важным звеном развития профилактических медицинских мероприятий. Также слабо отражена связь между индивидуальным подходом персонализированной медицины и задачами массовой профилактической медицины в области диспансеризации, профилактических осмотров и иммунизации населения.

В целом после общего кризиса здравоохранения в 1990-х гг. ситуация с медицинской профилактикой начала качественно меняться только с принятием национального проекта «Здоровье» в 2006 г., в котором были поставлены задачи усиления профилактической направленности здравоохранения. В 2011 г. в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» впервые подчеркивается, что формирование общественного здоровья осуществляется не только медицинскими организациями, но и органами государственной власти, органами местного самоуправления, работодателями, общественными объединениями, образовательными и физкультурно-спортивными организациями². В 2018 г. в связи с новыми задачами национального проекта «Демография», в рамках которого был выделен федеральный проект «Укрепление общественного здоровья», усилилась значимость профилактической работы с населением, начался переход к новой форме — центрам общественного здоровья, образуемым, как правило, на базе центров медицинской профилактики. Президентом РФ в «майских указах» 2018 г. также поставлены задачи снижения смертности и увеличения средней продолжительности жизни, в чем особая роль отведена профилактике.

В последнее время в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19 все чаще заговорили об общественном здоровье как о задаче национальной безопасности, а о профилактических медицинских мероприятиях как об обязательных для определенных категорий граждан. Так, к категориям лиц для обязательной вакцинации от коронавируса COVID-19 (при отсутствии противопоказаний) отдельными правовыми актами в России были отнесены медицинские работники, работники сферы образования, услуг на транспорте, общественного питания и др. В то же время «коронавирусные ограничения» вызвали недовольство у значительной части населения, в социальных сетях широкое распространение получили посты противников вакцинации, звучали протестные голоса против ограничительных мер государства. Выявление противоречий между современными задачами развития профилактической медицины и отношением населения к профилактическим медицинским мероприятиям выступает целью данной статьи.

Исследовательские задачи определяют двойной предмет исследования:

1. Выявление значимости ценности здоровья и профилактической заботы о нем (профилактика заболеваний) в российском обществе.
2. Выявление факторов отношения населения к профилактическим медицинским мероприятиям в аспекте доверия/недоверия.

¹ Концепция предиктивной, превентивной и персонализированной медицины. Утверждена приказом Минздрава России от 24 апреля 2018 г. № 186. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71847662/> (дата обращения: 07.05.2022).

² Закон РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ. URL: <https://rg.ru/documents/2011/11/23/zdorovie-dok.html> (дата обращения: 12.05.2022).

Подходы к изучению проблем здоровья и профилактической медицины

Социологический подход к указанным проблемам позволяет рассматривать практики участия населения в профилактических медицинских мероприятиях в различных аспектах — как с позиции социологии медицины, изучающей профилактическую медицину как социальный институт, проблему доверия к ней населения и удовлетворенности от медицинских услуг [3; 4], так и с позиции социологии здоровья, в которой предметом выступают ценности и мотивы участия различных категорий населения в профилактике заболеваний [5; 6]. Схожим образом в социально-психологическом аспекте важной категорией анализа выступает понятие «отношение к здоровью», что позволяет выявить установки людей на участие в профилактических медицинских мероприятиях [7; 8].

Важен также правовой подход, который указывает на проблемы ограничения прав людей при участии в профилактических медицинских мероприятиях, недостаточные правовые гарантии пациентов в вопросах качества медицинского обслуживания [9; 10].

О социально-профилактических функциях медицины говорит Н. В. Бредихина. Она отмечает, что современная медицина должна не только диагностировать и лечить болезни, но выполнять и другие социальные функции: экспертную, пропагандистско-воспитательную и информационную. Эти виды деятельности будут способствовать повышению доверия к системе профилактической медицины, формировать нормы и ценности, направленные на развитие у различных социальных групп культуры здоровья [11, с. 87].

Известный исследователь в области социологии здоровья Е. С. Богомякова выделяет современные подходы в социологии к пониманию здоровья как социального явления [12; 13]. Первый, который идет от Т. Парсонса (T. Parsons), рассматривает здоровье как функцию социального института здравоохранения, побуждающую население участвовать в медицинских мероприятиях. Второй, основанный на современных теориях социальных изменений и концепциях общества риска (У. Бек (U. Beck), З. Бауман (Z. Bauman), Э. Гидденс (A. Giddens)), переносит центр анализа на самого человека и его ответственность за принятие решений в области профилактики заболеваемости и здоровьесберегающего поведения. И тот и другой подходы имеют свои ограничения, поскольку рассматривают два уровня социальной реальности в конфронтационном ключе. Рост ответственности людей за свое здоровье, включающий и происходящие в обществе ценностные изменения, не исключает важности институционального развития профилактической медицины, учитывающей и современные научные достижения в области диагностики заболеваний, и экологические факторы среды проживания людей, и социальные факторы. Постулируемые рядом исследователей изменения в социальной структуре общества, связанные с развитием мягких сетевых структур и цифровизации, не отменяют гуманистическую роль здравоохранения. Медицинское знание, применяемое по принципу «не навреди», дает возможность современным институциональным практикам быть более гибкими, ориентироваться на запрос пациента, его стремление к «наполненности жизни». Но не стоит забывать и про лженаучные и недоказанные теории, получающие широкое распространение в социальных се-

тях, подрывающие доверие к медицине. Большие цифры «избыточной смертности» и постковидных осложнений пациентов в период пандемии в России — во многом результат самого отношения людей и к здоровью, и к здравоохранению. Поэтому в статье поднимается проблема экспертного знания в условиях социальных изменений, его роли в формировании социальных установок на те или иные практики заботы о здоровье.

Отметим, что наш взгляд на проблему участия населения в профилактических медицинских мероприятиях носит интегративный характер. Фактор доверия к профилактической медицине в современном изменяющемся обществе связан и с личным опытом людей, и с экспертными оценками в сетевых сообществах, с самим характером развития медицины, включая государственную политику медицинской профилактики, правовых и социальных гарантий. Это подтверждают данные эмпирических исследований, приведенные ниже.

Феномен институционального доверия в российском обществе. (Не)доверие к медицине и общественное здоровье

Институты имеют значение. Общественная стабильность — это динамическая характеристика общества, при которой система демонстрирует институциональную эффективность, отвечает на вызовы и успешно развивается [14, с. 154]. Институты создают благоприятную среду для совместного решения проблем, для кооперации людей, задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия [15]. Как отмечал С. Хантингтон (S. Huntington), при полном отсутствии социальных конфликтов институты не нужны; при полном отсутствии общественной гармонии они невозможны. Институты являются поведенческим выражением морального согласия и общих интересов [16, с. 21–22]. Именно поэтому важной характеристикой деятельности социальных институтов является доверие, определяющее институциональную легитимность по Д. Истону (D. Easton). Но сами по себе социальные институты не гарантируют успешного развития. Создание нормативного каркаса, который не принимает в расчет интересы акторов, а выстраивает систему привилегий, ограничивает возможности развития. В такой ситуации возникает эффект низкого уровня институционального доверия, когда институты в общественном сознании воспринимаются как созданные не для простых людей, а для привилегированных групп [17, с. 180].

Говоря о социологической интерпретации категории доверия, следует обратить внимание на нормативный социологический подход, который предлагает изучать доверие как институциональный элемент взаимодействий, «необходимый для стабильного воспроизводства повседневности, а также как социально укорененное правило поведения в институциональной реальности» [18, с. 22]. Многократно повторяясь, доверие как норма и практика может включаться в различные социальные институты. В социологической институциональной традиции доверие имеет деятельностное и рефлексивное содержание. Оно формируется в контексте других элементов социальной действительности и определяется прагматическим выбором актора: поддерживать или нет институциональные порядки. Так и в рассматриваемом нами случае института профилактической медицины уровень доверия будет определять участие населения в профилактических медицинских мероприятиях.

Институциональное доверие — это составляющая общего системного доверия по Н. Луману (N. Luhmann). Оно развивается в связке с такими общественными явлениями, как осведомленность и уверенность. Они обеспечивают рутинность и рамки нормального поведения. При этом уверенность работает в большей степени при отсутствии альтернатив, а доверие — в условиях риска принятия того или иного решения [19, с. 7]. Луман говорит о том, что недоверие — это не просто отсутствие доверия, недоверие выполняет те же функции, так как мы всегда выбираем, доверять или нет, собираем информацию, опираемся на прежний опыт [20, р. 20]. В этом плане недоверие также становится специальным предметом исследования, поскольку в каждом обществе наряду со стандартами доверия существуют и свои стандарты недоверия, которые имеют историческую обусловленность, связаны с условиями социализации тех или иных социальных групп. Как отмечает С. Е. Вершинин, в случае системного недоверия возникает ситуация мировоззренческого вакуума, приводящая к массовому ощущению исторического тупика или катастрофы. Он считает, что эта ситуация характерна для современного российского общества, в котором системное недоверие еще больше бюрократизирует организационные структуры в целях контроля над ситуацией [21, с. 70]. Но парадокс заключается в том, что бюрократизм, в свою очередь, усиливает и недоверие.

Исследователи указывают, что в современной России «сосуществуют» личное и институциональное (более традиционные для индустриального и постиндустриального обществ) формы доверия и современное сетевое, цифровое доверие [22]. При этом вследствие относительно невысокой цифровой грамотности населения в России уровень цифрового доверия не развивается в полной мере [23]. Согласно Edelman Trust Barometer («Барометру доверия») в 2021 г., среди 28 изучаемых стран Россия находится на последнем месте по уровню институционального доверия бизнесу (34%), негосударственным организациям (25%) и СМИ (29%), входит в пятерку стран (вместе с ЮАР, Колумбией, Нигерией и Аргентиной) наименее доверяющих государству граждан (34%) [24]. А за время пандемии уровень институционального доверия снизился у 61% россиян, 54% участников опроса стали меньше доверять официальным СМИ, у 43% респондентов снизился уровень доверия к российскому здравоохранению [25].

Чем обусловлена проблема общественного (не)доверия к системе здравоохранения и профилактической медицины в частности? Несмотря на внедрение комплекса мероприятий медицинских профилактических осмотров и иммунизации населения в России, а также на наличие отчетов государственных органов об их эффективности (по количеству выявленных заболеваний и массовой вакцинации), существует ряд проблем, ставящих под сомнение соответствие системы медицинской профилактики заболеваемости в нашей стране заложенным в ней целям. Действительно ли через профилактические мероприятия выстраивается цепочка сопровождения больных или людей из групп риска здоровья? Есть ли заметное воздействие на качество и продолжительность жизни населения? Конечно, в условиях пандемии COVID-19 и ее последствий трудно ответить на эти вопросы. Но промежуточные (доковидные) результаты анализа всероссийской диспансеризации показывают, что диспансерное наблюдение и лечение прикрепленных к конкретным территориальным организациям здравоохранения граждан явно недостаточны. Как отмечается в исследовании НИУ ВШЭ (2019 г.), почти половина опрошенных

врачей не знает о результатах диспансеризации прикрепленного к ним населения [4]. И соответственно, врачи не работают по ведению этих конкретных выявленных в результате диспансеризации больных. Рано говорить об индивидуальном подходе к пациенту, рано делать выводы об эффективности борьбы с конкретными хроническими заболеваниями.

Добавим к этой ситуации институциональные проблемы коррупции в системе здравоохранения, которые не способствуют ни эффективности системы профилактической медицины, ни доверию к ней. По данным мониторинговых социологических исследований, включая исследование СПбГУ 2018 г.³, медицина устойчиво входит в тройку лидеров высокого уровня восприятия коррупции населением, в том числе на основе собственного бытового опыта. А проведенные в рамках нашего научного проекта правовые экспертизы дают основания заключить, что действующая модель организации профилактических медицинских осмотров — во многом результат лоббизма со стороны медицинских организаций, получающих доход от профилактической медицины, в том числе и лоббизма коррупционного. Среди распространенных правовых нарушений в области профилактических осмотров особым образом выделяются приписки и так называемые фиктивные осмотры. Они связаны с желанием медицинской организации выполнить показатель охвата граждан диспансеризацией — не менее 85 % от объема профилактического осмотра или диспансеризации, а также получить стимулирующие выплаты за участие в проведении диспансеризации или вакцинации отдельных групп взрослого населения [9].

Большинство социологических исследований в области российского здравоохранения выделяют как значимую проблему недоверие к врачам. Следует отметить, что врач является институциональным компонентом здравоохранения. И недоверие врачам выступает как составная часть институционального недоверия к российской медицине. Главными факторами такого недоверия для населения выступают непрофессионализм, безразличие и халатность врачей [26; 27]. По данным мониторинговых опросов (ФОМ, ВЦИОМ), значительное число россиян периодически попадают в ситуацию, когда они сомневаются в диагнозе или лечении, назначенном врачом. В подтверждение этому выступает признание, что почти половина пациентов перепроверяют назначения врача, обращаясь за дополнительной консультацией к другим специалистам [28]. И практически столько же (более 40 % граждан) высказываются о низком уровне профессионализма врачей⁴. При этом, несмотря на попытки создания положительного образа врача в период пандемии, на самом деле ситуация с их восприятием в общественном сознании практически не изменилась [29].

Справедливости ради надо отметить, что не только недоверие играет роль в низком участии российского населения в медицинских практиках поддержания

³ Социальные технологии формирования антикоррупционного климата. URL: <https://pure.spbu.ru/admin/editor/dk/atira/pure/modules/unifiedprojectmodel/external/model/award/editor/awardeditor.xhtml?id=27528351> (дата обращения: 15.08.2022).

⁴ Доверие врачам. Россияне оценивают профессиональные качества современных врачей // ФОМ. Аналитический обзор. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/11765> (дата обращения: 02.06.2022); О врачах. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-meditsina/14425> (дата обращения: 02.06.2022); Инфографика ФОМ об отношении к врачам и медучреждениям. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-meditsina/13907> (дата обращения: 02.06.2022).

здоровья. Социологи отмечают также и общие факторы невысокого качества жизни: недостаток свободного времени, стрессы, экологическую обстановку, низкую доступность медицинских услуг и др. Они косвенно также влияют не только на отношение людей к своему здоровью, но и на институциональное доверие к медицине. Е. Н. Новоселова делает справедливый вывод: когда население чувствует некоторую стабильность, защищенность, уверенность в будущем, своем и своих детей, оно «начинает мотивироваться» на то, чтобы беречь свое здоровье [6, с. 53], при этом участвуя и в практиках медицинской профилактики.

В то же время в исследованиях отмечается, что регулярное наблюдение у врача и полнота информирования пациента врачом оказывают положительное влияние на приверженность выполнению врачебных рекомендаций. Более того, граждане, которые сознательно участвуют в профилактических медицинских мероприятиях, имеют более высокую ценность здоровья, развитое здоровьесберегающее поведение. Напротив, у тех, кто игнорирует профилактические мероприятия, отсутствует выраженная позиция по отношению к собственному здоровью. Их характеризует низкая информированность о факторах риска для здоровья, недоверчивое отношение к рекомендациям лечащего врача и к медицине в целом [30].

Методика и результаты социологического исследования

В рамках междисциплинарного научно-исследовательского проекта «Правовые и криминологические проблемы профилактической медицины» ставилась задача выявления противоречий между современным состоянием системы профилактической медицины в России и отношением к ней различных субъектов данной системы. Через изучение личного опыта участия в профилактических мероприятиях, а также оценок сетевых сообществ и представителей системы здравоохранения был предпринят анализ институционального (не)доверия к профилактической медицине. Он был нацелен на описание условий развития российской системы здравоохранения в контексте современных принципов превентивности, партисипативности и персонализации.

Провести данный анализ позволяют результаты масштабного эмпирического исследования, включающего три этапа:

- 1) всероссийский массовый телефонный опрос;
- 2) исследование сетевой публикационной активности по проблемам профилактических медицинских мероприятий в социальной сети «ВКонтакте»;
- 3) анкетный онлайн-опрос медицинских работников в Северо-Западном федеральном округе.

Дизайн исследования обусловлен задачами всестороннего охвата проблемы: со стороны врачей и пациентов, общественного мнения населения и отдельных групп сетевых сообществ. В данной проекции отражены институциональный и сетевой срезы социальной структуры, сочетание количественных и качественных методов анализа данных.

Рассмотрим результаты этого исследования, напрямую или косвенно касающиеся проблемы общественного (не)доверия к профилактической медицине.

1-й этап. Центром социологических и интернет-исследований СПбГУ был проведен всероссийский телефонный опрос на тему: «Отношение россиян к здо-

ровью и профилактическим медицинским мероприятиям» (май 2020 г., $N=1600$). Выборка квотная по полу, возрасту и регионам. Целью исследования выступило выявление особенностей восприятия населением профилактических медицинских мероприятий, таких как вакцинация, профилактические осмотры по направлению работодателя и диспансеризация.

В целом исследование показало, что профилактическая забота о здоровье не входит в число приоритетов жизненного поведения россиян. Как выяснилось, совсем не посещают врачей 13 % взрослого населения, а 15 % опрошенных посещают менее одного раза в год. То есть как минимум четверть взрослого населения России пренебрегает медицинскими обследованиями, причем большая часть — это люди возрастной категории 36–55 лет, для которых профилактические медицинские осмотры должны иметь приоритетное значение. Более трети (38,7 %) респондентов нашего исследования в случае болезни предпочитают лечиться сами и не обращаться к врачам. В то же время 5,5 % решают ничего не делать в случае болезни, полагая, что «само пройдет», а 2,2 % обращаются к нетрадиционной медицине.

Если говорить о мотивах поддержания здоровья, то здесь можно тоже отметить, что для четверти опрошенных (25 %) только ухудшение собственного здоровья становится таким мотивом, а 14,1 % вообще не думают о здоровье, то есть относятся к категории лиц с отсутствием здоровьесберегающего поведения. Следует также отметить, что в мотивации заботы о здоровье только 13,4 % россиян ориентируются на пропаганду здорового образа жизни и только 2,2 % отмечают воздействие справочной медицинской информации.

При этом большинство респондентов (85 %) относятся к профилактическим медицинским осмотрам и диспансеризации положительно. Позитивное отношение наиболее сильно представлено в старшей возрастной группе молодежи, для которой все более важны практики здорового образа жизни и формируется понимание важности профилактических мероприятий в поддержании здоровья. В то же время, к сожалению, в возрастной группе 36–45 лет, когда возрастает значимость прохождения диспансеризации, наблюдается снижение доверия к профилактической медицине.

Доверие к медицине тесно связано с личным опытом столкновения с врачебной некомпетентностью. Как отмечает Н. Луман, прошлый опыт выступает в качестве основы для доверия. Оно возможно только в мире осведомленности, нуждается в истории как в надежном фундаменте [20, с. 20]. По результатам нашего исследования, почти треть опрошенных (31,1 %) попадали в ситуации, когда по результатам прохождения медицинского осмотра у них не было выявлено имеющееся заболевание, а количество пациентов, оценивающих свое здоровье как плохое и очень плохое, сталкивались с такой ситуацией еще чаще (44,8 %). Понятно, что у таких людей зачастую имеется ряд сопутствующих основным заболеваниям и для них требуются дополнительные медицинские обследования. Однако это также свидетельствует о важности учета психологических самооценок здоровья людей при проведении профилактических мероприятий.

Среди тех респондентов, кто высказал негативное отношение к профилактическим медицинским мероприятиям, были выделены следующие причины для этого: «бесполезная процедура, так как все происходит формально» — 61,8 %, хамство и равнодушие врачей отметили 13,3 %, просто не доверяют врачам 16,8 %. Более

четверти негативно настроенных респондентов отмечали, что «и так знают о своем здоровье» (13,3 %) и не хотят тратить свое время на прохождение данных процедур (15,6 %). Недостаточность информирования была подчеркнута 11 % респондентов. А у 15 % был негативный опыт при прохождении процедур. Интересен гендерный «срез» причин негативного отношения — формализм и недоброжелательное отношение врачей женщины отмечают практически вдвое чаще, чем мужчины, в то же время недоверие к врачам, нежелание знать о своем здоровье или уверенность в осведомленности о его состоянии более свойственны мужчинам. Подавляющее большинство респондентов старшего возраста жалуются на бесполезность и формальность процедуры, в то же время более трети молодых людей до 25 лет отмечают, что им «недостаточно информации о том, для чего это нужно».

В рамках рассматриваемого вопроса профилактической медицины нельзя не затронуть и отношение населения к вакцинации. Вакцинация — это наиболее наглядный пример остроты проблем профилактической медицины, поскольку здесь одновременно сходятся и проблема распространения опасных заболеваний, в том числе новых инфекций, вопросы научно-технологического развития в области создания вакцин, вопросы организации самой профилактической медицины, развертывания пунктов вакцинации и работы с населением, и такой важный фактор, как желание самого населения вакцинироваться, проблема как отношения к собственному здоровью, так и доверия.

В условиях пандемии COVID-19 этот вопрос резко обострился как раз по причине недоверия, но наше исследование показывает, что общее отношение россиян к иммунопрофилактике сложилось еще задолго до пандемии. Она лишь вскрыла латентные страхи и предубеждения общественного сознания так называемого тревожного общества. В период постсоветского институционального и ценностно-идеологического кризиса 1990-х гг. появились не только многочисленные лженаучные теории, но и массовый феномен недоверия к официальным экспертным данным, прежде всего в области медицинского знания. Особенно усилился этот «разрыв доверия» с эпохой развития интернета, который упростил доступ к профессиональной медицинской информации для широкой публики. И остро проявил себя фактор экспертной интерпретации этой информации. Искаженная интерпретация приводит к тому, что цифровые социальные сети способствуют распространению антинаучных взглядов, фейковых новостей, слухов, теорий заговора и т. п., играя на иррациональных склонностях индивидов, их психологической внушаемости [31]. На этой основе формируется антипрививочное движение, мобилизующее радикальных противников любых вакцин. Они оперируют антинаучными аргументами из таких областей, как нетрадиционная медицина, конспирология, эзотеризм, радикальные религиозные течения.

Как следствие, в российском обществе не просто широко распространена позиция антивакцинальных скептиков, но и сформировалось крупное ядро радикальных антипрививочников. Так, по нашему опросу, положительно относятся к вакцинации 46,7 %, к колеблющейся группе относится 25,4 %, а к уверенным противникам любой вакцинации — 22,1 %. Для сравнения, согласно глобальному мониторингу, проведенному институтом Гэллага в 2018 г., во всем мире восемь из десяти человек (79 %) согласны с тем, что вакцины безопасны, 11 % колеблются в оценках безопасности, и только 7 % — отрицают вакцинирование [32]. Как ви-

дим, категория убежденных «антипрививочников» в России более чем в три раза превышает мировые показатели.

И это не могло не сказаться в период пандемии, когда в условиях неопределенности и информационных фейков, а также распространяемых в СМИ сообщений о случаях негативных последствий от применения той или иной вакцины создавались социальный раскол и повышенный эмоционально-тревожный фон обсуждения проблемы, и группа колеблющихся продолжала расти. По данным Edelman Trust Barometer в 2021 г., Россия снова находится на последнем месте среди 28 стран по количеству ответивших о готовности вакцинироваться — так ответили только 40 % (средний показатель по странам, принявшим участие в исследовании, — 64 %) [24]. По официальным данным, количество вакцинированных в РФ на июль 2022 г. — 55,87 % (первым компонентом), полностью вакцинировано — 50,89%; привились бустерной дозой — 10,00 %.

Чтобы продемонстрировать, что скепсис в отношении прививок не связан только с пандемийными условиями, отметим также, что, по данным нашего опроса, в 2018 г. только 21,1 % опрошенных сделали сезонную прививку от гриппа. А четверть опрошенных родителей несовершеннолетних детей сообщили, что их дети не проходят никакой плановой вакцинации. Данные криминологических исследований, ссылки на которые сделаны в статье выше, утверждают, что в этой сфере имеются значительные приписки со стороны медицинских организаций.

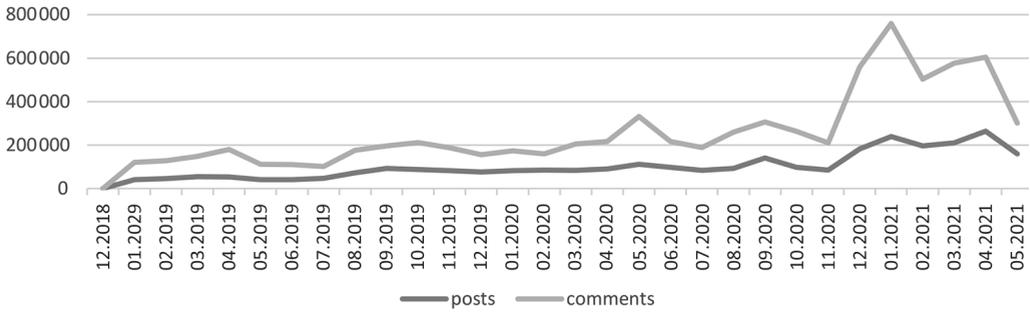
2-й этап. Анализ сетевой публикационной активности включал ряд этапов по отбору данных (релевантных постов и комментариев). При помощи системы мониторинга социальных медиа (программного обеспечения Kibana и Elastic Search) Центром социологических и интернет-исследований за период с 01.01.2019 по 21.05.2021 были скачаны публикации из сети «ВКонтакте» по следующим ключевым словам: медосмотр, профмедосмотр, вакцинация, прививка, диспансеризация, профилактический, медицинский, осмотр. Для формирования репрезентативной выборки комментариев была сформирована подвыборка первых комментариев. Они и были выборочно проанализированы с ориентацией на периоды фиксируемых всплесков обсуждения проблемы. Этот метод позволяет соединить количественный и качественный анализ данных отношения интернет-сообществ к указанной социальной проблеме. Фиксировались типичные комментарии, слухи, высказывания, оценки сторонников и противников вакцинации, распространяемые в публичном пространстве.

В результате сбора, обработки и визуализации полученного массива данных были обнаружены пять всплесков сетевой публикационной активности по теме «вакцинация» (см. рис.), которые могут быть объяснены соответствующими информационными поводами:

1-й: 11.04.2019–12.04.2019 (4603 поста, 17006 комментариев) — предложение Министерства просвещения об ограничениях посещения школ для невакцинированных детей;

2-й: 30.05.2020–31.05.2020 (11 155 постов, 9805 комментариев) — слухи о том, что в России в новую редакцию Кодекса об административных правонарушениях вводят штрафы за отказ от прививок;

3-й: 11.08.2020–15.08.2020 (16 428 постов, 24 682 комментариев) — новость о регистрации российской вакцины от коронавируса COVID-19 «Спутник V»;

Динамика всплесков сетевой публикационной активности по теме «вакцинация»

4-й: 02.12.2020–05.12.2020 (27 055 постов, 35 293 комментария) — поручение главы государства о начале в России массовой вакцинации сначала отдельных категорий граждан, а затем всего населения;

5-й: 13.01.2021–22.01.2021 (112 318 постов, 59 312 комментария) — старт кампании массовой вакцинации в РФ.

По всплескам обсуждений очевидно, что сетевой интерес к проблеме вырос многократно (в 4–5 раз к 2021 г.). Отрицательное отношение к вакцинации вышло за пределы традиционной группы «антипрививочников», захватив в 2020 г. «аудиторию» в $\frac{2}{3}$ населения (группа сомневающихся). По любому инфоповоду антипрививочники практически полностью захватывали повестку обсуждения в социальных сетях, а сторонники вакцинации были в абсолютном меньшинстве. Среди обсуждений широкое распространение получили лжетеории, включая теорию заговора, раздутые сообщения о случаях отрицательных последствий вакцинации, летальных исходах, инвалидности, ссылки на отсутствие статистики, на заинтересованность фармацевтического бизнеса и т. д.

На основе исследования выявлено, что в социальных сетях активность убежденных противников вакцинации преобладает и это приводит к увеличению общей доли населения, сомневающегося в безопасности вакцин. Среди факторов отказа от вакцинации выделяются недоверие к власти и системе государственного контроля в области профилактической медицины, к производителям вакцин, коррупция в сфере здравоохранения, широкое распространение недостоверной информации, фейков, а также отмечается низкая правовая защищенность населения в сфере иммунопрофилактики. Данные факторы приводят к росту недоверия к вакцинации как составной части профилактической медицины.

Также в анализе сетевой публикационной активности выделялись общие темы, посвященные диспансеризации и медицинским профилактическим осмотрам. Делая вывод по результатам этого сетевого обсуждения, можно отметить, что они не находятся в центре внимания аудитории «ВКонтакте». Выявленные всплески сетевой публикационной активности показали, что остроту обсуждения вызвали вопросы платы за медицинские анализы для получения водительских удостоверений и оплата дополнительных услуг при самой диспансеризации, возможность принудительного характера медицинских осмотров для отдельных категорий граждан и нехватка квалифицированных специалистов для проведения диспансеризации в регионах. Поднимается пользователями социальных сетей и вопрос о коррупции

Основные причины низкого добровольного участия населения в профилактических медицинских мероприятиях, по мнению врачей

Причины	N	%
Слабая информированность населения	239	58,0
Слабая организация профилактических мероприятий в медицинских учреждениях	203	49,3
Культурные особенности населения (низкая ценность здоровья)	194	47,1
Недоверие к врачам со стороны населения	197	47,8
Низкая материально-техническая база для проведения медосмотров и процедур	178	43,2
Страх перед медицинскими процедурами и вакцинами	169	41,0
Кадровый дефицит в медицинских учреждениях	121	29,4
Затрудняюсь ответить	9	2,2

при выделении государственных денег на проведение диспансеризации. Динамика и тон обсуждений демонстрировали преобладающее недоверие к системе профилактической медицины в России.

3-й этап. В мае — октябре 2021 г. был проведен онлайн-опрос медицинских работников Северо-Западного региона РФ. В опросе приняли участие 412 представителей различных медицинских специальностей. Исследование проводилось путем направления ссылки на опросную форму целевым группам медицинских специалистов, включая обучающихся ординатуры и дополнительных образовательных программ СПбГУ, а также медицинских работников клиники СПбГУ.

По мнению медицинских специалистов, имеет место низкое добровольное участие населения в профилактических медицинских мероприятиях, что может быть объяснено комплексом причин (см. табл.).

Как видно из таблицы, все выделенные причины имеют примерно равное значение, но все же медики в первую очередь выделяют слабую информированность населения (58,0%), что говорит об осознании представителями системы здравоохранения необходимости более широких просветительских мероприятий. Это приобретает особую значимость в свете того, что медицинские специалисты также встречаются с «недоверием к врачам со стороны населения» (47,8%) и осознают «культурные особенности», отражающиеся в низкой ценности здоровья (47,1%).

Необходимость усиления информирования о возможных рисках здоровью при прохождении медицинских осмотров и вакцинации, наравне с предоставлением более широкого выбора медицинских услуг и организаций для проведения профилактических медицинских мероприятий, по мнению медиков, также выступают важными мерами для дополнительной защиты прав пациентов. 61,7% респондентов считают, что права пациентов при прохождении профилактических медицинских осмотров и вакцинации в России не защищены или защищены недолжным образом.

Респонденты-медики в меньшей степени возлагают ответственность за низкое вовлечение в профилактические мероприятия на самого человека — только 17,5% считают, что «это дело самого человека думать о своем здоровье». Около трети (31,8%) медицинских специалистов считают, что в первую очередь за при-

влечение населения к участию в профилактических медицинских мероприятиях должны отвечать органы власти. Можно проиллюстрировать это одним из оставленных комментариев: «...должен быть комплексный подход. <...> Инициативным звеном должны быть органы власти, за разработку должно отвечать Министерство здравоохранения. А все остальные должны быть инструментом реализации таких программ». Первоочередное значение в этом процессе медицинских учреждений отмечается более чем четвертью респондентов (26,3 %).

Примечательным является тот факт, что респонденты-медики оценивают удовлетворенность процедурами медицинской профилактики ниже, чем сами пациенты: опрос населения показал, что 65,8 % проходивших профилактические медицинские мероприятия пациентов-участников нашего опроса удовлетворены их организацией и качеством, а по мнению медицинских специалистов, такой процент значительно ниже — 23,1 % отмечают, что пациенты могут быть удовлетворены полностью или в большей степени. Возможно предположить, что это связано с тем, что негативных откликов поступает всегда больше, чем положительной обратной связи. В то же время представители системы здравоохранения видят изнутри существующие проблемы и не ожидают высокой удовлетворенности пациентов предоставляемыми услугами. Среди комментариев медиков о возможных причинах неудовлетворенности наиболее часто отмечались следующие факторы: «Медосмотры проходят поверхностно, для галочки» и «Большая загруженность врачей» («У врача пациент находится от силы минут 5. <...> Очереди. Доктора с огромным потоком, и, как следствие, находящиеся в стрессе, который срывается на пациентах»).

Обсуждение результатов

Социологический анализ результатов эмпирического исследования позволяет говорить о проблемах развития профилактической медицины в России в контексте феномена общественного (не)доверия. Проблемы низкой ценности здоровья и профилактической заботы о нем, отсутствие полноценной информационной поддержки как населения, так и врачебного сообщества о целях и задачах профилактической медицины, широкое распространение антипрививочных установок не способствуют полноценному развитию партисипаторной профилактической медицины.

Наше исследование продемонстрировало важный запрос со стороны общества на реформирование системы медицинской профилактики в направлении большей информационной открытости, социальной и правовой ответственности. Проблема низкой активности населения в добровольном участии в профилактических медицинских мероприятиях, в том числе вакцинации, напрямую связана с недостаточной компетентностью в этой области. Причем недостаток знаний и информации отмечается не только населением, но и врачами различных непрофильных специальностей. Другая важная составляющая, снижающая мотивацию участия населения и добросовестной работы медицинских специалистов, — это бюрократизм и избыточные нормативные требования, которые порождают не только негативный социально-психологический фон профилактических мероприятий, но и коррупционные практики в этой сфере деятельности. Как следствие, рост не-

доверия не только к качеству медицинских товаров и услуг, но и к самим врачам как специалистам, отвечающим за постановку диагноза и грамотные рекомендации пациентам. Об этом свидетельствуют и противоречивые оценки самих врачей по вопросам медицинской профилактики и вакцинаирования, требующие детального анализа со стороны лиц, ответственных за развитие российской системы профилактической медицины.

В целом проведенный анализ показал болевые точки отношения населения к профилактической медицине и вопросам собственной профилактики болезней. Следует признать, например, что почва антивакцинаторства не только питается скепсисом относительно технического прогресса, но и строит свою политику на несовершенствах самой вакцинопрофилактики. Выявленные стереотипы и страхи позволят учесть социально-психологический и социокультурный факторы для разработки рекомендаций и в области правового регулирования проблемы. Напрашивается также и вывод о необходимости развития сетевых сообществ, освещающих проблематику здоровья, с участием в них широкого экспертного медицинского сообщества.

Итак, мы выявили, что проблема институционального доверия является ключевой для развития профилактической медицины в России. Без добровольного и заинтересованного участия населения в медицинских практиках поддержания здоровья теряет смысл концепция 4П-медицины. А деньги, выделенные на профилактические медицинские мероприятия, такие как диспансеризация, «утекут в песок». При этом следует помнить, что доверие формируется годами, выстраивается через цепочки коммуникаций пациенты — врачи — страховщики — чиновники и др. А они, в свою очередь, находятся в определенной институциональной среде, зависят от общей политики в системе здравоохранения и наличия специальных программ развития в области профилактической медицины. При этом следует учитывать и общую социально-психологическую ситуацию с общественным доверием в России.

Литература

1. Нездоровая оптимизация. Эксперты предсказали сокращение числа больниц до уровня 1913 года // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/04/10/58e4feb59a794722462a85aa> (дата обращения: 10.06.2022).
2. Герасименко Н. Ф. 4П-медицина — новое направление развития здравоохранения // Здравоохранение России: федеральный справочник. 2012. Т. 13. С. 93–96.
3. Решетников А. В., Стадченко Н. Н., Соболев К. Э. Удовлетворенность россиян качеством медицинской помощи в системе обязательного медицинского страхования // Социология медицины. 2015. № 1. С. 19–25.
4. Шейман И. М., Шишкин С. В., Шевский В. И., Сажина С. В., Понкратова О. Ф. Диспансеризация населения: ожидания и реальность // Мир России. 2021. Т. 30, № 4. С. 6–29.
5. Журавлева И. В., Лакомова Н. В. Здоровье и благополучие россиян в европейском контексте // Социология медицины. 2018. № 1. С. 35–42.
6. Новоселова Е. Н. К вопросу о роли социологии в изучении и сохранении здоровья населения России // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 30–57.
7. Березовская Р. А. Отношение к здоровью // Здоровая личность / под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Речь, 2013. С. 214–244.
8. Бовина И. В. Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект Пресс, 2008.

9. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф., Дивеева Н.И. Совершенствование нормативно-правовой базы в сфере профилактической медицины как фактор безопасности здоровья населения // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 5. С. 533–542.
10. Пряхина Н.И., Суслина Е.В. О правовой квалификации ненадлежащего исполнения обязанностей медицинскими работниками при проведении профилактических медицинских мероприятий // Криминалист. 2020. № 3. С. 8–16.
11. Бредихина Н.В. Роль институтов семьи, образования и здравоохранения в формировании здорового образа жизни населения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2009. № 32. С. 84–87.
12. Богомякова Е.С. Концепция сетевого индивидуализма в интерпретации опыта пациента в условиях цифровизации здравоохранения // Социолог: образование и профессиональные траектории: материалы Всероссийской научной конференции «XV Ковалевские чтения», 25–27 ноября 2021 года / отв. ред. Н.Г.Скворцов, Ю.В.Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 35–36.
13. Богомякова Е.С., Орех Е.А. Современные концепции здоровья: от качества жизни к ее наполненности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 129–139.
14. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002.
15. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
16. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
17. Дудина В.И., Коробенкова М.А. Формальные нормы и неформальные практики в работе персонала выездных бригад скорой медицинской помощи // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 14 (2). С. 165–181.
18. Алишев Т.Б. Основные теоретические подходы к интерпретации феномена доверия в социологии // Ученые записки Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 5-1. С. 22–29.
19. Артамонова Я.С. Стабильность экономических отношений и разрушение института доверия (социологический анализ) // Т-Comm. 2014. № 7. С. 7–10.
20. Luhmann N. Trust and power. Chichester: Wiley, 1979.
21. Вершинин С.Е. Социальное недоверие: парадигмы анализа, источники, функции (к постановке проблемы) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2007. № 7. С. 61–74.
22. Веселов Ю.В. Доверие в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 129–143.
23. Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. Индикаторы цифровой экономики, 2019: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2019.
24. Барометр доверия Edelman. URL: <https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer> (дата обращения: 17.06.2022).
25. За время пандемии уровень доверия к государству упал у 61 % россиян // РБК. 2020. 26 мая. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/05/2020/5eccff7b9a794728f8f0f327> (дата обращения: 12.03.2022).
26. Обязательное медицинское страхование: оценки россиян // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3194. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obyazatelnoe-meditsinskoe-strakhovanie-ocenki-rossiyan> (дата обращения: 03.05.2022).
27. Эффективность российского здравоохранения и система ОМС // ВЦИОМ. Аналитический обзор. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/effektivnost-rossijskogo-zdravookhraneniya-i-sistema-oms> (дата обращения: 03.05.2022).
28. Качество медицинских услуг: запрос на жесткий контроль // ВЦИОМ. Аналитический обзор. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kachestvo-meditsinskikh-uslug-zapros-na-zhestkij-kontrol> (дата обращения: 02.06.2022).
29. Работа системы здравоохранения во время эпидемии коронавируса. О квалификации врачей. Прогнозы относительно здравоохранения после эпидемии // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-meditsina/14425> (дата обращения: 02.06.2022).
30. Сенаторова О.В., Кузнецов В.А., Труфанов А.С. Отношение к здоровью и профилактике заболеваний как показатель общественного здоровья // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2019. Т. 18, № 1. С. 156–160.
31. Мац А.Н., Чепрасова Е.В. Антипрививочный скепсис как социально-психологический феномен // Эпидемиология и вакцинопрофилактика. 2014. № 5. С. 111–114.

32. Отношение к вакцинации // Глобальный мониторинг Wellcome. URL: <https://wellcome.org/reports/wellcome-global-monitor/2018/chapter-5-attitudes-vaccines> (дата обращения: 22.05.2022).

Статья поступила в редакцию 15 августа 2022 г.;
рекомендована к печати 31 октября 2022 г.

Контактная информация:

Савин Сергей Дмитриевич — канд. социол. наук, доц.; s.savin@spbu.ru

Смирнова Анна Николаевна — канд. социол. наук, доц.; a.smirnova@spbu.ru

Preventive medicine in Russia: The problem of public (dis)trust*

S. D. Savin, A. N. Smirnova

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Savin S. D., Smirnova A. N. Preventive medicine in Russia: The problem of public (dis)trust. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2022, vol. 15, issue 4, pp. 405–423. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.406> (In Russian)

Based on a range of empirical studies, the article discusses the contemporary challenges and contradictions for the development of preventive medicine in Russia amongst the enormous distrust of the population towards preventive medical measures. In the context of the COVID-19 pandemic, the discussion about preventive medical actions as a necessary measure for maintaining national security has assumed new importance. While the Russian government tries to reduce the epidemiological and economic risks by strengthening control and involving the population in preventive procedures, “coronavirus restrictions” have caused significant discontent among the population. The protest voices of “COVID dissidents” are heard loudly in public spaces, and the arguments of opponents of vaccination are widespread in Russian society. However, even before the pandemic, the wary attitude of the population towards vaccinations and preventive measures was already acutely problematic. In 2020–2021 a sociological study was conducted to identify a number of objective and subjective factors of public (dis)trust towards preventive medical measures, and, in general, the value attitude towards health and preventive care in Russian society. The analysis showed the sensitive points of the Russian’s attitude to preventive medicine and issues of health promotions, demonstrating the existing stereotypes and fears of people, as well as the problems of modern preventive medicine in general and vaccination. The authors conclude that the problem of institutional (dis)trust is key for the development of preventive medicine in Russia. Without voluntary and interested participation of the population in medical practices, the development of the modern concept of predictive, preventive, personalised and participative medicine will not be successful.

Keywords: preventive medicine, health assessments, vaccination, public dis(trust), attitudes towards health.

References

1. Unhealthy optimization. Experts predict decreasing number of hospitals at the level of 1913. RBK. Available at: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/04/10/58e4feb59a794722462a85aa> (accessed: 10.06.2022). (In Russian)
2. Gerasimenko N. F. 4P-medicine is a new direction of development of health services. *Federal’nyi spravochnik. Zdravoohranenie Rossii*, 2012, vol. 13, pp. 93–96. (In Russian)

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-011-00193\20.

3. Reshetnikov A. V., Stadchenko N. N., Sobolev K. E. Satisfaction of Russian quality of health services in insurance system. *Sotsiologiya meditsiny*, 2015, no. 1, pp. 19–25. (In Russian)
4. Sheiman I. M., Shishkin S. V., Shevsky V. I., Sazhina S. V., Ponkratova O. F. Health assessment: expectations and reality. *Mir Rossii*, 2021, vol. 30, no. 4, pp. 6–29. (In Russian)
5. Zhuravleva I. V., Lakomova N. V. Health and well-being of Russians in European Context. *Sotsiologiya meditsiny*, 2018, no. 1, pp. 35–42. (In Russian)
6. Novoselova E. N. About role of sociology in research and promotion of health of Russian population. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Vol. 18. Sotsiologiya i politologiya*, 2017, no. 3, pp. 30–57. (In Russian)
7. Berezovskaya R. A. Attitude towards health. *Healthy personality*. Nikiforova G. S. (ed.). St Petersburg, Rech Publ., 2013, pp. 214–244. (In Russian)
8. Bovina I. V. *Social psychology of health and illness*. Moscow, Aspekt Press Publ., 2008. (In Russian)
9. Burlakov V. N., Shchepel'kov V. F., Diveeva N. I. Development of rule-making in some areas of preventive medicine as factors of health safety. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2021, vol. 15, no. 5, pp. 533–542. (In Russian)
10. Pryakhina N. I., Suslina E. V. On the legal qualification of improper performance of duties by medical workers during preventive medical measures. *Kriminalist*, 2020, no. 3, pp. 8–16. (In Russian)
11. Bredikhina N. V. The role of family, education and health institutions in promoting healthy lifestyles of the population. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 2009, no. 32, pp. 84–87. (In Russian)
12. Bogomyagkova E. S. The concept of network individualism in interpreting patient experience in the context of healthcare digitalization. *Sotsiolog: obrazovanie i professional'nye traektorii: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii "XV Kovaliovskie chteniia"* 25–27.11.2021. N. G. Skvortsov, Yu. V. Asochakov. St Petersburg, Skifia-print Publ., 2021, pp. 35–36. (In Russian)
13. Bogomyagkova E. S., Orekh E. A. Modern concepts of health: from the quality of life to its fullness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2019, no. 51, pp. 129–139. (In Russian)
14. Bogaturov A. D., Kosolapov N. A., Hrustalev M. A. *Essays on the theory and methodology of political analysis of international relations*. Moscow, NOFMO Press, 2002. (In Russian)
15. Nort D. *Institutions, Institutional Changes and Functioning of the Economy*. Moscow, Fond ekonomicheskoi knigi "Nachala" Publ., 1997. (In Russian)
16. Huntington S. *Political order in changing societies*. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2004. (In Russian)
17. Dudina V. I., Korobenkova M. A. Formal norms and informal practices in the work of personnel of visiting emergency medical teams. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2011, no. 14 (2), pp. 165–181. (In Russian)
18. Alishiev T. B. The main theoretical approaches to the interpretation of the phenomenon of trust in sociology. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2009, no. 5-1, pp. 22–29. (In Russian)
19. Artamonova Ya. S. Stability of economic relations and destruction of the institution of trust (sociological analysis). *T-Comm*, 2014, no. 7, pp. 7–10. (In Russian)
20. Luhmann N. *Trust and power*. Chichester, Wiley, 1979.
21. Vershinin S. E. Social distrust: paradigms of analysis, sources, functions (to pose a problem). *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, 2007, no. 7, pp. 61–74. (In Russian)
22. Veselov Yu. V. Trust in a digital society. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2020, vol. 13, I. 2, pp. 129–143. (In Russian)
23. Abdrahmanova G. I., Vishnevskij K. O., Gohberg L. M. *Indicators of digital economy, 2019: statisticheskii sbornik*. Moscow, HSE Publishing House, 2019. (In Russian)
24. *2021 Edelman Trust Barometer*. Available at: <https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer> (accessed: 17.06.2022).
25. This is evidenced by a survey conducted by experts from Online Market Intelligence (OMI) and the Platform Social Design Center. *RBK*. Available at: <https://www.rbc.ru/society/26/05/2020/5eccff7b9a794728f8f0f327> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)
26. Compulsory health insurance: estimates of Russians. *VTSIOM. Press release no. 3194*. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obyazatelnoe-meditsinskoe-strakhovanie-ocenki-rossiyan> (accessed: 03.05.2022). (In Russian)

27. The effectiveness of Russian health care and the compulsory medical insurance system. *VTSIOM. Analytical review*. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/effektivnost-rossijskogo-zdravookhraneniya-i-sistema-oms> (accessed: 03.05.2022). (In Russian)
28. Quality of medical services: request for tight control. *VTSIOM. Analytical review*. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kachestvo-mediczinskikh-uslug-zapros-na-zhestkij-kontrol> (accessed: 02.06.2022). (In Russian)
29. The work of the health care system during the coronavirus epidemic. On the qualifications of doctors. Projections for post-epidemic health care. *FOM*. Available at: <https://fom.ru/Zdorove-i-meditsina/14425> (accessed: 02.06.2022). (In Russian)
30. Senatorova O. V., Kuznecov V. A., Trufanov A. S. Attitudes towards health and disease prevention as an indicator of public health. *Kardiovaskuliarnaia terapiia i profilaktika*, 2019, vol. 18, no. 1, pp. 156–160. (In Russian)
31. Mac A. N., Cheprasova E. V. Anti-vaccination skepticism as social psychological phenomena. *Epidemiologiia i vaksinoprofilaktika*, 2014, no. 5, pp. 111–114. (In Russian)
32. *Wellcome Global Monitor 2018: Attitudes to Vaccines*. Available at: <https://wellcome.org/reports/wellcome-global-monitor/2018/chapter-5-attitudes-vaccines> (accessed: 22.05.2022).

Received: August 15, 2022

Accepted: October 31, 2022

Authors' information:

Sergey D. Savin — PhD in Sociology, Associate Professor; s.savin@spbu.ru

Anna N. Smirnova — PhD in Sociology, Associate Professor; a.smirnova@spbu.ru

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЙ, НАУКИ И ИННОВАЦИЙ

УДК 316.334.3

Социальные инновации в городах России: оценка потенциала менеджмента услуг

А. И. Балашов¹, Е. А. Васильева², Д. А. Столярова³

¹ Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы,
Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, 12-я линия В. О., 13

² Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

Для цитирования: Балашов А. И., Васильева Е. А., Столярова Д. А. Социальные инновации в городах России: оценка потенциала менеджмента услуг // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 424–440. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.407>

В статье представлен метод оценки потенциала социальных инноваций в городах Российской Федерации на основе использования показателей качества жизни граждан, представленных ВЭБ.РФ. Под потенциалом социальных инноваций понимается наличие совокупности условий социально-экономического развития, которые положительно влияют на создание, распространение и использование инноваций в сфере предоставления социальных услуг, как технических, так и управленческих. В ходе исследования была проведена иерархическая кластеризация городов в соответствии с комплексной оценкой, проведенной с использованием метода Варда. Определено, что в кластер с высоким потенциалом возникновения и развития социальных инноваций входят только два города из проанализированных; наибольшее количество городов включены в кластер с низким уровнем потенциала. Высокий уровень потенциала выявлен в небольших моногородах, с гомогенизированным населением, занятым в высокотехнологичном производстве, которое характеризуется высоким уровнем самоорганизации и гражданской активности. Население городов с наиболее низким уровнем потенциала отличается высоким уровнем разобщенности, что не компенсируется более высоким уровнем доходов. Установлено, что ключевыми факторами, определяющими потенциал, являются активность взаимодействия внутри сообществ и наличие организаций, осуществляющих свою деятельность в социальной сфере. Таким образом, можно предположить, что повышение потенциала социальных инноваций в городах Российской Федерации находится в зависимости от коммуникационных компетенций местных ор-

ганов власти и создания действующей системы социального предпринимательства, что выдвигает на первый план проблему интеграции методов современного эффективного менеджмента в сферу социальных услуг.

Ключевые слова: социальные инновации, сфера услуг, менеджмент, инновационный потенциал, местное самоуправление.

Введение

Глобальные потрясения, которые проходят в настоящее время в мире, актуализировали необходимость активизации потенциала местных сообществ для решения социальных проблем. В ходе пандемии, спровоцировавшей разрыв ряда традиционных логистических связей и одновременное возрастание запроса граждан на повышение качества социальных услуг, сложились условия, при которых именно местные органы власти становятся ключевым субъектом, ответственным за поиск, апробацию и внедрение инноваций, способных повысить эффективность социальной сферы.

В Российской Федерации в силу особенностей распределения производительных сил и бюджетного процесса социально-экономический потенциал муниципалитетов значительно дифференцирован, но управление социальной сферой осуществляется унифицированно, на основе одних и тех же подходов, требований и методов. Вместе с тем запрет на внедрение инноваций, призванных учитывать местную специфику экономики и социальной сферы, законодательно не определен. Однако деятельность такого рода требует наличия определенных условий, которые определяются как объективными, так и субъективными факторами, и, в частности, большое значение имеет коммуникативная составляющая. В научной литературе и в практике местного самоуправления необходимость инновативной деятельности в социальной сфере не подвергается сомнению, но методики, которая позволила бы в полной мере определить потенциал конкретной территории относительно именно социальных инноваций, нет [1]. Второй значимой проблемой является оценка перспективы применения методов менеджмента в социальной сфере. Инновационное предпринимательство, ставшее залогом успешного повышения качества системы предоставления социальных услуг в ряде государств, в отечественной практике не получило широкого распространения, что также представляется результатом коммуникативного разрыва и неразвитости гражданского общества.

В настоящей статье представлены результаты применения методики оценки потенциала городов Российской Федерации в сфере социальных инноваций на основе показателей, характеризующих качество жизни. Основным исследовательским вопросом было определение факторов, которые в наибольшей степени определяют потенциал муниципального менеджмента в сфере оптимизации системы предоставления социальных услуг гражданам.

Обзор литературы

Определения социальной сферы в литературе по менеджменту можно подразделить по трем основаниям:

- по отраслевому признаку [2, с. 6; 3, с. 253; 4] к социальной сфере относят те отрасли экономики, которые определяют процессы воспроизводства и реализации

человеческого потенциала (капитала) за счет обеспечения комплекса жизненных условий людей;

- как часть общественного сектора [5, с. 119; 6, с. 387–389; 7], социальная сфера определяется как часть экономического пространства, в рамках которого рыночные механизмы не функционируют эффективно, так как его ориентиром выступает производство, распределение, обмен и потребление общественных благ, особенность которых заключается в неконкурентоспособности совместного потребления и наличии признака неисключаемости;

- как область социальной политики [8, с. 878], социальная сфера представляет собой область государственного управления, целью которой является обеспечение высокого качества жизни.

Хотя большинство авторов признает, что управление социальной сферой, в силу ее специфики, является преимущественно задачей государства, некоторые исследователи отмечают, что разработанная в XIX в. концепция «государства всеобщего благосостояния», базирующаяся на принципе равного доступа всех граждан к базовым социальным услугам, в настоящее время неэффективна [9, с. 14; 10, с. 1318]. Причиной этого они называют усложнение общественных взаимоотношений, возникновение новых социальных рисков, а также сужение возможностей финансирования социальной сферы за счет бюджетных средств вследствие экономического кризиса. В качестве решения была предложена концепция welfare mix [11], суть которой заключается в создании диверсифицированной инфраструктуры социальной помощи за счет более активного привлечения негосударственных акторов, таких как коммерческий сектор, некоммерческие организации (НКО) и даже отдельные активные граждане.

Понятие «социальные инновации» отражает особенности государствоцентричного подхода к управлению социальной сферой в новых условиях нестабильности. Его суть заключается в поощрении государством общественной активности, направленной на предоставление социальных услуг посредством сети общественных субъектов, которые могут принимать форму общественных практик, социальных движений и даже новых институтов [12; 13, с. 44]. При этом следует учитывать различие между классическим определением инноваций как технологических изменений, направленных на внедрение новых товаров, рынков и организационных норм [14, с. 452] с целью достижения коммерческого успеха и получения дополнительного дохода, и социальных инноваций как изменений, направленных в первую очередь на повышение эффективности производства общественных благ. Ключевым во втором определении является коммуникативная составляющая, так как залогом достижения поставленных целей в этой системе становится изменение социальных структур и отношений за счет более результативных способов выявления и учета потребностей пользователей социальных услуг и обеспечения самоорганизации местных сообществ. Как отмечает К. А. Устинова, социальные инновации определяются как вид деятельности, «созданной разными субъектами общества (государство, бизнес и гражданское общество), принятой и институционализированной в качестве новой социальной практики для удовлетворения потребностей и решения проблем наилучшим образом (чем это сложилось)» [15, с. 1820].

Анализ жизненного цикла социальной инновации [16; 12; 17, с. 2162–2170] также фиксирует высокое значение оценки качества взаимодействия между всеми

акторами, так как успешность внедряемой практики определяется тем, насколько интериоризировано такое поведение в заинтересованных социальных группах. В России вследствие слабой развитости гражданского общества ответственность за качество коммуникации возлагается на органы государственной власти, в первую очередь на местное самоуправление как наиболее приближенный к гражданам властный институт. При этом, как отмечают Е. В. Попов, Ж. К. Омонов и др. [18, с. 41], отношение к социальным инновациям неоднозначно. Несмотря на то что в литературе они расцениваются как конкурентные преимущества территорий, позволяющие обеспечить развитие маргинальных и/или периферийных районов, в практической реализации этого метода управления можно выделить некоторые риски, а именно — возможность возникновения негативных социальных эффектов, таких как фокусировка только на одной конкретной проблеме или социальной группе или наличие неизбежной угрозы провала реализации планируемых нововведений, что чревато снижением уровня общественного единства и доверия к органам государственной власти. В управленческой практике в качестве способа активизации местного потенциала предложен подход социального предпринимательства [19–21], суть которого заключается, с одной стороны, в активизации и поддержке инициатив коммерческих организаций в социальной сфере, а с другой — в создании организаций, предоставляющих социальные услуги в формате государственно-частного партнерства с преимущественно государственным финансированием.

Тем не менее сформировавшийся тренд на внедрение в государственное управление экосистемного подхода [22, с. 1350] актуализирует и активно формирует общественный запрос на реализацию государством персонализированного подхода к оказанию социальных услуг, что заставляет муниципалитеты пересматривать сложившуюся систему взаимоотношений между участниками инновационной активности в пользу субъект-субъектного подхода. Другими словами, задача государства в целом и особенно органов управления местных сообществ меняется от непосредственного предоставления услуг к созданию условий для взаимодействия коммерческого сектора, социально ориентированных НКО и гражданского общества как формы самоорганизации граждан. Особое значение это приобретает для городов, где высок уровень атомизации и социального отчуждения [23]. Успешность социально-экономического развития города, таким образом, ставится в зависимость от способности муниципалитета обеспечить такую среду, в которой акторы будут настроены на активное взаимодействие с целью повышения качества жизни горожан и поиск инновативных социальных практик.

Итак, в рамках представляемого исследования социальные инновации определяются как управленческие практики, направленные на активизацию местных сообществ в социальной сфере, а потенциал для их появления и развития понимается как наличие совокупности условий социально-экономического развития, которые положительно влияют на создание, распространение и использование инноваций в сфере предоставления социальных услуг, как технических, так и управленческих. В качестве методологической основы исследования выступила концепция *welfare mix*, а в качестве ключевого фактора, характеризующего инновационный потенциал территорий, рассматриваются условия, определяющие коммуникативную составляющую территориального менеджмента.

Методы

Целью исследования была апробация методики оценки инновационного потенциала территорий на основе вторичного анализа данных, предоставленных ВЭБ.РФ. Основная исследовательская гипотеза заключается в том, что количественные данные, используемые для оценки качества жизни в городах России в соответствии с методикой ВЭБ.РФ, могут быть использованы для оценки потенциала внедрения социальных инноваций на конкретной территории за счет совершенствования коммуникативной составляющей территориального менеджмента.

Исследование проводилось в два этапа. Задачей первого этапа было приведение избранных количественных показателей качества жизни населения в городах России к виду, позволяющему обеспечить их сопоставление в целях сравнительного анализа потенциала возникновения и развития социальных инноваций. Был проведен вторичный анализ представленных ВЭБ.РФ количественных данных измерения качества жизни населения в 51 городе России, из которых отбирались показатели, определяющие факторы развития социальных инноваций:

- «Количество крупных компаний города, имеющих программы КСО» — данные за 2019 и 2021 гг., предоставлены СПАРК Интерфакс, сайтами компаний;
- «Количество социальных предприятий» — 2020 г., данные предоставлены ФНС России;
- «Оценка причастности к сообществам» — 2021 г., данные опроса респондентов, проведенного ВЭБ.РФ;
- «Доля граждан, вовлеченных в процессы принятия городских решений» — доля граждан в возрасте старше 14 лет, вовлеченных в принятие решений по вопросам городского развития, в общей численности городского населения в возрасте старше 14 лет, 2020 г., данные муниципальной статистики;
- «Оценка межличностного доверия» — доля респондентов, доверяющих людям, живущим в их городе, 2021 г., данные опроса респондентов, проведенного ВЭБ.РФ;
- «Уровень качества образования» — 2019 г., положение региона в сводном рейтинге качества образования Рособнадзора [24].

После обобщения данных количественные значения показателей были нормализованы (приведены в безразмерный вид) в соответствии с методологией «Рейтинг инновационного развития субъектов РФ» от НИУ ВШЭ. Нормализованные значения показателей по каждому городу определялись как отношение разницы между взятым значением показателя и минимальным значением показателя по всем городам к разнице между максимальным и минимальным значением выбранного показателя по всем исследуемым городам и рассчитывались по формуле:

$$X_i^g = \frac{x_i^g - x_i^{\min}}{x_i^{\max} - x_i^{\min}}, \quad (1)$$

где X_i^g — это нормированное значение i -го показателя в g -городе; x_i^g — это первичное значение i -го показателя в g -городе; x_i^{\min} — это минимальное значение i -го показателя; x_i^{\max} — это максимальное значение i -го показателя.

На втором этапе был проведен опрос экспертов с целью определения веса показателя в итоговой оценке потенциала городов. В качестве экспертов ($N = 14$) были привлечены:

- исследователи (8 человек) — лица, представившие за последние 5 лет более одной публикации на тему социальных инноваций или инноваций в социальной сфере, а также участвовавшие в деятельности лабораторий и центров, связанных с исследованием социальной политики, гражданского общества, социального предпринимательства;
- представители центров инноваций социальной сферы (далее — ЦИСС) (4 человека) — представители государственных структур от консультирующих специалистов до руководителей, в том числе руководители ЦИСС Югра (Ханты-Мансийский АО), ЦИСС Брянской области, ЦИСС Новосибирской области;
- представители НКО и социального бизнеса (2 человека), в том числе сотрудники благотворительного фонда «Центр социальных программ» (ЦСП) РУСАЛа.

Всего были привлечены эксперты из 10 регионов РФ.

Опрос проводился в форме полупоформализованного интервью. Вопросы, касающиеся непосредственного определения веса каждого из 6 показателей, использованных в оценке потенциала городов, были ограничены выбором от 1 до 10 по степени их важности (от минимальной до максимальной). Вес показателя определялся по формуле:

$$V_i = \frac{\sum_{j=1}^N K_{ij}}{\sum_{j=1}^N \sum_{i=1}^M K_i}, \quad (2)$$

где V_i — это числовой коэффициент веса i -го показателя; K — это значение важности i -го показателя по мнению j -го эксперта; $i = 1, \dots, M$, где M — количество показателей; $j = 1, \dots, N$, где N — это количество экспертов.

Полученные весовые коэффициенты показателей представлены в табл. 1.

Таблица 1. Весовые коэффициенты показателей факторов социальных инноваций

Название показателя	Весовые коэффициенты показателей	Название показателя	Весовые коэффициенты показателей
Количество социальных предприятий	0,161	Доля граждан, которые вовлечены в процессы принятия решений в вопросах городского развития	0,171
Количество крупных компаний города (топ-10), имеющих программы КСО	0,171	Оценка межличностного доверия (к обществу в городе)	0,163
Оценка причастности к сообществам	0,182	Уровень качества образования	0,152

На основе обобщения полученных данных определялся потенциал городов для появления социальных инноваций и их развития по формуле:

$$Q_g = \sum_{(i=6)} (V_i X_i^g), \quad (3)$$

где Q_g — это комплексная оценка потенциала g -города для появления и развития социальных инноваций; V_i — это числовой коэффициент веса i -го показателя; X_i^g — это нормированное значение i -го показателя в g -городе.

Результаты исследования

По итогам исследования был составлен рейтинг городов по степени благоприятности условий для появления и развития социальных инноваций (табл. 2).

Таблица 2. Рейтинг городов по потенциалу социальных инноваций

Город	Оценка	Ранг	Город	Оценка	Ранг
Северск	65,75	1	Екатеринбург	33,59	27
Салехард	63,36	2	Тобольск	33,58	28
Череповец	55,26	3	Великий Новгород	33,18	29
Архангельск	52,97	4	Ижевск	32,89	30
Ханты-Мансийск	49,46	5	Киров	32,79	31
Новый Уренгой	48,21	6	Тюмень	32,7	32
Самара	46,77	7	Барнаул	32,03	33
Красногорск	45,4	8	Балашиха	32	34
Сыктывкар	45,22	9	Калининград	31,79	35
Сургут	45,05	10	Рыбинск	30,76	36
Магадан	43,88	11	Тольятти	30,53	37
Тамбов	43,19	12	Иркутск	30,01	38
Якутск	43,04	13	Чита	27,75	39
Пермь	42,75	14	Улан-Удэ	27,4	40
Ставрополь	42,32	15	Новокузнецк	27,18	41
Казань	41,99	16	Рязань	26,98	42
Ярославль	41,15	17	Липецк	26,63	43
Новосибирск	40,38	18	Иваново	25,26	44
Йошкар-Ола	38,9	19	Владивосток	24,95	45
Кемерово	38,51	20	Курск	23,65	46
Омск	38,39	21	Брянск	23,41	47
Находка	38,14	22	Волгоград	21,12	48
Вологда	36,79	23	Волжский	20,91	49
Нижний Новгород	34,8	24	Магнитогорск	19,55	50
Томск	34,58	25		16,36	51
Бийск	34,27	26	Орел		

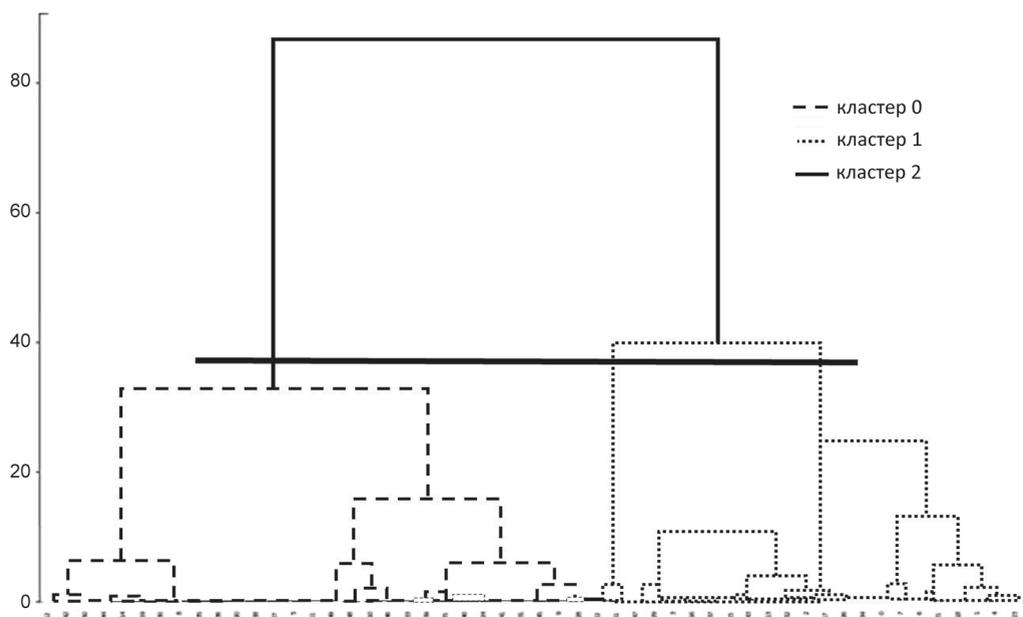

Рис. 1. Кластеризация городов по потенциалу социальных инноваций

Иерархическая кластеризация городов по полученной комплексной оценке с использованием метода Варда (дендрограмма представлена на рис. 1) позволила определить два крупных кластера, выделенных пунктиром и точками.

Краткая характеристика этих кластеров представлена в табл. 3.

Таблица 3. Кластеры городов, определенные по итогам комплексной оценки потенциала социальных инноваций

Номер кластера	2	1	0
Интервальные значения	65,75–63,36	55,26–36,79	34,8–16,36
Количество городов в кластере	2	21	28

Кластер 1 можно условно описать как города с высоким потенциалом возникновения и развития социальных инноваций, кластер 2 — города, имеющие средний уровень этого потенциала, кластер 0 — города с низким уровнем условий для возникновения и развития в них социальных инноваций. Следует обратить внимание на то, что последний кластер включает наибольшее количество исследованных городов.

Опрошенные эксперты определили возможность влияния ключевых критериев ВЭБ.РФ (численность населения, динамика изменения численности, среднемесячная заработная плата и климатическая группа) на процессы социальных инноваций. По их мнению, наибольшее влияние на развитие социальных инноваций имеют уровень экономической развитости территории, затем количество населения и динамика его изменения, а также географическое положение города.

В первый кластер входят два города: Северск и Салехард. Основные статистические данные по городам представлены на официальных сайтах администрации этих городов [25; 26].

ЗАТО город Северск, Томская область. Численность населения Северска составляет 112,1 тыс. человек (по состоянию на 2021 г.), среднемесячная заработная плата работника списочного состава в целом по ЗАТО равна 43 189 руб. (2020 г., по данным Комитета экономического развития города). В регионе, в котором находится город, работает инфраструктура «Мой бизнес», где осуществляется помощь социальному предпринимательству, но отдельного Центра инноваций в социальной сфере при этой инфраструктуре нет. Северск представляет собой моногород, имеет статус закрытого административно-территориального образования (ЗАТО), что по большей части связано с характером промышленного производства в городе. Судя по данным, представленным на сайте администрации города, ведущее направление промышленности — производство ядерного топлива, градообразующим предприятием является Сибирский химический комбинат. Северск является самым крупным ЗАТО в системе государственной корпорации «Росатом».

Если обратиться к количественным значениям показателей качества жизни в Северске, то можно отметить, что максимальное значение имеет показатель «Количество социальных предприятий»: в первичном формате показатель составляет 2,66 ед. на 10 тыс. чел. (для сравнения: в среднем по России 0,31 ед. на 10 тыс. чел.). Также определен высокий уровень показателей «Оценка причастности к сообществу» (ненормализованное значение — 33,91; нормализованное значение — 82,4), «Доля граждан, вовлеченных в вопросы управления города» (нормализованное значение — 70,3), «Уровень качества образования» (нормализованное значение — 74,26). В то же время в городе наблюдается довольно низкий (ниже среднего) уровень межличностного доверия, и всего лишь 4 организации, действующих в городе, имеют программы социальной ответственности.

Город Салехард, административный центр Ямало-Ненецкого автономного округа, Тюменская область. Население Салехарда составляет около 50 тыс. человек, среднемесячная зарплата в городе равна 106 140,8 руб. по данным за 2019 г. (информация представлена на сайте администрации города Салехард). В городе развита промышленность в области добычи золота (ПАО «Ямалзолото») и газа (как и в целом по Ямало-Ненецкому АО). ЦИСС в региональной инфраструктуре поддержки МСП «Мой бизнес» отсутствует. Особенностью Салехарда является слабая транспортная связь с другими субъектами РФ, поскольку город находится на линии Северного Полярного круга.

Анализ показателей качества жизни свидетельствует, что город характеризуется высоким значением показателя «Оценка причастности к сообществам» — 90,7 (не в нормализованном виде — 36,11, в среднем по России показатель равен 21,16), а также высокой долей участия граждан в процессах решения городских вопросов (в нормализованном виде показатель равен 80). Особую роль играет установленный в ходе опроса высокий уровень межличностного доверия в городе, который имеет максимальное значение среди всех исследованных городов (первичное значение показателя составляет 84,26 %, тогда как по в среднем по России показатель равен 58,47 %). Вместе с тем в городе нет крупных организаций с про-

граммами социальной ответственности, хотя показатель количества социальных предприятий имеет значение выше среднего.

Таким образом, высокий потенциал социальных инноваций в этих двух городах обусловлен высокой оценкой респондентами своей причастности к сообществам, что определило их значительный отрыв от 3-го места в рейтинге, который занимает город Череповец, где ненормализованное значение этого показателя составляет 24,75 %, что на 10 п. п. ниже, чем в двух ведущих городах. Это позволяет предположить, что ведущее положение в рейтинге этих городов объясняется высоким уровнем активности гражданского общества в вопросах городского развития и значительным количеством социальных предприятий. Вместе с тем следует отметить, что Салехард и Северск значительно различаются по критериям ВЭБ.РФ, отмеченным экспертами как наиболее значимые для оценки потенциала социальных инноваций.

В нижних строках рейтинга представлены города Магнитогорск и Орел.

Магнитогорск, Челябинская область. Численность населения Магнитогорска по состоянию на 2021 г. составляет более 410 тыс. человек, среднемесячная заработная плата населения — 56 296,8 руб. [27]. Город является центром черной металлургии, имеются крупные запасы железной руды, представляет собой крупный культурный и деловой центр Урала. В регионе работает инфраструктура «Мой бизнес», однако областной ЦИСС отсутствует.

По итогам анализа в Магнитогорске выявлены низкие значения почти по всем показателям, которые составляют оценку потенциала социальных инноваций в городе. По показателям «Количество социальных предприятий» (0,05 единиц на 10 тыс. человек) и «Доля граждан, вовлеченных в процессы принятия решений городского развития» (13 пунктов в ненормализованном виде) значения минимальны, оба едва достигают 1 в нормализованном виде. Оценка межличностного доверия составляет 55 % (нормализованное значение — 7,8), а оценка причастности к сообществам 13 % (нормализованное значение — 11,5). Единственным относительно высоким показателем является «Уровень качества образования» (79 в нормализованном виде, 55 баллов в ненормализованном).

Орел, Орловская область. Население Орла по состоянию на 2021 г. составляет 303 тыс. человек, среднемесячная зарплата населения равна 41 157 рублей. В городе действует Центр машиностроения Центрально-Черноземного экономического района. В регионе работает инфраструктура «Мой бизнес», однако областной ЦИСС отсутствует.

Анализ показателей качества жизни, так же как в Магнитогорске, продемонстрировал низкий уровень активности городского населения в решении местных вопросов. Так, оценка причастности в ненормированном виде составляет 11,88 % (тогда как даже в среднем по России этот показатель равен 21,19 %), что является минимальным значением этого показателя. Такая же тенденция отмечается по показателю уровня межличностного доверия (44,55 % при среднем по городам РФ — 58,47 %). В целом значения почти всех показателей (за исключением качества образования), которые характеризуют условия для появления социальных инноваций в городе, имеют низкий уровень: в нормализованном виде значение всех показателей ниже 25.

Таким образом, можно отметить, что низкий потенциал социальных инноваций в этих городах обусловлен в первую очередь низким уровнем гражданской активности.

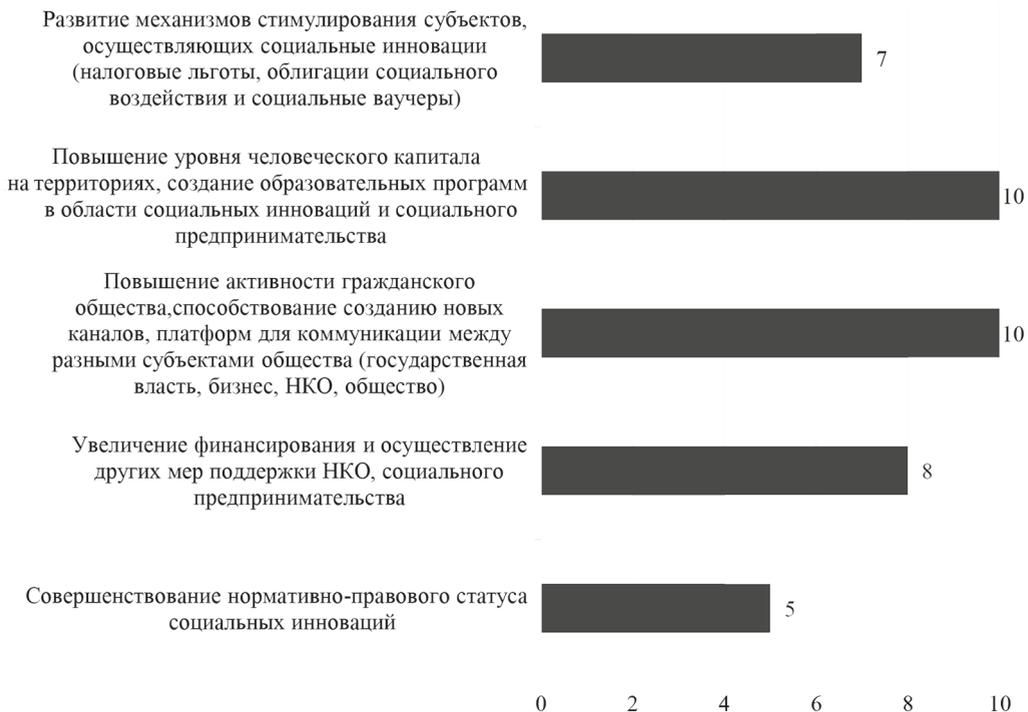

Рис. 2. Приоритетные направления деятельности, способствующие развитию социальных инноваций в городах России

На втором этапе исследования эксперты предложили ряд мер, которые, по их мнению, могут способствовать стимулированию социальных инноваций на основе представленных данных (см. рис. 2). Наиболее приоритетными, по мнению экспертов, направлениями формирования программ развития социальной сферы являются повышение уровня человеческого капитала посредством внедрения образовательных программ и активизация гражданского общества в решении вопросов городского управления. Наименее результативными являются мероприятия, направленные на совершенствование законодательной базы. Таким образом, можно предположить, что, по мнению экспертов, актуализация инновационного потенциала в социальной сфере возможна скорее методами менеджмента, чем государственного администрирования. Наибольшее внимание при этом уделяется необходимости стимулирования социального предпринимательства и обеспечения эффективной коммуникации внутри сообщества.

Лимиты

Следует отметить, что показатели качества жизни населения в городах России, разработанные ВЭБ.РФ, послужившие базой для первого этапа исследования, довольно ограничены в отношении определения социальных инноваций. Но в связи с отсутствием ЦИСС в большинстве регионов РФ и неоднородностью информации об их деятельности других достоверных и сопоставимых данных найти не удалось.

Мы признаем, что полученные результаты могут иметь методологические ограничения, связанные с особенностями метода минимальной дисперсии Варда. В рамках проведенного исследования для нивелирования эффекта длины шкал признаков количественные значения показателей были нормализованы, однако, возможно, предпринятых мер недостаточно для полноценного подтверждения репрезентативности полученных результатов. Тем не менее представляется, что предложенный подход имеет исследовательскую перспективу, так как позволяет объективизировать и автоматизировать сравнительный анализ таких субъективно ориентированных понятий, как качество жизни и качество управления.

Также следует учитывать, что построение динамического ряда для сравнения значений показателей на основе базы данных ВЭБ.РФ не представляется возможным, так как количественные значения показателей представлены за один год, и эти года не всегда сопоставимы. Так, значения показателя «Уровень качества образования» представлены за 2019 г., когда как данные показателя «Оценка причастности к сообществам» — за 2021 г.

При этом, хотя ряд показателей, в частности «Оценка причастности к сообществам» и «Оценка межличностного доверия», позволяют достаточно релевантно определить субъективное отношение граждан к социальному развитию, авторами не были выявлены данные, позволяющие достоверно определить качество государственного управления в городах, например уровень развития нормативно-правовой базы для поддержки социальных инноваций на уровне городов, что также несколько ограничивает прогнозный потенциал настоящего исследования для разработки рекомендаций по совершенствованию системы организации социальных инноваций.

Для совершенствования предложенного метода оценки требуется определение показателей, которые позволяют более точно определить, насколько органы управления в городе имеют возможность, способность и готовность формировать и использовать свои ресурсы так, чтобы они стимулировали возникновение социальных инноваций как важного источника для решения местных проблем в социальной сфере и способствовали успешному распространению и использованию этих инноваций.

Дискуссия и заключение

Итак, по итогам исследования были определены критерии оценки территориальных условий, определяющих процессы развития социальных инноваций. Установлено, что такая оценка может проводиться по аналогии с измерениями инновационного потенциала, вызванного техническим прогрессом. Было определено, что выделенные территориальные условия развития, связанные с социальными инновациями, отражают потенциал города к развитию и появлению социальных инноваций. В качестве ключевых показателей были определены уровень экономической развитости территории, количество населения и динамика его изменения, а также географическое положение города.

Полученные результаты позволяют предположить, что влияние уровня достатка на активность гражданского общества действует только по средним значениям. Фактически уровень дохода населения не является главным и доминирующим

фактором для того, чтобы можно было называть город потенциально имеющим условия для успешного развития социальных инноваций. К примеру, ЗАТО Салехард имеет довольно небольшой доход населения (около 43 тыс. руб. в среднем), при этом он находится на первом месте в рейтинге. В то же время в Магнитогорске в среднем заработная плата населения составляет 56 тыс. руб., но город расположен почти в самом конце рейтинга ввиду низкой вовлеченности горожан в решение проблем города, низкой причастности к местному сообществу и почти полного отсутствия социальных предприятий в городе. Соответственно, решающим становится фактор качества государственного менеджмента, так как именно государство формирует законодательную базу, задающую особенности местной инновационной инфраструктуры, определяет образовательную политику, способствующую развитию человеческого капитала, и экономическую политику, в рамках которой определяются направления социально-экономического развития.

Выявленные по итогам исследования города с высоким уровнем потенциала социальных инноваций можно определить как небольшие моногорода с достаточно гомогенизированным населением, занятым в высокотехнологичном производстве, что подразумевает высокий образовательный уровень. Такие сообщества, как правило, характеризуются высоким уровнем самоорганизации и гражданской активности, что, с одной стороны, облегчает местным властям выполнение коммуникационной функции, так как сообщество достаточно структурировано, но, с другой стороны, отсутствие конкуренции исключает возможность управленческого маневра, что снижает перспективы качественного контроля. Города с низким инновационным социальным потенциалом характеризуются высоким уровнем атомизированности, что и обуславливает низкий уровень социальной сплоченности. В таких условиях требования к местным органам власти возрастают, так как возникает необходимость стимулирования не только гражданской активности, но и непосредственно инновационной активности, то есть поиска проектов, направленных на внедрение новых методов удовлетворения социальных потребностей горожан, что сопряжено, конечно, с возрастанием рисков, связанных с процессом реализации социальных инноваций, которые в полной мере возлагаются на муниципалитеты.

Также можно предположить, что в моногородах, где муниципальное управление в значительной степени использует методы менеджмента, система предоставления социальных услуг также в значительной мере «менеджеризована», то есть более активно использует современные практики, такие как брендинг, клиентоориентированность, аутсорсинг, виртуализация, переход к горизонтальным управленческим структурам, а также интеграция поставщиков и потребителей социальных услуг [28]. Именно применение более эффективных методов взаимодействия позволяет обеспечить активизацию гражданского общества, усовершенствовать коммуникативные практики, обеспечить использование инновационного потенциала в социальной сфере. Этот же аспект отмечают привлеченные эксперты, которые в качестве наиболее предпочтительных методов повышения потенциала социальных инноваций отмечают активизацию социального предпринимательства.

Таким образом, можно констатировать, что оценка потенциала социальных инноваций города, проводимая на основе критериев оценки качества жизни, может способствовать выбору или коррекции социальной политики муниципальных органов власти. В случае, если потенциал высок, органы государственной власти

могут сосредоточиться на коммуникативной составляющей, выступая в качестве модератора при взаимодействии акторов и выполняя функцию контроля качества предлагаемых инноваций. Но если потенциал низкий, то задачей местных властей должны стать и активизация инновационной активности, и развитие местного общества посредством стимулирования самоорганизующихся структур. Инструментом этого может стать более активное применение методов менеджмента одновременно как способа организации взаимодействия акторов в системе социальных услуг и как непосредственного способа их предоставления.

Литература

1. Доклад о реализации мер по обеспечению поэтапного доступа негосударственных организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, за 2020 г. URL: https://admtyumen.ru/files/upload/OIV/D_soc-r/Доклад%20о%20реализации%20мер%20по%20обеспечению%20поэтапного%20доступа%20негосударственных%20организаций%20к%20бюджетным%20средствам%20в%202020%20году.pdf (дата обращения: 18.05.2022).
2. Вьюнов С. С., Клыпин А. В. К вопросу оценки востребованности результатов исследований и разработок реальным сектором экономики и отраслями социальной сферы // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 1. С. 122–142.
3. Соколова С. В. Социальная сфера как объект управления // Вестник Университета. 2015. № 6. С. 251–253.
4. Лихнович Ю. Ю. Социальная сфера и социальная инфраструктура: подходы к определению // Проблемы экономики, финансов и управления производством: сборник научных трудов вузов России. 2008. № 25. С. 304–310.
5. Абубакиров Р. Ф. Социальная сфера как составляющая общественного сектора современной экономики // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 3. С. 118–123.
6. Samuelson P. A. The pure theory of public expenditure // The review of economics and statistics. 1954. Vol. 36, no. 4. P. 387–389.
7. Аубакирова К. И., Голубева А. А., Соколова Е. В. Мотивация электронного участия граждан в развитии города (на примере портала «Наш Санкт-Петербург») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2021. № 20 (2). С. 263–290. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2021.206>
8. Pol E., Ville S. Social innovation: Buzz word or enduring term? // The Journal of socio-economics. 2009. Vol. 38, no. 6. P. 878–885.
9. Герсонская И. В. Государственная социальная политика на современном этапе развития России // Социально-экономические явления и процессы. 2020. Т. 15, № 2 (109). С. 5–16.
10. Sinclair S., Mazzei M., Baglioni S., Roy M. J. Social innovation, social enterprise, and local public services: Undertaking transformation? // Social Policy & Administration. 2018. Vol. 52, no. 7. P. 1317–1331.
11. Oosterlynck, S., Novy A., Kazepov Yu. Local social innovation to combat poverty and social exclusion: a critical appraisal. Bristol: Policy Press, 2019.
12. Massey A. Persistent public management reform: an egreore of liberal authoritarianism? // Public Money & Management. 2018. no. 39. P. 1–10. <https://doi.org/10.1080/09540962.2018.1448160>
13. Cajaiba-Santana G. Social innovation: Moving the field forward. A conceptual framework // Technological Forecasting and Social Change. 2014. Vol. 82. Social innovation. P. 42–51.
14. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
15. Устинова К. А. Социальные инновации: эффекты от реализации и перспективы развития // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 3. С. 1815–1830.
16. Mulgan G., Tucker S., Ali R., Sanders B. Social innovation: what it is, why it matters, how it can be accelerated. London: Young Foundation, 2007.
17. Hochgerner J. Social innovation // Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation and Entrepreneurship / Carayannis E. G. (ed.). Cham: Springer International Publishing, 2020.
18. Попов Е. В., Омонов Ж. К., Наумов И. В., Веретенникова А. Ю. Тенденции развития социальных инноваций // Terra Economicus. 2018. Т. 16, № 3. С. 35–59.
19. Целых М. П. Роль специалистов неформального и информального образования в социализации мигрантов в Великобритании // Глобальный научный потенциал. 2019. № 5 (98). С. 174–176.

20. Апокина К. В., Зубайдуллина В. Р. Социальное предпринимательство в Великобритании // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2019. № 6. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2019/06/16602> (дата обращения: 04.04.2022).
21. Вольфсон С. В. К вопросу об истории становления инновационного предпринимательства. Международный опыт // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 53. С. 112–115.
22. Голова И. М. Экосистемный подход к управлению инновационными процессами в российских регионах // Экономика региона. 2021. Т. 17. Вып. 4. С. 1346–1360. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-21>
23. Лебедева Н. Феноменология и социология чужого: как связаны чуждость города и отчуждение людей внутри города // Versus. 2021. Т. 1, № 1. С. 290–306.
24. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 6. URL: <https://issek.hse.ru/rirr2019> (дата обращения: 09.05.2022).
25. ЗАТО Северск. Администрация ЗАТО Северск. URL: <https://xn----7sbhlbh0a1awgee.xn--p1ai> (дата обращения: 18.05.2022).
26. Официальный сайт города Салехард. URL: <https://salekhard.org/> (дата обращения: 18.05.2022).
27. История Магнитогорска. URL: <https://www.magnitogorsk.ru/content/o-gorode/istoriya-magnitogorska> (дата обращения: 18.05.2022).
28. Полтавская Т. Н., Лаптева Ю. И. Реформаторский тренд в местном самоуправлении и перспективы развития Воронежской области // Проблемы эффективности государственной власти: внешние и внутренние факторы динамичного развития России. Материалы 5-й Межрегиональной научно-практической конференции. Воронеж: Изд-во Воронежского филиала РАНХиГС, 2019. С. 117–121.

Статья поступила в редакцию 3 июля 2022 г.;
рекомендована к печати 31 октября 2022 г.

Контактная информация:

Балашов Алексей Игоревич — д-р экон. наук, проф.; aleksey.i.balashov@gmail.com
Васильева Елена Александровна — д-р социол. наук, проф.; vasilieva_ea@bk.ru
Столярова Дарья Андреевна — ассистент; dashastspb13@gmail.com

Social innovation in Russian cities: Assessing service management potential

A. I. Balashov¹, E. A. Vasilieva², D. A. Stolyarova³

¹ St Petersburg State Institute of Psychology and Social Work,

13, 12-ya liniya V. O., St Petersburg, 199178, Russian Federation

² North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National

Economy and Public Administration,

57/43, Sredniy pr. V. O., St Petersburg, 199178, Russian Federation

³ HSE University,

16, ul. Soyuza Pechatnikov, St Petersburg, 190008, Russian Federation

For citation: Balashov A. I., Vasilieva E. A., Stolyarova D. A. Social innovation in Russian cities: Assessing service management potential. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2022, vol. 15, issue 4, pp. 424–440. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.407> (In Russian)

The article presents a method for assessing the potential of social innovations in the cities of the Russian Federation based on the use of quality of life indicators provided by VEB.RF. The social innovative potential is the presence of a set of socio-economic development conditions that positively influence the creation, dissemination and use of innovations, both technical and managerial, in the provision of social services. In the course of the study a hierarchi-

cal clustering of the cities according to the obtained comprehensive assessment using Ward's method was carried out. It was established that the cluster with high potential for emergence and development of social innovations includes only two cities out of studied 51 ones, the largest number of cities are included in the cluster with low level of potential. A high level of potential has been identified in small single-industry towns, with a homogenised population engaged in high-tech industry, with a high level of self-organisation and civic engagement. The population of cities with the lowest levels of potential is characterised by high levels of fragmentation, which is not compensated by higher levels of income. The key factors determining the potential are the activity of interaction within communities and the presence of organisations that carry out their activities in the social services sector. Thus, it can be assumed that increasing the potential for social innovation in Russian cities depends on the communication competences of local authorities and the establishment of a functioning system of social entrepreneurship, which brings to the fore the problem of integrating modern effective management methods into the social services sector.

Keywords: social innovation, services sector, management, innovative potential, local government.

References

1. Report on the implementation of measures to ensure gradual access of non-state organizations operating in the social sphere to budgetary funds allocated for the provision of social services to the population in 2020. Available at: https://admtymen.ru/files/upload/OIV/D_soc-r/Доклад%20о%20реализации%20мер%20по%20обеспечению%20поэтапного%20доступа%20негосударственных%20организаций%20к%20бюджетным%20средствам%20в%202020%20году.pdf (accessed: 09.09.2022). (In Russian)
2. Vyunov S. S., Klypin A. V. To the question of assessing the demand for research and development results by the real sector of the economy and industries of the social sphere. *Upravlenie naukoj: teoriia i praktika*, 2022, vol. 4, no. 1, pp. 122–142. (In Russian)
3. Sokolova S. V. Social sphere as an object of management. *Vestnik Universiteta*, 2015, no. 6, pp. 251–253. (In Russian)
4. Likhnovich Yu. Yu. The social sphere and social infrastructure: approaches to definition. *Problemy ekonomiki, finansov i upravleniia proizvodstvom: sbornik nauchnyh trudov vuzov Rossii*, 2008, no. 25, pp. 304–310. (In Russian)
5. Abubakirov R. F. The social sphere as a component of the public sector of the modern economy. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2007, no. 3, pp. 118–123. (In Russian)
6. Samuelson P. A. The pure theory of public expenditure. *The review of economics and statistics*, 1954, Vol. 36, no. 4, pp. 387–389.
7. Aubakirova K. I., Golubeva A. A., Sokolova E. V. Motivation of electronic participation of citizens in the development of the city (on the example of the portal of “Our St Petersburg”). *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*, 2021, no. 20 (2), pp. 263–290. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2021.206> (In Russian)
8. Pol E., Ville S. Social innovation: Buzz word or enduring term? *The Journal of Socio-Economics*, 2009, vol. 38, no. 6, pp. 878–885.
9. Gersonskaya I. V. State social policy at the present stage of Russia's development. *Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniia i protsessy*, 2020, vol. 15, no. 2 (109), pp. 5–16. (In Russian)
10. Sinclair S., Mazzei M., Baglioni S., Roy M. J. Social innovation, social enterprise, and local public services: Undertaking transformation? *Social Policy & Administration*, 2018, vol. 52, no. 7, pp. 1317–1331.
11. Oosterlynck S., Novy A., Kazepov Yu. *Local social innovation to combat poverty and social exclusion: a critical appraisal*. Bristol, Policy Press, 2019.
12. Massey A. Persistent public management reform: an egreore of liberal authoritarianism? *Public Money & Management*, 2018, no. 39, pp. 1–10. <https://doi.org/10.1080/09540962.2018.1448160>
13. Cajaiba-Santana G. Social innovation: Moving the field forward. A conceptual framework. *Technological Forecasting and Social Change*, 2014, vol. 82, pp. 42–51.
14. Schumpeter J. A. *Theory of Economic Development*. Moscow, Progress Publ., 1982. (In Russian)
15. Ustinova K. A. Social innovations: the effects of implementation and development prospects. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 1815–1830. (In Russian)

16. Mulgan G., Tucker S., Ali R., Sanders B. *Social Innovation: what it is, why it matters, how it can be accelerated*. London, Young Foundation, 2007.
17. Hochgerner J. *Social Innovation. Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation and Entrepreneurship*. Carayannis E. G. (ed.). Cham: Springer International Publishing, 2020.
18. Popov E. V., Omonov Zh. K., Naumov I. V., Veretennikova A. Yu. Trends in the development of social innovations. *Terra Economicus*, 2018, vol. 16, no. 3, pp. 35–59. (In Russian)
19. Tselikh M. P. The role of non-formal and informal education professionals in the socialization of migrants in Britain. *Global'nyi nauchnyi potentsial*, 2019, no. 5 (98), pp. 174–176. (In Russian)
20. Apokina K. V., Zubaidullina V. R. Social entrepreneurship in Great Britain. *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologii*, 2019, no. 6. Available at: <https://ekonomika.snauka.ru/2019/06/16602> (accessed: 04.04.2022). (In Russian)
21. Volfson S. V. On the history of the formation of innovative entrepreneurship. International experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, 2018, no. 53, pp. 112–115. (In Russian)
22. Golova I. M. Ecosystem approach to the management of innovation processes in Russian regions. *Ekonomika regiona*, 2021, vol. 17, iss. 4, pp. 1346–1360. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-21> (In Russian)
23. Lebedeva N. Phenomenology and the sociology of the alien: How the alienation of the city and the alienation of people within the city are related. *Versus*, 2021, vol. 1, no. 1, pp. 290–306. (In Russian)
24. *Rating of innovation development of the subjects of the Russian Federation*. Iss. 6. Available at: <https://issek.hse.ru/rirr2019> (accessed: 09.05.2022). (In Russian)
25. *ZATO Seversk. Administration of ZATO Seversk*. Available at: <https://xn----7sbhlbh0a1awgee.xn--p1ai> (accessed: 18.05.2022). (In Russian)
26. *Official website of the city of Salekhard*. Available at: <https://salekhard.org/> (accessed 18.05.2022). (In Russian)
27. *History of Magnitogorsk*. Available at: <https://www.magnitogorsk.ru/content/o-gorode/istoriya-magnitogorska> (accessed: 18.05.2022). (In Russian)
28. Poltavskaya T. N., Lapteva Y. I. Reformatory trend in local self-government and prospects for development of the Voronezh Oblast. *Problemy effektivnosti gosudarstvennoi vlasti: vneshnie i vnutrennie faktory dinamichnogo razvitiia Rossii. Materialy 5-i Mezhtselevoe nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Voronezh, Voronezh branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration Press, 2019, pp. 117–121. (In Russian)

Received: July 7, 2022

Accepted: October 31, 2022

Authors' information:

Aleksei I. Balashov — Dr. Sci. in Economics, Professor; aleksey.i.balashov@gmail.com

Elena A. Vasilieva — Dr. Sci. in Sociology, Professor; Vasilieva_ea@bk.ru

Daria A. Stolyarova — Assistant; dashastspb13@gmail.com

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

УДК 316.2

Призвание историка русской философии и социологии. Столетний юбилей профессора Галактионова

М. В. Синютин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Синютин М. В. Призвание историка русской философии и социологии. Столетний юбилей профессора Галактионова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 441–451. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.408>

Статья написана в ознаменование столетия со дня рождения известного историка русской философии и социологии Анатолия Андриановича Галактионова (1922–2002), чья жизнедеятельность долгое время самым тесным образом была связана с Санкт-Петербургским (Ленинградским) государственным университетом. Назначение статьи состоит в комплексном осмыслении роли А. А. Галактионова в отечественной историко-социологической традиции, а также в синтезированной оценке его творчества с позиций состояния истории социологии сегодня. Творчество историка раскрывается в рамках биографического контекста и основных этапов жизнедеятельности ученого как борьба за свои исследовательские принципы и убеждения. На основании историографического обзора обстоятельно рассмотрена последовательность формирования ключевых научных идей А. А. Галактионова и показано фундаментальное значение методологических разработок в области исторического исследования русского философского процесса. Благодаря такому подходу впервые конкретизирован его фундаментальный вклад в развитие отечественной науки. Сделан важный вывод о том, что основное творческое достижение А. А. Галактионова состоит в конкретизации и систематизации историко-материалистического понимания общественной мысли в России. Как важный момент этой конкретизации обозначено выявление национально-культурных особенностей русского философского процесса. Ярким примером данного рода конкретизации послужило осмысление исторического места и значения славянофильства в истории русской общественной мысли. Впервые в отечественной литературе выделена характеристика им русской философии как философии жизни. В конце статьи подчеркнута актуальность и ценность идей А. А. Галактионова для современных исследований отечественной философской культуры и социологической мысли.

Ключевые слова: А. А. Галактионов, история философии, русская философия, история русской социологии, историко-материалистический метод.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

В науке есть не так много фигур, чье творчество на поприще истории русской философии и социологии можно охарактеризовать как призвание, как полное погружение личности в дело своей судьбы, как жизненное кредо. Как правило, это яркие, уникальные личности с богатой биографией и жизненным опытом. Особым поводом вспомнить о таких ученых служат рубежные юбилейные даты.

26 ноября 2022 г. исполнилось сто лет со дня рождения профессора А. А. Галактионова, отдавшего четырнадцать лет работе на факультете социологии СПбГУ. Эта солидная дата одновременно символизирует зрелость самого факультета, поскольку Анатолий Андрианович Галактионов навсегда стал старейшим преподавателем, когда-либо работавшим на факультете.

Он родился в Петрограде, жил в Ленинграде и закончил свой путь в Санкт-Петербурге. Весь долгий жизненный путь Анатолия Андриановича связан с его родным городом, который пришлось защищать в годы Великой Отечественной войны и в котором он разработал собственное оригинальное представление о траектории отечественной философии. Как представитель первого советского поколения, он рано ознакомился с марксизмом и стал его убежденным последователем. Еще со школьной скамьи у него сформировался интерес к идеям Г. В. Плеханова в области общественной мысли. На счастье Галактионова, к моменту поступления в 1941 г. в Ленинградский университет там был открыт философский факультет. Но для всей советской молодежи той эпохи учебную страду отодвинула война.

Спустя четыре года в разрушенной войной стране интерес к образованию возрос с новой силой. Геополитические тенденции вкупе с победой СССР в Великой Отечественной войне повысили национально-патриотические настроения, обличенные в марксистскую форму советской идеологии тех лет. Во внутривнутриполитическом дискурсе данную тенденцию усиливала борьба с космополитизмом и низкопоклонничеством перед Западом. Всесоюзная дискуссия вокруг книги Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» высветила проблему самостоятельности отечественной философии по отношению к европейской мысли [1]. В советской науке возник спрос на глубокую разработку истории отечественного философского процесса, особенно в части социологической мысли. Подобные внешние обстоятельства подтолкнули изыскания А. А. Галактионова к созданию марксистской концепции истории русской философии.

Отправным пунктом творчества Анатолия Андриановича стала методология, предложенная четвертью века ранее Г. В. Плехановым в его фундаментальной, хотя и незавершенной работе «История русской общественной мысли» [2]. Именно тут был впервые реализован план историко-материалистического подхода к идеологическому развитию России и показаны достоинства логики марксистского исследования отечественной истории социологических концепций, демонстрирующей объективные условия умственного движения и борьбы идей внутри русского общества. Борьба и сотрудничество классов были рассмотрены в качестве решающих обстоятельств формирования и развития общественной мысли.

Марксистская методология истории философии и социологии осваивалась Анатолием Андриановичем на философском факультете благодаря таким преподавателям, как Н. Н. Андреев и М. В. Серебряков. Н. Н. Андреев, читавший курсы истории социологической мысли и истории русской философии, также многое

почерпнул из творчества Г. В. Плеханова, но при этом использовал богатый опыт лекционных курсов немецкого неокантианца Куно Фишера, у которого он обучался в студенческие годы. Эти занятия позволяли Галактионову научиться устанавливать связь между личным творчеством ученого и историческим контекстом его жизнедеятельности. Вместе с тем рассмотреть данную методологическую проблему помогали публичные размышления М. В. Серебрякова относительно интерпретации марксистского учения о роли личности в истории. Эти размышления подводили к идее, что значение личности в общественном процессе определяется масштабом последнего, из чего следовало, что воздействие личности на наиболее массовые, экономические явления незначительно, тогда как в области идеологической надстройки роль личности возрастает.

К началу 1950-х гг. А. А. Галактионов начинает самостоятельную разработку методологических основ историко-философского процесса. Уже тогда он определился с тем, что история социологии выступает частью истории философии. Причем для таких стран, как Россия, их взаимосвязь значительно сильнее и существует дольше. Пока социология продолжает решать фундаментальные проблемы общественной жизни средствами философии, это неизбежно. Более того, важнейшие вопросы социологии не могут не иметь философского характера.

А. А. Галактионов подвергает тщательному пересмотру методологию историко-философского процесса в России, которую предложил Г. В. Плеханов. Себе в помощь он берет критические соображения, высказанные в адрес плехановской концепции В. И. Лениным и И. В. Сталиным. Они дали отдельные, хотя и весомые оценки, поэтому предстояло провести работу по их систематизации. Начало этой работы нашло отражение в кандидатской диссертации А. А. Галактионова по теме «Ленинско-сталинская критика плехановской концепции истории русской материалистической философии XIX века». Речь пока шла о подходе к одному из направлений на определенном этапе историко-философского процесса. Он высоко оценил плехановское понимание самостоятельного значения русской философии, ее самобытного исторического пути и связи с борьбой российских общественных интересов. Признавая безусловную ценность историко-материалистического подхода Г. В. Плеханова к русской философской мысли, А. А. Галактионов показывает ряд допущенных ошибок. В частности, он отметил отступления от принципов партийности и историзма, схематизацию диалектики, а также преувеличение роли европеизации философии в России. Еще одним недостатком, сказавшимся на искажении историко-материалистической методологии, явилось представление Г. В. Плеханова об особенном характере российского государства как надклассового органа.

Руководствуясь опытом критики плехановской методологии, А. А. Галактионов пишет ряд статей, посвященных отдельным отечественным мыслителям — А. Д. Кантемиру, В. Н. Татищеву, А. Н. Радищеву. В 1956 г. он вместе с П. Ф. Никандровым и В. П. Федотовым публикует острую статью-рецензию в центральном журнале «Вопросы философии» под названием «О серьезных недостатках в освещении отечественной философии» [3]. На фоне политических перемен в стране эта статья выступала серьезным вызовом сложившимся способам исследования истории философии в нашей стране. Хотя публикация в разделе критики и библиографии комментировала издание «Очерков по истории философской и общественно-по-

литической мысли народов СССР» (1955–1956) [4], но ценна она была постановкой принципиальных методологических задач, открывавшей новую страницу в историко-философской науке.

Во-первых, здесь был поставлен вопрос периодизации истории философии с позиций материализма, а не в форме хронологической схемы. Общественная мысль России проходит этапы, свойственные развитию именно российской истории со всеми ее особенностями, как, например, формы феодализма и капитализма или национальные особенности классов и их политические устремления. Во-вторых, было подчеркнута методологическое значение предмета истории философии как процесса борьбы материализма и идеализма. Это открывало путь всестороннего исследования вместо однобокого выпячивания и полирования материалистической традиции, но такая всесторонность позволяла проследить преемственность идей. В-третьих, было показано, насколько натянуты неуместные утверждения о самостоятельности русской философии. Связь с западноевропейской традицией сложна настолько, что не укладывается в трафареты патриотических лозунгов. Наконец, были выявлены фундаментальные недостатки анкетно-цитатного метода, присущего не только рецензируемой книге, но и всей ситуации в советской историко-философской науке. Примеры из критики глав книги не оставляли сомнений в неизбежности отказа от абстрактного схематизма.

Данная статья была не рядовым эпизодом, а частью развернутой ленинградскими историками философии во главе с А. А. Галактионовым борьбы против системных недостатков, сложившихся к середине XX в. в советской историко-философской традиции. Эти системные недостатки интерпретировались критиками как искажение материалистического понимания истории философской мысли. Дополнительный накал ситуации придавало то обстоятельство, что бороться приходилось с идеями, укоренившимися в верхушке руководства академической системы, имевшей и использовавшей властные полномочия для исключительного доминирования своей концепции. А. А. Галактионов инициировал еще несколько публикаций, продолживших линию конструктивной критики.

В результате в статье «Методологические проблемы истории русской философии» были поставлены четкие задачи: «Для историко-философской науки важно прежде всего проанализировать преемственную связь по существу, а именно — показать, как каждое учение вытекает из предшествовавшего и как прокладывает дорогу последующему, показать вместе с тем, что вносит оно в познание законов природы, общества, мышления» [5, с. 70]. Фактически она отражала уже развернувшуюся работу самого А. А. Галактионова вместе с П. Ф. Никандровым над созданием историко-материалистической концепции русского философского развития. Методологический критицизм в отношении накопленного советского опыта стал важнейшим инструментом их творчества. Благодаря этому на повестку дня были поставлены принципы национального своеобразия, научной партийности, единства и попеременного преобладания противоположных течений, конкретности исторических обстоятельств отечественного философского процесса. Это позволило впервые систематически показать конкретно-исторический характер борьбы материалистических и идеалистических тенденций в русской философии. Оценка учений русских мыслителей стала исходить из достижений и новизны их собственного исторического

контекста, что потребовало дифференцированного подхода к каждому. Такой подход вел к окончательному расставанию с догматическим схематизмом.

Конкретизация историко-материалистического взгляда на русский философский процесс привела к необходимости увязать переплетение социально-классовых интересов с развитием национально-культурных интересов каждого исторического периода. Практика вульгаризации классового подхода была отвергнута, взамен было выявлено закономерное своеобразие русского национального мышления в области философских и социологических проблем. А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров обозначили основные национальные особенности русской философии, благодаря чему показали происхождение и характер особых форм идеологии, распространившихся в России, например народничества, славянофильства, западничества. Им удалось объяснить, как национальные особенности переплетаются с общими закономерностями истории философии. Поэтому получил историко-материалистическое истолкование вопрос взаимоотношения русской и западноевропейской философских традиций. Тесной связью с практикой освободительного движения было объяснено игнорирование философского системотворчества в области теории — это касалось и социологической проблематики. Наоборот, политическая цензура вытеснила философствование в области публицистики и литературы. Резюмируя национальные особенности, А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров пришли к выводу, что правильно охарактеризовать русскую философию как философию жизни, то есть науку, направленную на практические общественные задачи. Данный вывод подтверждал весомую долю социологического содержания в философствовании русских мыслителей.

Параллельно с методологическими изысканиями ленинградские ученые реализуют свой проект в нескольких трудах: «Основные этапы в истории русской философии» (1958) [6], «История русской философии» (1961) [7], «Идеологи русского народничества» (1966) [8], «Русская философия XI–XIX вв.» (1970) [9]. Здесь сформулированные методологические положения были реализованы применительно ко всей системе исторического развития русской философской мысли и прослежены в деталях и взаимосвязях. На этой основе в 1966 г. А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров вдвоем (редкий случай в советской философской науке!) защитили докторскую диссертацию по теме «История русской философии». Диссертация включала в себя большую работу не только методологического, но и историографического плана. Были обнаружены и объяснены закономерности и противоречия истории философии в России, а также раскрыты основополагающие сквозные проблемы, присущие разным направлениям и периодам развития философских и социологических идей.

Особенно важно подчеркнуть, что руководство выделенными ранее принципами исторического материализма в изучении философского процесса меняло отношение к идеалистическим течениям, которые впервые в советской науке были рассмотрены как необходимая составляющая русской общественной мысли, как такая противоположность материализма, которая служит условием единого процесса развития философского познания. Впервые в советской литературе были аргументированно доказаны историческая важность и востребованность славянофильства как особого философского способа самоопределения русской культуры. Отдельно эта тема была раскрыта в статье «Славянофильство,

его национальные истоки и место в истории русской мысли», вышедшей в 1966 г. в журнале «Вопросы философии» [10]. Здесь был показан закономерный характер идейной борьбы славянофильства, отражающей насущные проблемы российской действительности. В этой связи было сделано аргументированное объяснение актуализации вопроса об особом пути исторического развития России в отечественной философской культуре. А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров исходили из важности рассмотрения славянофильства в связке со своим антиподом — западничеством, имевшим общие теоретические истоки в немецкой классической философии истории. Причем они показали условия и причины подобного раздвоения идеологического развития русского либерального дворянства как ведущего участника философского процесса России второй четверти XIX в. Была дана историческая оценка и определена роль славянофильства в русской общественной мысли, что послужило основой выводов о далеко идущем историческом влиянии данного типа философствования в России, даже несмотря на меняющиеся общественные условия.

Идеи, сформулированные А. А. Галактионовым и П. Ф. Никандровым, дали сильный толчок и новое качество советским историко-философским исследованиям, став прочной методологической базой научного изучения отечественной общественной мысли по множеству частных отдельных проблем. Была поднята планка историко-философского образования в нашей стране. Теперь можно с уверенностью констатировать, что концепция русского историко-философского процесса, предложенная в 1960-е гг. А. А. Галактионовым и П. Ф. Никандровым, стала вершиной советского обобщения истории отечественной общественной мысли. Именно на ней развивались лучшие труды второй половины XX в. по истории социологической мысли в России.

Судьба сложилась так, что публикационная активность А. А. Галактионова замедлилась в 1970–1980-е гг. Пришлось оставить работу на философском факультете ЛГУ. Большим ударом стал уход из жизни П. Ф. Никандрова. Но совершенствование концепции истории русской философии продолжалось и выразилось в новом, существенно переработанном издании книги «Русская философия IX–XIX вв.», увидевшем свет в 1989 г. [11]. Эта работа позволила открыть новый этап академической биографии А. А. Галактионова. Высокая оценка книги среди специалистов положительно повлияла на приглашение для ведения курсов по истории философии и социологии на факультете социологии, открывшемся в ЛГУ в том же году.

Процессы разрушения советского общества и усиления антимарксистских тенденций в отечественной социологии не поколебали приверженности А. А. Галактионова принципам исторического материализма в изучении истории философии и социологии. Анатолий Андрианович продолжил конкретизацию своих методологических разработок. В особенности он усилил работу по исследованию условий и форм национального своеобразия в развитии русской общественной мысли. Большую актуальность в условиях формирования новой государственной и идеологической повестки российской истории приобрели славянофильские идеи, в особенности концепция Н. Я. Данилевского. Он пишет большую вступительную статью и редактирует переиздание знаменитой книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» [12]. Здесь Анатолий Андрианович объ-

ясняет методологическое значение органической теории для теории культурно-исторических типов и раскрывает социологическое значение концепции национально-культурной общности.

На основе курса лекций по истории социологии в России Анатолий Андрианович уточняет специфику развития русской социологической мысли в книге «Русская социология XI–XIX веков», изданной в виде учебника в 2002 г. [13]. Эту работу он рассматривал как продолжение опыта разработанной методологии для систематического осмысления логики и преемственности процесса развития русской социологии. Им определены важнейшие этапы и ключевые персоналии исследуемого исторического процесса. В заключение А. А. Галактионов дал наброски систематического рассмотрения советского периода для русской социологии. Поэтому даже сегодня, двадцать лет спустя, этот труд чрезвычайно полезен для историков отечественной социологической мысли.

Идеи А. А. Галактионова созвучны современному растущему интересу мировых исследователей к истории социологии, которые выделяют разнообразие национально-культурных моделей и форм развития социологической мысли. Об этом интересе свидетельствует текущая работа исследовательского комитета по истории социологии в рамках Международной социологической ассоциации. Повсеместно снижается интерес к использованию принципа универсализма в философском развитии и повышается внимание к конкретным национальным формам философского процесса в общественной мысли разнообразных стран мира. Сегодня в текущих геополитических обстоятельствах, когда российское общество обнаружило острую потребность в крепкой национальной идеологии, творчество профессора А. А. Галактионова в области истории русской философской мысли вновь заслуживает пристального внимания.

Научный вклад А. А. Галактионова привлекал внимание в течение его творческого пути, привлекает и сейчас. Оценки накапливались постепенно и варьировались от положительных до отрицательных. Авторы знаменитого пятитомника по истории философии в СССР подчеркивали, что книга А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова «История русской философии» (1961) была первым советским изданием, излагающим курс истории русской философии начиная с XI в. и до распространения в России марксизма [14, с. 246]. Борьба с догматизмом цитатно-анкетного метода принесла Анатолию Андриановичу и Петру Федотовичу большую известность. Об этом влиянии ленинградских ученых, стоившем огромных усилий, писал в своих мемуарах Е. Г. Плимак [15]. На протяжении нескольких десятилетий планка, поднятая ими, оставалась недостижимой в среде историков философии. За рубежом их идеи были замечены и высоко оценены еще в 1963 г. [16]. На протяжении всего советского времени зарубежные исследователи пристально следили и анализировали их труды [17–23], продолжают рассматривать их и в XXI в. [24; 25]. В современной отечественной литературе отклик на творчество А. А. Галактионова был двояким. Во-первых, появились статьи персонально о нем или об их тандеме с П. Ф. Никандровым [26–31]. Во-вторых, стали писать об их месте в отечественном историко-философском дискурсе [32; 33]. Однако на фоне такого обилия публикаций пока еще не было ни одной специальной работы, которая бы ставила задачи рассмотрения научного вклада А. А. Галактионова. Предлагаемая статья восполняет имеющийся пробел.

Литература

1. Александров Г. Ф. История западноевропейской философии: курс лекций, прочит. в Высш. парт. школе при ЦК ВКП(б). М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1945.
2. Плеханов Г. В. История русской общественной мысли: в 5 т. // Плеханов Г. В. Собрание сочинений. Т. XX–XXIV / под общ. ред. Д. Рязанова. М.; Л.: Госиздат, 1925–1927.
3. Галактионов А. А., Никандров П. Ф., Федотов В. П. О серьезных недостатках в освещении истории отечественной философии // Вопросы философии. 1956. № 6. С. 180–185.
4. Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР / подред. Г. С. Васецкого, М. Т. Иовчука, А. Н. Маслина, А. Ф. Окулова, З. В. Смирновой, И. Я. Щипанова; Академия наук СССР. Институт философии, Московский ордена Ленина Государственный университет имени М. В. Ломоносова. Кафедра истории русской философии. М.: Изд. АН СССР, 1955–1956. Т. 1–2.
5. Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Методологические проблемы истории русской философии // Философские науки. 1966. № 3. С. 70.
6. Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Основные этапы в истории русской философии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958.
7. Галактионов А. А., Никандров П. Ф. История русской философии. М.: Соцэкгиз, 1961.
8. Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Идеологи русского народничества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966.
9. Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия IX–XIX вв. Л., 1970.
10. Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли // Вопросы философии. 1966. № 6. С. 120–130.
11. Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия IX–XIX вв. 2-е изд., перераб. Л., 1989.
12. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 6-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета; Глагол, 1995.
13. Галактионов А. А. Русская социология IX–XX веков: учебник. СПб.: Лань, 2002.
14. История философии в СССР. Т. 5. Кн. 2. М.: Наука, 1988.
15. Плимак Е. Г. На войне и после войны (записки ветерана). М.: Весь мир, 2005.
16. McConnell A. Soviet images of Radishchev's Journey from St Petersburg to Moscow // The Slavic and East European Journal. 1963. Vol. 7, no. 1. P. 9–17.
17. Galaktionov A. A., Nikandrov P. F. Slavophilism, its national roots and its place in the history of Russian thought // Russian Studies in Philosophy. 1967. Vol. 6, no. 2. P. 22–32.
18. Scheibert P. Zu einigen sowjetischen Neuerscheinungen über das Narodniceswto // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1972. Bd. 20. Hf. 1. S. 101–106.
19. Goerdt W. Russische Philosophen und Rousseau in der Filosofskaja Enciklopedija // Studies in Soviet Thought. 1974. no. 14. S. 275–296.
20. Jeu B. Review: Russkaja filosofija XI–XIX vekov by A. A. Galaktionov, P. F. Nikandrov = La philosophie russe des XI–XIX siecles by A. A. Galaktionov, P. F. Nikandrov // Studies in Soviet Thought. 1974. no. 14 (3/4). S. 302–303.
21. Scanlan J. P. Populism as a philosophical movement in nineteenth-century Russia: The thought of P. L. Lavrov and N. K. Mikhajlovskij // Studies in Soviet Thought. 1984. Vol. 27, no. 3 (Apr.). P. 209–223.
22. Zweerde E. van der. Recent developments in Soviet historiography of philosophy // Studies in Soviet Thought. 1990. No. 39 (1). P. 1–53.
23. Nemeth Th. Review: Russkaja filosofija XI–XIX vekov by A. A. Galaktionov, P. F. Nikandrov // Studies in Soviet Thought. 1991. No. 41 (1). P. 77–79.
24. Zweerde E. van der. Soviet philosophy revisited: Why Joseph Bocheński was right while being wrong // Studies in East European Thought. 2003. Vol. 55, no. 4. Toward an Assessment of the Contributions of J. M. Bocheński (Dec.). P. 315–342.
25. DeBlasio A. Writing the history of Russian philosophy // Studies in East European Thought. 2011. No. 63. P. 203–226.
26. Синютин М. В. Анатолий Андрианович Галактионов // Российская социология: историко-социологические исследования. Вып. 3 / под ред. А. О. Бороноева. СПб.: Астерион, 2006. С. 223–229.
27. Галактионова Е. Д. О творческом пути А. А. Галактионова // Российская социология: историко-социологические исследования. Вып. 3 / под ред. А. О. Бороноева, СПб.: Астерион, 2006. С. 230–239.

28. *Ермичев А. А.* А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров — советские историки русской философии // *Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом.* М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 547–562.

29. *Синютин М. В.* Если любишь Россию... (К 90-летию А. А. Галактионова) // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии.* 2013. Т. 14. Вып. 1. С. 140–149.

30. *Бороноев А. О.* А. А. Галактионов как социолог // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии.* 2013. Т. 14. Вып. 1. С. 150–153.

31. *Маслобоева О. Д.* Роль философов-шестидесятников в формировании творческого контекста XXI в. // *Творчество как национальная стихия: роль индивидуальности в творческом контексте XXI века: сб. статей Шестой международной научной конференции.* СПб., 2021. С. 12–27.

32. *Бороноев А. О., Синютин М. В.* Ленинградская школа историков русской социологии (1950–1980-е годы) // *Социология в Ленинграде–Санкт-Петербурге во второй половине XX века / под ред. А. О. Бороноева.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 6–41.

33. *Козловский В. В., Браславский Р. Г.* Ленинградская мозаика советской социологии // *Россия реформирующаяся: ежегодник, вып. 17.* М.: Новый Хронограф, 2019. С. 61–82.

Статья поступила в редакцию 24 июня 2022 г.;
рекомендована к печати 31 октября 2022 г.

Контактная информация:

Синютин Михаил Владимирович — д-р социол. наук; sinewtin@yandex.ru

Vocation of the Russian philosophy and sociology historian. Centennial of Professor Galaktionov

M. V. Sinyutin

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Sinyutin M. V. Vocation of the Russian philosophy and sociology historian. Centennial of Professor Galaktionov. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2022, vol. 15, issue 4, pp. 441–451. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.408> (In Russian)

The article is written to commemorate the centenary of the birth of the famous historian of Russian philosophy and sociology Anatoly Andrianovich Galaktionov (1922–2002), whose life activity for a long time was closely connected with St Petersburg (Leningrad) State University. The purpose of the article is a comprehensive understanding of the role of A. A. Galaktionov in the national historical and sociological tradition, as well as a synthesized assessment of his work from the standpoint of the current state of the history of sociology. The historian's work is revealed within the biographical context and the main stages of the scientist's life as a struggle for his research principles and beliefs. Based on the historiographical review, the sequence of formation of A. A. Galaktionov's key scientific ideas is thoroughly considered and the fundamental importance of methodological developments in the field of historical research of the Russian philosophical process is shown. On basis of this approach, his fundamental contribution to the development of Russian science was first concretized. An important conclusion is made that the main creative achievement of A. A. Galaktionov is the concretization and systematization of the historical-materialistic understanding of social thought in Russia. The identification of the national and cultural peculiarities of the Russian philosophical process is indicated as an important moment of this concretization. A vivid example of this kind of concretization was the comprehension of the historical place and significance of Slavophilism in the history of Russian social thought. For the first time in the Russian literature, his characteristic of Russian philosophy as a philosophy of life is highlighted. At the end of the article,

the relevance and value of A. A. Galaktionov's ideas for modern research of Russian philosophical culture and sociological thought is emphasized.

Keywords: A. A. Galaktionov, history of philosophy, Russian philosophy, history of Russian sociology, historical-materialistic method.

References

1. Aleksandrov G. F. *History of West European philosophy: kurs leksii, pročit. v Vyssh. part. shkole pri TsK VKP(b)*. Moscow, Politicheskaia literatura Publ., 1945. (In Russian)
2. Plekhanov G. V. History of Russian social thought: in 5 vols. *Sobranie sochinenii*. Vols XX–XXIV. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1925–1927. (In Russian)
3. Galaktionov A. A., Nikandrov P. F., Fedotov V. P. On the serious shortcomings in the highlight of the history of native philosophy. *Voprosy filosofii*, 1956, no. 6, 180–185. (In Russian)
4. *Essays on the history of philosophical and socio-political thought of the peoples of the USSR*. Vaseczkii G. S., Iovchuk M. T., Maslin A. N., Okulov A. F., Smirnova Z. V., Shhipanov I. Ya. (eds). Akademiya nauk SSSR. Institut filosofii, Moskovskii ordena Lenina Gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Lomonosova. Kafedra istorii russkoi filosofii. Moscow, AN SSSR Press, 1955–1956. Vols 1–2. (In Russian)
5. Galaktionov A. A., Nikandrov P. F. Methodological problems of the history of Russian philosophy. *Filosofskie nauki*, 1956, no. 3, p. 70. (In Russian)
6. Galaktionov A. A., Nikandrov P. F. *The main stages in the history of Russian philosophy*. Leningrad, LGU Press, 1958. (In Russian)
7. Galaktionov A. A., Nikandrov P. F. *History of Russian philosophy*. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1961. (In Russian)
8. Galaktionov A. A., Nikandrov P. F. *Ideologies of Russian narodnichestvo*. Leningrad, LGU Press, 1966. (In Russian)
9. Galaktionov A. A., Nikandrov P. F. *Russian philosophy of 9th–19th centuries*. Leningrad, 1970. (In Russian)
10. Galaktionov A. A., Nikandrov P. F. Slavophilism, its national origins and place in the history of Russian thought. *Voprosy filosofii*, 1966, no. 6, pp. 120–130. (In Russian)
11. Galaktionov A. A., Nikandrov P. F. *Russian philosophy of 9th–19th centuries*. 2nd ed., rew. Leningrad, 1989. (In Russian)
12. Danilevskij N. Ya. *Russia and Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Roman world*. 6th ed. St Petersburg, St Petersburg University Press, Glagol Publ., 1995. (In Russian)
13. Galaktionov A. A. *Russian sociology of 9th–20th centuries: uchebnik*. St Petersburg, Lan' Publ., 2002. (In Russian)
14. *History of philosophy in the USSR*. Vol. 5. Book 2. Moscow, Nauka, 1988. (In Russian)
15. Plimak E. G. *In the war and after the war (notes of the veteran)*. Moscow, Ves' mir Publ., 2005. (In Russian)
16. McConnell A. Soviet images of Radishchev's Journey from St Petersburg to Moscow. *The Slavic and East European Journal*, 1963, vol. 7, no. 1, pp. 9–17.
17. Galaktionov A. A., Nikandrov P. F. Slavophilism, its national roots and its place in the history of Russian thought. *Russian Studies in Philosophy*, 1967, vol. 6, no. 2, pp. 22–32.
18. Scheibert P. Zu einigen sowjetischen Neuerscheinungen über das Narodnicestvo. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*, 1972, Bd. 20, Hf. 1, SS. 101–106.
19. Goerdts W. Russische Philosophen und Rousseau in der Filosofskaja Enciklopedija. *Studies in Soviet Thought*, 1974, no. 14, pp. 275–296.
20. Jeu B. Review: Russkaja filosofija XI–XIX vekov by A. A. Galaktionov, P. F. Nikandrov = La philosophie russe des XI–XIX siècles by A. A. Galaktionov, P. F. Nikandrov. *Studies in Soviet Thought*, 1974, no. 14 (3/4), SS. 302–303.
21. Scanlan J. P. Populism as a philosophical movement in nineteenth-century Russia: The thought of P. L. Lavrov and N. K. Mikhajlovskij. *Studies in Soviet Thought*, 1984, vol. 27, no. 3 (Apr.), pp. 209–223.
22. Zweerde E. van der. Recent developments in Soviet historiography of philosophy. *Studies in Soviet Thought*, 1990, no. 39 (1), pp. 1–53.
23. Nemeth Th. Review: Russkaia filosofija XI–XIX vekov by A. A. Galaktionov, P. F. Nikandrov. *Studies in Soviet Thought*, 1991, no. 41 (1), pp. 77–79.

24. Zweerde E. van der. Soviet philosophy revisited: Why Joseph Bocheński was right while being wrong. *Studies in East European Thought*, 2003, vol. 55, no. 4, Toward an Assessment of the Contributions of J.M. Bocheński (Dec.), pp. 315–342.
25. DeBlasio A. Writing the history of Russian philosophy. *Studies in East European Thought*, 2011, no. 63, pp. 203–226.
26. Sinyutin M. V. Anatolii Andrianovich Galaktionov. *Rossiiskaiia sotsiologiia: istoriko-sotsiologicheskie issledovaniia*, iss. 3. Boronoev A. O. (ed.). St Petersburg, Asterion Publ., 2006, pp. 223–229. (In Russian)
27. Galaktionova E. D. On the creative way of A. A. Galaktionov. *Rossiiskaya sotsiologiia: Istoriko-sotsiologicheskie issledovaniia*, iss. 3. Boronoev A. O. (ed.). St Petersburg, Asterion Publ., 2006, pp. 230–239. (In Russian)
28. Ermichev A. A. A. A. Galaktionov and P.F. Nikandrov — Soviet historians of Russian philosophy. *Ruskaia filosofskaia mysl': na Rusi, v Rossii i za rubezhom*. Moscow, Moscow University Press, 2013, pp. 547–562. (In Russian)
29. Sinyutin M. V. If you love Russia... (To the 90th anniversary of A. A. Galaktionov). *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2013, vol. 14, iss. 1, pp. 140–149. (In Russian)
30. Boronoev A. O. A. A. Galaktionov as an sociologist. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2013, vol. 14, iss. 1, pp. 150–153. (In Russian)
31. Masloboeva O. D. The role of the philosophers of sixties in shaping the creative context of the 21st century. *Tvorchestvo kak natsional'naia stihia: rol' individual'nosti v tvorcheskome kontekste XXI veka: sbornik statei Shestoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. St Petersburg, 2021, pp. 12–27. (In Russian)
32. Boronoev A. O., Sinyutin M. V. Leningrad school of historians of Russian sociology (1950s–1980s). *Sotsiologiia v Leningrade — Sankt-Peterburge vo vtoroi polovine XX veka*. Boronoev A. O. (ed.). St Petersburg, St Petersburg University Press, 2008, pp. 6–41. (In Russian)
33. Kozlovsky V. V., Braslavsky R. G. Leningrad mosaic of Soviet sociology. *Rossia reformiruiushchaia: ezhegodnik*, iss. 17. Gorshkov M. K. (ed.). Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2019, pp. 61–82. (In Russian)

Received: June 24, 2022
Accepted: October 31, 2022

Author's information:

Mikhail V. Sinyutin — Dr. Sci. in Sociology; sinewtin@yandex.ru